ДБ-300
Н-19
Назаревский, В.В.
Столетие Отеч
воины 1812 г.
М., 1911

В. В. Назаревскій.

ДБ
300
Н19

СТОЛѢТІЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 года.

Съ 66 рисунками.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
МОСКВА.—1911.

DB
300
H19

В. В. Назаревскій.

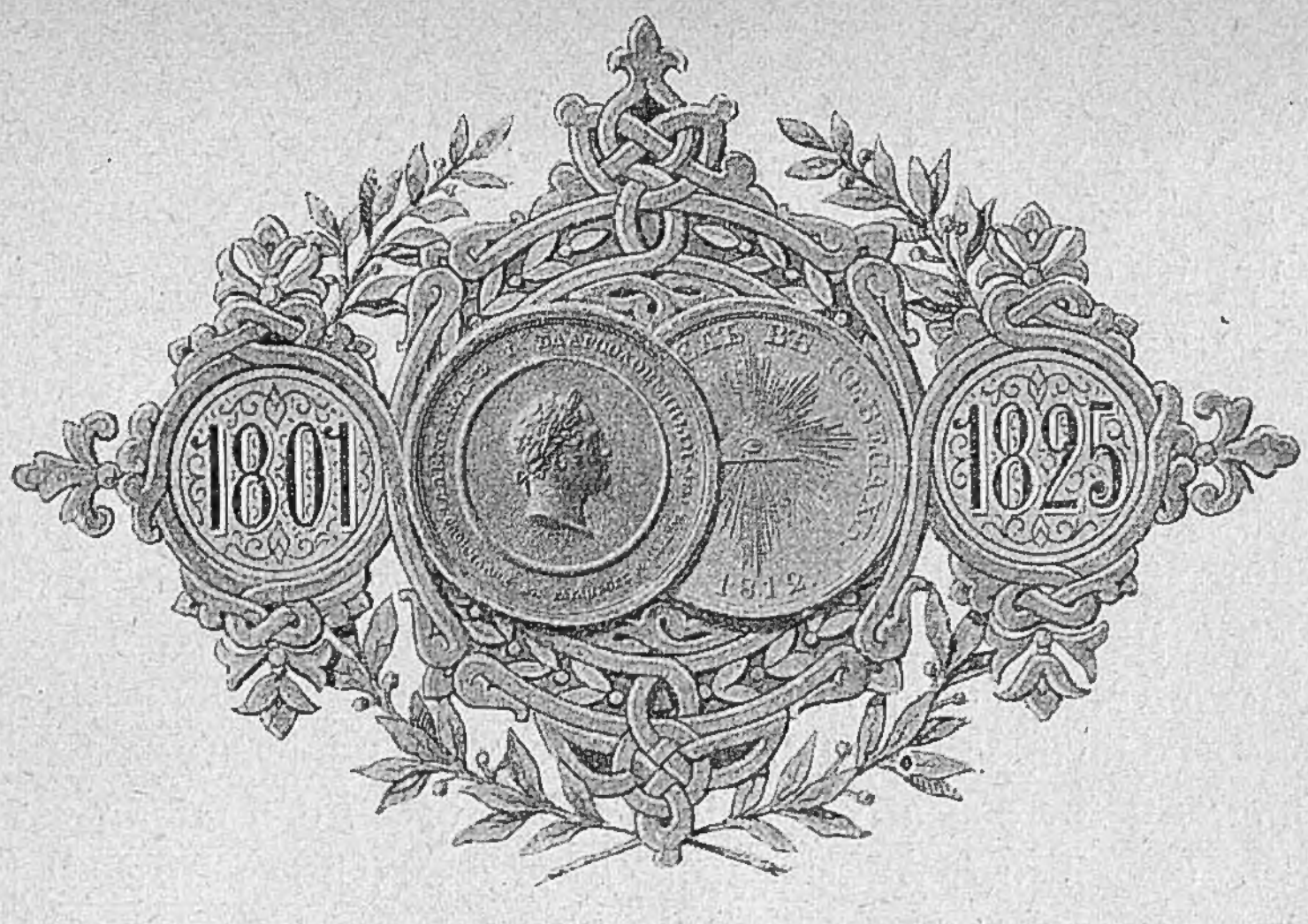
СТОЛѢТІЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 года.

Съ 66 рисунками.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
МОСКВА. — 1911.

3 экз.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
648048



I.

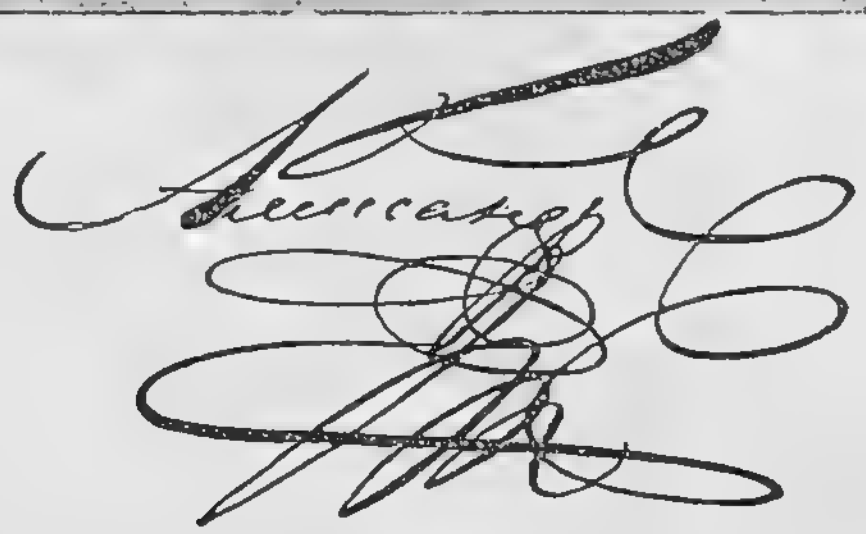
Отечественная война 1812 года и Бородинская битва.

Ровно чрезъ 200 лѣтъ, послѣ Смутнаго времени, въ началѣ XIX вѣка, при одномъ изъ преемниковъ царя Михаила Ѳеодоровича, для Россіи наступило новое лихолѣтье: въ 1812 году нашествіе непріятелей натворило намъ много тяжкихъ бѣдъ; Бѣлоруссія съ Смоленскомъ уже были въ ихъ рукахъ; они овладѣли также и Москвою, и она была разрушена до основанія, а отечеству нашему грозили дальнѣйшія страшныя опасности и, можетъ-быть, такая же потеря независимости, какая тяготѣла надъ нею въ 1612 году. Но и въ эту тяжкую годину отечество наше было спасено подъемомъ русскаго національнаго духа, который охватилъ всѣхъ, начиная съ нашего царственнаго вождя и опять освободилъ Русскую землю отъ завоевателей, также пришедшихъ съ запада.

Правда, въ эту пору мы были въ лучшемъ положеніи: не были безгосударны, и Русское царство, ставшее уже имперіей, за двѣсти лѣтъ сдѣлалось могущественнѣе прежняго. Но зато и враги, вторгшіеся въ Россію, были сильнѣе тѣхъ, что дѣйствовали противъ нея въ началѣ XVII вѣка: это были не польскія и шведскія войска, а полчища почти всей Западной Европы, во главѣ которыхъ стоялъ грозный полководецъ, прославившій себя многочисленными побѣдами — французскій императоръ Наполеонъ I.

Для того, чтобы понять цѣли его вторженія въ Россію, мы должны обозрѣть политическія ея отношенія къ Франціи съ начала царствованія императора Александра I, вступившаго на престолъ въ 1801 году.

Иностранная политика Петра I и Екатерины II была очень скупа на союзы съ другими государствами, мало заинтересована общеевропейскими дѣлами и не преслѣдовала мечтательно-идеалистическихъ задачъ, болѣе руководясь реальными, положительными интересами Россіи, а императоръ Павелъ I въ иностранныхъ дѣлахъ скорѣе руководился идеалистическими цѣлями и своими благородными, романтическими чувствами, чѣмъ національными интересами Россіи. Такова была его война съ Франціей въ союзѣ съ Австріей и Англіей. (См. нашу «Русскую Исторію», ч. IV, стр. 16—19). Тотъ же идеалистическій характеръ носила и политика Александра I. Впрочемъ, двадцатичетырехлѣтній государь, увлеченный теоріями XVIII вѣка, въ началѣ своего царствованія хотѣлъ всецѣло погрузиться въ обширныя внутреннія преобразованія Россіи. По вступленіи на престолъ онъ прекратилъ уже начатую войну съ Англіей, возвративъ съ похода въ Средней Азіи двинутыхъ на Индію казаковъ, и, видимо, охладѣлъ къ занимавшему его отца союзу съ Франціей и съ первымъ ея консуломъ Бонапартомъ. Этотъ послѣдній негодовалъ на то, что Александръ, вопреки своему отцу, измѣнилъ отношенія Россіи къ Англіи, стремившейся къ экономическому и политическому преобладанію въ мірѣ. Онъ полагалъ, что Франція и Россія уже по своему географическому положенію созданы для того, чтобы жить въ тѣсной между собою связи, конечно, въ ихъ собственныхъ практическихъ интересахъ, независимо отъ ихъ внутренняго государственнаго строя, а императоръ Александръ полагалъ, что эта связь необходима развѣ только для спокойствія всей Европы. Разгаданныя Павломъ Петровичемъ монархическія стремленія Наполеона были неясны еще для его сына, и онъ присланнаго изъ Франціи привѣтствовать его со вступленіемъ на престолъ генерала Дюрока озадачилъ тѣмъ, что именовалъ его, какъ республиканца, гражданиномъ. Между тѣмъ въ эту пору сами французы уже говорили, что имъ «нужны одна голова и одинъ мечъ», а дать это собирался Наполеонъ-Бонапартъ... Во Францію былъ назначенъ русскимъ посломъ человѣкъ екатерининскихъ преданій, графъ Морковъ, высокомѣрно державшій себя предъ уже чрезвычайно могущественнымъ первымъ консуломъ республики, а въ Вѣну, съ которою разорвалъ дипло-



матическія сношенія Павелъ Петровичъ, отправленъ былъ прежній, дружественный Австріи посолъ, графъ Андрей Разумовскій. Для характеристики идеалистическихъ, чуждыхъ національнаго реализма, стремленій молодого императора не маловажно то, что онъ медлилъ даже устройствомъ управленія въ Грузіи, которая добровольно поддалась Россіи въ предшествующее царствованіе, потому что онъ «считалъ несправедливымъ присвоеніе чужой земли». Вообще императоръ въ началѣ своего царствованія щепетильно старался сохранить дружественныя отношенія одинаково со всѣми, не хотѣвшими знать справедливости, государствами, не раздражая ни Англіи ни Франціи и благожелательно относясь даже къ Турціи. Но чѣмъ больше Россія, вдаваясь въ политическій идеализмъ, отказывалась отъ своего законнаго національнаго своекорыстія временъ Петра I и Екатерины II, тѣмъ болѣе она становилась орудіемъ для осуществленія интересовъ другихъ державъ. Такъ, въ 1802 году состоялось свиданіе Русскаго императора съ прусскимъ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III въ Мемелѣ. Здѣсь положено было прочное основаніе безкорыстнѣйшей дружбы нашего государя къ этому сосѣду, которой не могли уничтожить даже враждебныя Россіи вассальныя отношенія Пруссіи къ Наполеону и которая впослѣдствіи спасла Пруссію отъ неминуемой гибели, когда на нее обрушился всею своею силою Наполеонъ.

Между тѣмъ звѣзда Бонапарта поднималась все выше. Избранный въ первые консулы французской республики, Наполеонъ былъ 1802 года провозглашенъ пожизненнымъ консуломъ, въ чемъ Александръ Павловичъ усмотрѣлъ не только нарушеніе конституціи страны, но и явную тиранію и сталъ, вслѣдствіе именно этого, болѣе склоненъ внимать внушеніямъ, идущимъ противъ Франціи изъ Англіи и Австріи.

Прошло немного времени, и Наполеонъ уничтожилъ во Франціи ту самую республику, которая вознесла его на необычайную высоту славы, и былъ, на основаніи народнаго голосованія, провозглашенъ императоромъ. Новый цезарь, забывъ свои прежніе отрицательные республиканскіе взгляды и по отношенію къ католической церкви и по отношенію къ строю дореволюціонной Франціи, пожелалъ быть, какъ христіаннѣйшій государь, коронованнымъ самимъ папой римскимъ, прибывшимъ для этого въ Парижъ. Облаченный въ бархатную малиновую, усѣянную золотыми пчелами мантію, онъ со дня своей коронаціи сталъ считать себя, подобно Карлу Великому, политическимъ главою го-

Наполеонъ—императоръ.

сударствъ Запада; какъ карточные домики, уничтожалъ онъ настроенныя тамъ, по образу французской, республики и быстро обратилъ ихъ въ королевскія монархіи, на престолы коихъ посадилъ своихъ братьевъ и родичей. Такъ скоро возникли, вмѣсто недавнихъ республикъ, королевства: Итальянское, Неаполитанское, Голландское, Вестфальское, а Римскимъ королемъ былъ провозглашенъ сынъ Наполеона. Отторгнутыя отъ вассальной зависимости отъ Австріи, западно-германскія владѣнія составили, подъ главенствомъ Наполеона, Рейнскій союзъ, а его герцоги — баварскій, саксонскій и виртембергскій — получили изъ рукъ новаго императора королевскія короны. Самъ же онъ окружилъ себя пышнѣйшимъ дворомъ, въ которомъ вращались мгновенно обращенные въ придворную аристократію новые люди съ титулами герцоговъ, князей, графовъ, маркизовъ и маршаловъ французской имперіи. Такъ этотъ недавній республиканецъ круто поворотилъ въ сторону монархизма стараго времени...

Наканунѣ же этого огромнаго переворота Наполеонъ подвергъ преслѣдованію монархистовъ старой Франціи. Потрясающее впечатлѣніе въ Европѣ произвело то, что герцогъ энгіенскій, послѣдній потомокъ принца Конде, былъ захваченъ французскимъ отрядомъ въ баденскихъ владѣніяхъ, привезенъ во Францію и 9 марта 1804 года былъ, по приказанію Наполеона, разстрѣлянъ, безъ всякаго суда, на валу Венсенскаго замка.

Болѣе, чѣмъ кто-нибудь изъ западныхъ враговъ Наполеона, Александръ Павловичъ при вѣсти объ этомъ вспыхнулъ рыцарски-романтическимъ негодованіемъ и не только облекъ по этому поводу русскій дворъ въ трауръ, но и сдѣлалъ много практическаго для протеста противъ содѣяннаго: онъ разорвалъ дипломатическія сношенія съ Наполеономъ и сталъ формировать коалицію противъ него. Раньше другихъ, особой нотой онъ пригласилъ германскій сеймъ протестовать противъ французскаго властителя въ защиту неприкосновенности предѣловъ Германіи. Но Австрія, реальные интересы коей сильно страдали отъ Наполеона, медлила, однако, выступить противъ Франціи, а соперничавшая съ нею Пруссія дѣйствовала прямо въ руку послѣдней, несмотря на то, что нашъ императоръ ѣздилъ въ Берлинъ для воздѣйствія на прусскаго короля въ смыслѣ присоединенія къ коалиціи. И согласіе на это дано было лишь въ далекомъ будущемъ и притомъ подъ корыстнымъ условіемъ, что Россія будетъ дѣйствовать въ пользу пріобрѣтенія отъ англійскаго короля для Пруссіи Ганновера.

М. И. Кутузовъ.

Заслуживаетъ особаго вниманія, что въ этотъ столь запутанный моментъ русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ назначенъ, взамѣнъ А. Р. Воронцова, графъ Адамъ Чарторыйскій, сдѣлавшійся другомъ нашего государя и поддерживавшій въ немъ слишкомъ великодушныя мечтанія, въ интересахъ якобы высшей справедливости, о возстановленіи Польши со всѣми землями, отошедшими отъ нея не только къ Россіи, но и къ Австріи и Пруссіи. Новый министръ, какъ полякъ, желалъ, чтобы предстоящая война для достиженія этой именно цѣли была направлена и противъ Пруссіи, крѣпко державшейся за

польскія земли. Но это, вслѣдствіе личныхъ симпатій Александра I къ прусскому королю, ему не удалось, и коалиція, составившаяся изъ Россіи, Англіи, Австріи и Швеціи, должна была вести войну, минуя Пруссію, лишь противъ одного Наполеона.

Австрійцы, попрежнему дурно относившіеся къ русскимъ, не дождавшись нашихъ войскъ, попробовали на этотъ разъ наступательную тактику и, подъ начальствомъ генерала Мака, вторглись въ Баварію, но Наполеонъ, окруживъ ихъ войска при Ульмѣ, принудилъ ихъ къ сдачѣ. Посланнымъ къ нимъ русскимъ войскамъ, подъ начальствомъ Кутузова, пришлось отступать назадъ, при чемъ князь Багратіонъ, командуя аріергардомъ, мужественно отражалъ нападенія непріятелей. Кутузовъ добрался до Моравіи и желалъ отступить дальше, въ предѣлы Россіи, чтобы завлечь Наполеона на большее разстояніе отъ операціонной базы, но вынужденъ былъ вмѣстѣ съ австрійцами дать битву при Аустерлицѣ, которую Наполеонъ назвалъ битвой трехъ императоровъ, такъ какъ здѣсь присутствовали, кромѣ самого Наполеона, императоры русскій и австрійскій. Побѣда досталась здѣсь Наполеону. Францъ II поспѣшилъ поскорѣе заключить миръ съ нимъ, по коему отказался отъ Тироля и Венеціи и отъ титула германскаго императора и съ этого момента уже именовался императоромъ австрійскимъ. Александръ же, не вступая въ мирные переговоры, увелъ свои войска въ Россію и долженъ былъ вести войну съ Турціей, которую подстрекалъ къ этому Наполеонъ. (Она съ перерывами длилась шесть лѣтъ до 1812 года и окончена побѣдой графа Каменскаго близъ Рущука, а послѣ того — Кутузова у Слободзеи и по Бухарестскому миру дала намъ Бессарабію— земли отъ Днѣстра до Прута, а Молдавія, Валахія, Сербія и Грація были поставлены подъ покровительство Россіи.)

Между тѣмъ Наполеонъ сильно подавлялъ и унижалъ и другую нѣмецкую державу, именно покорную ему Пруссію: онъ трактовалъ ее, какъ покоренную страну, проводилъ чрезъ ея земли свои войска и безъ ея вѣдома мѣнялся ея землями (отдалъ ей въ обмѣнъ на нѣкоторыя прусскія земли отнятый у англичанъ Ганноверъ, а потомъ возвратилъ его имъ, не отдавъ прежде взятыхъ прусскихъ земель), требовалъ отъ прусскаго короля смѣны патріотически настроенныхъ министровъ и т. д. Это вывело изъ крайняго терпѣнія Пруссію, и она, вступивъ въ союзъ съ Россіей и Англіей, начала войну съ Наполеономъ, при чемъ повторила ошибку Австріи, т.-е. не дождалась русскихъ вспомогательныхъ войскъ. Ея арміи въ одинъ и тотъ же день были

Князь Багратіонъ.

уничтожены въ битвахъ при Іенѣ и Ауэрштедтѣ, что навело на пруссаковъ такую панику, что ихъ сильныя крѣпости съ значительными гарнизонами, малодушно сдавались безъ выстрѣла небольшимъ французскимъ отрядамъ, даже кавалерійскимъ. Берлинъ бытъ взятъ Наполеономъ, а король и его семья должны были спасаться въ восточную Пруссію подъ защиту русскихъ войскъ. Придя въ Пруссію подъ начальствомъ генерала Бенигсена, они одни должны были сражаться съ Наполеономъ. Битва при Прейсишъ-Эйлау изумила его стойкостью русскихъ войскъ и не дала ему ни малѣйшихъ трофеевъ, кромѣ огромныхъ потоковъ крови. Бенигсенъ считался даже побѣдителемъ въ этой битвѣ. Но послѣ нея онъ отступилъ. Чрезъ нѣкоторое время Наполеону, хотя и съ большими потерями, удалось, однако, одержать рѣшительную побѣду надъ нашими войсками подъ Фридландомъ.

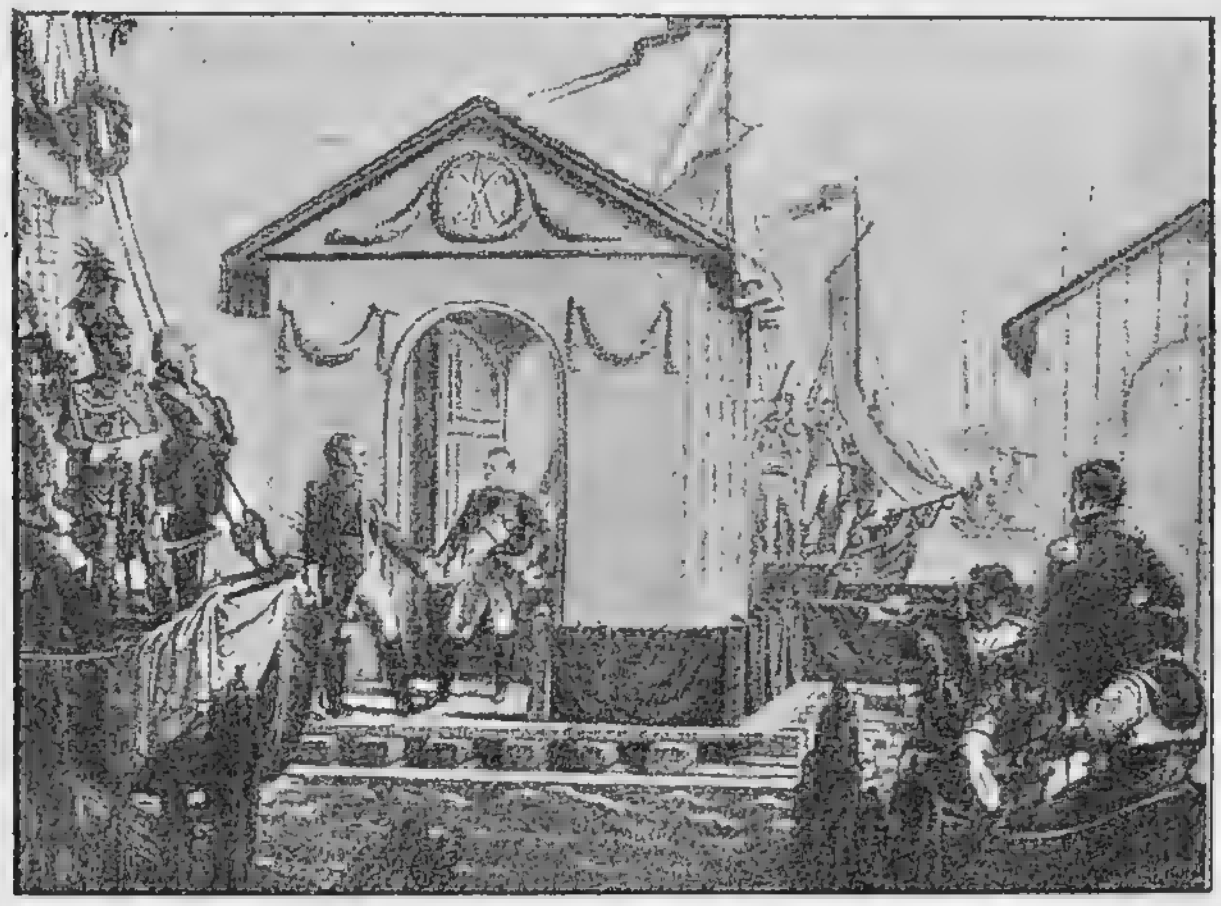
Вялость союзниковъ въ отстаиваніи своихъ собственныхъ интересовъ, чуждыхъ Россіи, нѣсколько измѣнила взглядъ Александра на Наполеона, считавшагося нашимъ врагомъ; и оба императора

были склонны заключить миръ, а Наполеонъ желалъ даже союза съ Россіей. Вслѣдствіе этого состоялось свиданіе ихъ въ Тильзитѣ, начавшееся встрѣчей недавнихъ враговъ посрединѣ рѣки Нѣмана, гдѣ на плоту были устроены двѣ палатки для государей и ихъ свиты. Оба произвели другъ на друга очень выгодное впечатлѣніе и много разъ и долго безъ посредниковъ обсуждали основанія для взаимнаго союза. Отдавая дань храбрости русскаго войска въ только что окончившейся войнѣ, Наполеонъ говорилъ нашему государю, что «соединенныя арміи Россіи и Франціи могутъ господствовать надъ міромъ, даруя ему благоденствіе и спокойствіе». «До сихъ поръ Россія безплодно де расточала свои силы, не имѣя въ виду никакого вознагражденія; а въ союзѣ съ Франціей она пріобрѣтетъ славу и, во всякомъ случаѣ, существенныя выгоды». Впослѣдствіи, развивая ту же мысль, Наполеонъ шелъ дальше и говорилъ нашему послу въ Парижѣ: «Если мы будемъ въ союзѣ, міръ будетъ принадлежать намъ. Вселенная подобна яблоку, которое я держу въ рукахъ (разговоръ шелъ въ концѣ обѣда). Мы (т.-е. онъ и Александръ I) можемъ разрѣзать его на двѣ части, и каждый изъ насъ можетъ взять себѣ половину»... Въ Тильзитѣ Наполеонъ предлагалъ нашему государю усиливать Россію на счетъ Турціи, даже господствовать въ проливахъ, которые составляютъ «ключъ къ нашему дому».

Но нашъ государь, представляя контрастъ Наполеону, былъ чуждъ національнаго и личнаго эгоизма и идеалистически беззавѣтно увлекался идеей всеобщей справедливости. Онъ не только не интересовался дѣлежомъ міровластительства, но и не воспользовался въ тотъ весьма благопріятный моментъ рѣшеніемъ въ Тильзитѣ въ русскихъ интересахъ прусскаго и польскаго вопросовъ. Когда Наполеонъ хотѣлъ стереть съ лица земли разгромленную Пруссію, Александръ Павловичъ употребилъ всю свою энергію на ея сохраненіе за династіей Гогенцоллерновъ. И если грозный завоеватель удовольствовался лишь отнятіемъ у нихъ половины ихъ владѣній, то они всецѣло обязаны этимъ безкорыстной дружбѣ нашего государя. По заключеніи мира съ Пруссіей, Наполеонъ сказалъ ея министру: «Вашъ король всѣмъ обязанъ дружбѣ къ нему императора Александра: безъ него онъ лишился бы престола, и я отдалъ бы Пруссію брату моему Іерониму. При такихъ обстоятельствахъ вашъ монархъ долженъ считать одолженіемъ съ моей стороны, если я что-нибудь оставляю въ его власти». Впослѣдствіи Наполеонъ во французскомъ законодательномъ корпусѣ объяснялъ «сохраненіе въ Пруссіи

династіи Гогенцоллерновъ единственно дружескимъ чувствомъ, внушеннымъ ему могущественнымъ императоромъ сѣвера».

Вопросъ объ отрѣзанныхъ отъ Пруссіи польскихъ владѣніяхъ легко могъ быть рѣшенъ въ Тильзитѣ полной передачей ихъ Россіи, безъ образованія изъ нихъ герцогства Варшавскаго, столь окрылившаго надежды поляковъ на возстановленіе Польши, если бы самъ Александръ I не считалъ раздѣлъ ея «исторической несправедливостью». Ему стоило только переговорить съ Наполеономъ, и герцогство Варшавское, надѣлавшее столько хлопотъ



Свиданіе въ Тильзитѣ.

Россіи, совсѣмъ не возникло бы. Россіи же въ Тильзитѣ досталась только небольшая Бѣлостокская область, и дано согласіе на присоединеніе, впрочемъ, лишь въ будущемъ, отъ Турціи Молдавіи и Валахіи. Такъ мало использованы были въ нашихъ практическихъ интересахъ новые союзъ и дружба Франціи [1]).

---

[1]) Наполеонъ, учреждая Варшавское герцогство, призракъ прежней Польши, создалъ занозу въ тѣлѣ Россіи. Ополяченные элементы Литвы и Западной Руси мысленно присоединились къ герцогству; изъ русскихъ окраинъ переходили тысячи шляхтичей для поступленія въ варшавскія войска. И обратно въ наши окраинныя области шли эмиссары герцогства, наполняли ихъ прокламаціями и вели явную пропаганду въ пользу возстановленія королевства польскаго въ предѣлахъ до 1772 года. Появлялись даже книгоноши, которые, въ числѣ другихъ запрещенныхъ изданій, распространяли кощунственную пародію на «Отче нашъ», которая гласила: «Отче нашъ — Наполеонъ, французскій императоръ, иже еси въ Парижѣ, да святится имя твое, яко въ нѣмецкой, прусской, такъ и въ нашей землѣ. Правленіе польское даждь намъ днесь» и т. д.

Но тильзитское соглашеніе было, главнымъ образомъ, направлено Наполеономъ противъ Англіи, бывшей душою всѣхъ коалицій противъ французской имперіи. Онъ убѣдился, что у него еще нѣтъ средствъ отнять отъ Англіи ея богатыя колоніи и особенно Индію, а также и въ томъ, что, не имѣя сильнаго флота, не можетъ побѣдить англичанъ на морѣ и высадиться съ сухопутными войсками въ Англіи, и потому рѣшился подорвать ея другую силу — богатую торговлю и промышленность — при помощи такъ называемой континентальной системы. Его союзники на континентѣ обязаны были закрыть всѣ свои гавани для кораблей Англіи и тѣмъ подрывать ея экономическое благосостояніе. Къ этой континентальной системѣ обязалась примкнуть и Россія. Но союзъ Россіи съ Франціей не былъ искренень; нашъ государь не довѣрялъ Наполеону особенно потому, что, какъ полагалъ, онъ стремится къ міровластительству; по поводу вышеприведенныхъ словъ его Александръ I говорилъ: «Сначала онъ удовольствуется одною половиной яблока, а тамъ придетъ охота взять и другую»... Тильзитскій союзъ, очевидно, не обѣщалъ долгаго существованія и скоро привелъ насъ къ войнѣ со Швеціей.

Мечтательный король ея Густавъ IV, считая Наполеона антихристомъ и преклоняясь передъ Александромъ I, какъ избранникомъ судьбы для борьбы съ нимъ, отказался разорвать свой союзъ съ Англіей и примкнуть къ континентальной системѣ, что вызвало войну Россіи съ Швеціей въ 1808—1809 годахъ. Наши войска подъ начальствомъ генерала Буксгевдена скоро заняли всю Финляндію и овладѣли сильною крѣпостью Свеаборгомъ; затѣмъ княземъ Багратіономъ заняты были Аландскіе острова; а зимою Барклай-де-Толли перешелъ по льду чрезъ Ботническій заливъ въ самую Швецію и подошелъ къ ея столицѣ Стокгольму. Въ виду происшедшихъ волненій Густавъ IV отказался отъ престола, а преемникъ его Карлъ XIII заключилъ миръ съ Россіей въ Фридрихсгамѣ, по которому мы получили остальную часть Финляндіи до рѣки Торнео, вмѣстѣ съ Аландскими островами. Эту завоеванную нашимъ оружіемъ область мы могли, какъ провинцію, присоединить къ Россіи на ряду со всѣми другими завоеванными нашимъ оружіемъ пріобрѣтеніями. Но великодушный и не свободный отъ своихъ теоретическихъ увлеченій императоръ даровалъ Финляндіи ея прежнее шведское провинціальное устройство и даже возвелъ ее, чего не было прежде, при шведскомъ владычествѣ, на степень великаго кня-

жества и къ нему присоединилъ еще и земли, ранѣе завоеванныя Петромъ Великимъ и Елизаветой Петровной и уже давно составлявшія на ряду съ прочими Выборгскую губернію, весьма сильно обрусѣвшую. Мало того, Александръ I созвалъ въ Финляндіи сеймъ, который самъ открылъ въ 1809 году въ Борго, куда прибылъ въ сопровожденіи Румянцева и Сперанскаго. Свои, незаслуженныя Финляндіей пожалованія онъ разъяснилъ въ сеймовой рѣчи своей и въ особой грамотѣ [1]).

Союзъ же съ Наполеономъ въ Россіи былъ очень не популяренъ и тяготилъ самого Александра I. Какъ ни силился укрѣпить и одушевить его властитель Франціи, ничто не помогало. Напрасно онъ устроилъ свиданіе съ нашимъ государемъ въ 1809 году въ Эрфуртѣ, гдѣ окружилъ себя необычайнымъ блескомъ, созвавъ сюда вассальныхъ ему государей, маршаловъ Франціи, гвардію и дворъ. Русскій императоръ, сохраняя ласковость къ своему союзнику, показывалъ ему, однако, неподатливость въ вопросахъ объ отношеніяхъ къ Австріи и Пруссіи, которыхъ, очевидно, не хотѣлъ отдать въ полную жертву Наполеону, какія бы оттого выгоды ни извлекла Россія. Вслѣдствіе этого у новаго императора стали слышаться ноты неудовольствія противъ Русскаго царя.

Въ ту пору императоръ французовъ, повидимому, былъ въ зенитѣ своей славы и могущества; но уже появлялись и признаки приближавшагося его паденія. Испанія, откуда онъ изгналъ

---

[1]) Напрасно, однако, шведо-финны, мечтающіе объ отдѣленіи Финляндіи отъ Россіи, говорятъ, будто Александръ I, по договору (?!) съ финляндцами, присоединилъ эту область къ имперіи, подъ условіемъ ея политической самостоятельности, съ конституціоннымъ устройствомъ, а не самъ даровалъ ей лишь мѣстное, провинціальное управленіе по нѣкоторымъ изъ шведскихъ законовъ. Созывая сеймъ въ Борго, онъ вовсе не давалъ финляндцамъ законодательнаго представительства, а, какъ выразился въ своей рѣчи, «желалъ узнать мысли и желанія» народа насчетъ истинныхъ его интересовъ, чтобы «принять ихъ въ соображеніе», «при распоряженіяхъ своихъ» относительно примѣненія прежде сложившагося судебно-административнаго строя. Самъ сеймъ «повергалъ на рѣшеніе его императорскаго величества всенижайшія желанія», какъ мнѣнія, а не какъ опредѣленія. И въ теченіе 64 лѣтъ, до императора Александра II, сеймъ не былъ собираемъ въ Финляндіи. Въ Фридрихсгамскомъ же трактатѣ было сказано о присоединеніи завоеванной области: «губерніи сіи, съ жителями, городами и портами... будутъ отнынѣ состоять въ собственности и державномъ обладаніи имперіи Россійской и къ ней навсегда присоединяются, жителямъ же обезпечиваются, по единственнымъ побужденіямъ великодушнаго соизволенія (Государя), свободное отправленіе ихъ вѣры, права собственности и преимущества (въ судебномъ и административномъ отношеніяхъ)».

династію Бурбоновъ и гдѣ онъ сдѣлалъ королемъ своего брата Іосифа, начала противъ французовъ народную, партизанскую войну. Австрія, доведенная до крайности, тоже готовилась къ новой войнѣ. Сама Франція, истощенная войнами, начинала тяготиться ихъ безпрерывностью. Въ домѣ самого Наполеона стало пахнуть гарью, если противъ него исподтишка дѣйствовали его собственные министры, какъ Фуше и Талейранъ. Этотъ послѣдній тайно отъ Наполеона явился къ русскому императору въ самомъ Эрфуртѣ и сказалъ ему: «Государь, зачѣмъ вы сюда пріѣхали? Вамъ предстоитъ спасти Европу, и вы можете достигнуть этого не иначе, какъ только не поддаваясь Наполеону. Французскій народъ цивилизованъ, а его государь нѣтъ; русскій государь цивилизованъ, а его народъ нѣтъ; поэтому русскому государю надлежитъ быть союзникомъ французскаго народа». На другой аудіенціи этотъ коварный министръ иностранныхъ дѣлъ такъ развилъ свою программу: «Рейнъ, Альпы, Пиренеи — это завоеванія Франціи. Все прочее — завоеванія императора Наполеона, Франція не дорожитъ ими»...

Талейранъ не ошибался, что Русскому царю дѣйствительно было суждено безкорыстно освободить Европу отъ этого колосса завоеваній, но онъ ошибался въ томъ, что какой бы то ни было изъ цивилизованныхъ народовъ Запада дастъ силы государю нашему нанести рѣшающій ударъ титану западной исторіи. Эти силы далъ ему «нецивилизованный» русскій народъ, когда завоеватель вторгся въ самое сердце Свято-Русской земли, чтобы отсюда итти дальше на покореніе всего міра. Наполеонъ разбился о грудь Россіи, а государямъ и народамъ Запада пришлось лишь добивать своего грознаго владыку.

Но будемъ, не предупреждая событій, говорить по порядку.

Примѣчательно, что ощутительнѣе всего для Александра I было разногласіе съ Наполеономъ именно по польскому вопросу, сдѣланному главною угрозою Россіи. Войну 1812 года онъ въ своей прокламаціи къ войскамъ назвалъ второю польскою войною, объяснивъ, что первая окончилась въ Тильзитѣ (созданіемъ Варшавскаго герцогства).

Вотъ что было еще въ 1810 году. Когда Австрія начала войну съ Наполеономъ и когда Александръ I въ силу Тильзитскаго соглашенія двинулъ неохотно, впрочемъ, противъ своей прежней союзницы войска, онъ далъ понять Наполеону, что не желаетъ, чтобы Варшавское герцогство было усиливаемо присоединеніемъ новыхъ земель, а поляки воспаляемы новою надеждой на возста-

новленіе Польскаго королевства; но тотъ, разгромивъ австрійскія войска при Ваграмѣ и принудивъ побѣжденную страну заключить миръ, именно три четверти исконно-русской Галиціи, вопреки настояніямъ Александра, отдалъ не Россіи, а Варшавскому герцогству, и лишь небольшую часть ея, въ 400 тысячъ населенія, отдалъ Русскому императору, правда, не очень желавшему проливать русскую кровь въ войнѣ съ Австріей.

Видя, какъ послѣ увеличенія Варшавскаго герцогства, становились строптивѣе поляки въ самыхъ предѣлахъ Россіи, нашъ государь настаивалъ, чтобы самое имя «Польское королевство»

К о м е т а 1812 г о д а.
Съ современнаго рисунка.

не было произносимо. Это было требованіе—не гальванизировать больше поляковъ химерой возстановленія Польши «отъ можа до можа», которое равнозначительно отбрасыванію величайшей имперіи въ предѣлы сѣверо-восточной Руси и стараго московскаго государства. Но Наполеонъ уклонялся отъ этого обязательства, ссылаясь даже на то, что онъ де не можетъ дать ручательства за своихъ преемниковъ, о коихъ, впрочемъ, и рѣчи не было; на самомъ же дѣлѣ онъ не полагался на вѣрность Александра союзу съ Франціей и вотъ почему наготовѣ держалъ польскій вопросъ, какъ орудіе противъ Россіи.

Ясно было, что именно этотъ пунктъ разногласія имѣетъ первенствующее значеніе для начавшихъ ссориться союзниковъ, и именно по этому поводу они почти одновременно и въ Петер-

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

бургѣ и въ Парижѣ заговорили о разрывѣ союза и войнѣ. Другіе же пункты разногласія между ними имѣли въ ту пору менѣе раздражающій характеръ и легче уладились бы.

По поводу вознагражденія родственника нашего государя герцога Ольденбургскаго, владѣнія котораго были отняты у него, самъ Наполеонъ говорилъ, что ему легко вознаградить герцога любыми другими германскими землями.

Относительно же нестрогаго соблюденія разорительной континентальной системы со стороны Россіи, куда привозились англійскіе товары на американскихъ корабляхъ, а также высокихъ пошлинъ на привозимые къ намъ изъ Франціи предметы роскоши, Наполеонъ говорилъ, что онъ изъ-за кофе, сахара, шелка и бархата воевать съ Россіей не станетъ.

Вообще же всѣ эти тренія появлялись и обострялись лишь въ виду главнѣйшаго вопроса, будетъ ли вѣрнымъ союзникомъ императора французовъ Русскій царь или нѣтъ? Александру же постоянно казалось, что Наполеонъ хочетъ сдѣлать его такимъ же вассаломъ, какъ и другихъ государей Запада. Вотъ въ виду этого-то борьба между ними становилась неизбѣжной, но и тотъ и другой думали, что это будетъ борьба только армій и государей, не предполагая, что она станетъ борьбой всего народа русскаго противъ западныхъ завоевателей, даже борьбою двухъ своеобразныхъ міровъ—западнаго и восточнаго.

Русскій царь и русскій народъ не захотѣли, какъ большинство государей и народовъ Запада, признать въ Наполеонѣ своего властителя, — вотъ, собственно, главнѣйшая, основная причина подготовлявшагося колоссальнаго столкновенія.

Между тѣмъ, еще въ 1810 году, Наполеонъ говорилъ: «Еще три года—и я буду владыкой вселенной».

Прощаясь съ французскимъ посломъ Коленкуромъ въ 1811 г., Александръ говорилъ ему: «У меня нѣтъ такихъ генераловъ,

Рубль 1812 года.

Медаль 1812 года.

какъ ваши, я самъ не такой полководецъ и администраторъ, какъ Наполеонъ, но у меня хорошіе солдаты, преданный мнѣ народъ, и мы скорѣе умремъ съ оружіемъ въ рукахъ, нежели позволимъ поступать съ нами, какъ съ голландцами и гамбургцами. Но, увѣряю васъ честью, я не сдѣлаю перваго выстрѣла. Я допущу васъ перейти Нѣманъ, но самъ не перейду его; я не хочу войны, не желаетъ ея и мой народъ, хотя и озлобленъ отношеніями ко мнѣ вашего императора... Но, если на него нападутъ, онъ сумѣетъ постоять за себя». Императоръ писалъ и самому Наполеону: «Я сумѣю сражаться и дорого продать свое существованіе». Видя у ногъ своихъ государей и государства Западной Европы, Наполеонъ не былъ удовлетворенъ: его постоянно преслѣдовала мысль: «Недостаетъ Россіи; пока не покорена она, я не буду повелителемъ міра; пока Русскій государь царствуетъ независимо, у меня остается соперникъ»...

Становилось все яснѣе, что роковая для западнаго завоевателя борьба приближается быстрыми шагами.

Главнѣйшіе историческіе дѣятели бурной и грозной эпохи 1812 года встрѣтили, какъ замѣчено, въ ея событіяхъ не то, что первоначально ожидали отъ предполагаемаго стеченія обстоятельствъ и соотношенія силъ и что намѣчали въ своихъ планахъ. Это должно сказать о тѣхъ, кто стояли на самой вершинѣ историческихъ событій и руководили ими: о Наполеонѣ и Александрѣ I.

Для перваго предстоящая война не представлялась самозащитой Россіи на жизнь и смерть, столкновеніемъ двухъ особыхъ міровъ, а такою же военной кампаніей, какой были итальянскія, австрійскія, прусская и другія. Онъ думалъ быстро и счастливо привести ее къ желаемому концу и громомъ побѣдъ заглушить

недовольство французовъ, шероховатости борьбы съ партизанами въ Испаніи, глухое недовольство порабощенныхъ нѣмцевъ и другихъ западныхъ народовъ; только бы смирить Россію нѣсколькими побѣдами — и дѣло будетъ кончено. Онъ даже не рѣшилъ еще, будетъ ли востокъ Европы состоять изъ двухъ государствъ: королевства польскаго и царства русскаго, или попрежнему здѣсь останется господствовать одна Россія, но и она, по замысламъ завоевателя, станетъ въ покорныя, вассальныя отношенія къ новому цезарю, второму Карлу Великому, и дастъ ему свои арміи и другія средства для похода въ Азію и прежде всего въ богатую Индію, откуда слѣдуетъ изгнать заклятыхъ враговъ Франціи — англичанъ, и гдѣ можно основать европейско-восточное владычество наподобіе того, какое тамъ нѣкогда создалъ Александръ Македонскій.

Правда, для такого огромнаго предпріятія противъ Россіи Наполеонъ сталъ собирать бо́льшія, чѣмъ прежде, военныя силы и привлекъ къ ихъ укомплектованію всѣ вассальныя государства Запада. Но то была количественная лишь разница отъ прежнихъ походовъ. Задача же для новаго похода была та же, какъ и прежнихъ: разбить русскія арміи, взять одну или двѣ столицы Россіи, продиктовать ей тотъ или другой миръ, глядя по обстоятельствамъ, — вотъ и все.

Конечно, если Россія будетъ сопротивляться упорно, то послѣ созданія польскаго королевства съ западными и южными русскими владѣніями, пожалуй, можно будетъ восточную Россію раздробить на прежнія удѣльныя княжества, о чемъ думалъ еще Карлъ XII въ началѣ второго Семилѣтія Великой Сѣверной войны: такимъ образомъ царство Всероссійское перестанетъ существовать и быть помѣхой въ его владычествѣ надъ міромъ.

Александръ I, уже столько разъ принимавшій участіе въ войнахъ противъ Наполеона, конечно, понималъ великую трудность предстоящей войны и, разумѣется, предвидѣлъ Аустерлицы и Фридланды и невыгодный миръ, въ родѣ тѣхъ, какіе заключали Австрія, Пруссія и другія державы Запада; но онъ даже и тогда, когда Наполеонъ перешелъ русскую границу, еще не совсѣмъ потерялъ надежду на соглашеніе съ нимъ: на все смотрѣлъ онъ еще прежними западными глазами.

Но этотъ взглядъ на предстоящую борьбу скоро началъ смѣняться въ немъ болѣе глубокимъ прозрѣніемъ въ сущность и смыслъ событій и въ духъ русскаго народа, не сходный съ духомъ западныхъ народовъ.

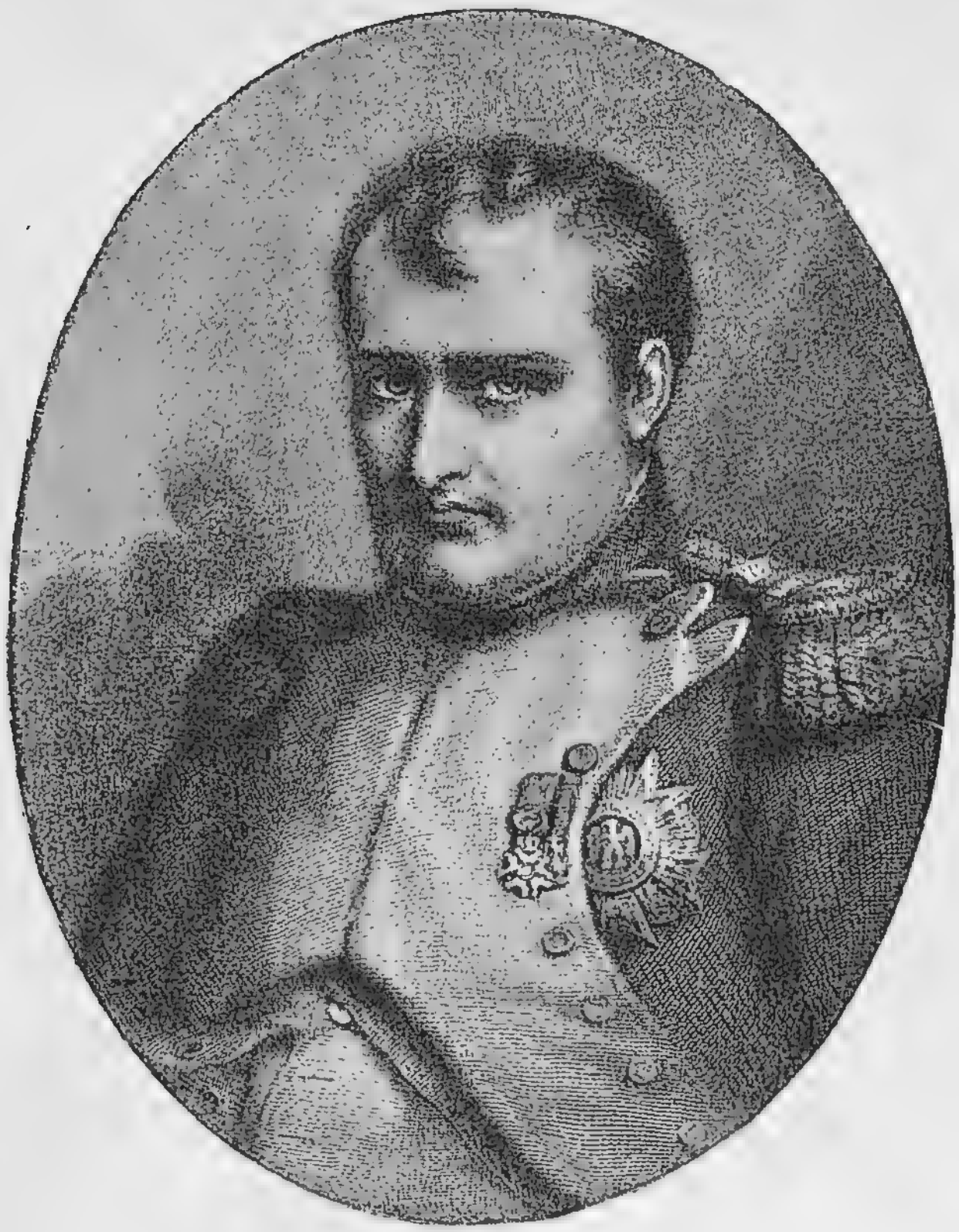
Русскій царь, какъ уже сказано, рѣшился не начинать войны, а лишь защищать свое отечество, и еще въ 1811 году говорилъ объ этомъ французскому послу Коленкуру.

Сформировавъ оборонительныя арміи: первую — западную, подъ начальствомъ военнаго министра Барклая-де-Толли (120.000), онъ расположилъ ее въ Виленской губерніи; вторую—тоже западную, подъ начальствомъ князя Багратіона (37.000), расположилъ между Нѣманомъ и Бугомъ въ Гродненской губерніи, а третью—наблюдательную за Австріей (обсерваціонную), подъ начальствомъ Тормасова (46.000), двинулъ къ ея границамъ. Государь, получивъ извѣстіе, что полчища Наполеона, сосредоточившіяся въ Варшавскомъ герцогствѣ, приближаются къ русскимъ границамъ, отправился въ апрѣлѣ 1812 года въ первую армію, чтобы принять личное участіе въ войнѣ. Положеніе наше было крайне тяжело: силъ было недостаточно, и мы были одиноки; съ Англіей государь медлилъ заключить союзъ, а заключенный союзъ съ Швеціей не давалъ намъ активной помощи.

Барклай-де-Толли.

Наполеонъ же съ чрезвычайной самоувѣренностью готовился къ отъѣзду къ своей арміи, но передъ этимъ, чтобы выиграть время для сосредоточенія войскъ и чтобы вызнать, что дѣлается въ Россіи, послалъ къ императору Александру генерала Нарбонна съ письмомъ, съ которымъ тотъ и прибылъ въ Вильну, гдѣ остановился государь.

Императоръ Александръ, указывая французскому посланцу на лежавшую передъ нимъ карту, сказалъ: «Я не ослѣпляюсь мечтами и знаю, въ какой мѣрѣ императоръ Наполеонъ — великій полководецъ; но на моей сторонѣ, какъ видите, пространство и время. Во всей этой враждебной для васъ землѣ нѣтъ такого отдаленнаго угла, куда бы я не отступилъ, нѣтъ такого пункта, котораго бы я не сталъ защищать, прежде чѣмъ согласиться заключить постыдный миръ. *Я не начну войны, но не положу оружія, пока хоть одинъ непріятельскій солдатъ будетъ оставаться въ Россіи*». Очевидно, въ государѣ уже крѣпло рѣшеніе объ упор-



Наполеонъ.

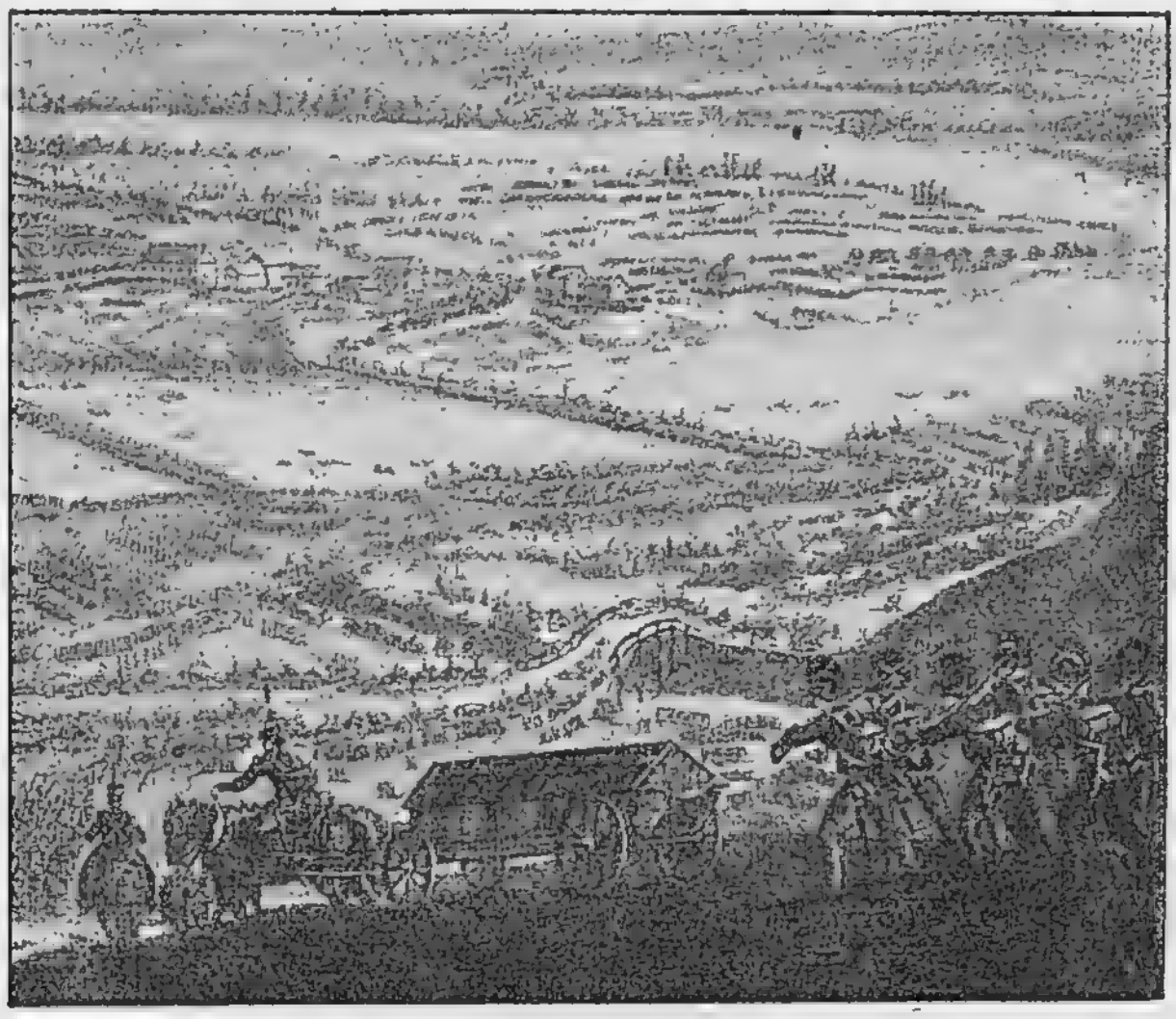
ной и продолжительной борьбѣ съ Наполеономъ, не похожей на предшествующія войны съ нимъ.

4 мая Наполеонъ прибылъ въ Дрезденъ съ императрицей Луизой, дочерью австрійскаго императора, на которой онъ женился послѣ того, какъ его предложеніе относительно брака съ сестрой нашего государя великой княжной Анной Павловной было отклонено. Сюда собрались и многочисленные коронованные вассалы Наполеона. Здѣсь находились императоръ австрійскій и король прусскій, присоединившій свои войска къ арміи Наполеона, и множество другихъ государей Запада. Здѣсь были и маршалы Франціи, множество придворныхъ и гвардія. Изъ Дрездена надменный Наполеонъ отправился въ герцогство Варшавское...

12 іюня, во время бала, даннаго нашему государю въ окрестностяхъ Вильны, получено было извѣстіе, что «великая армія», состоявшая изъ 600.000 человѣкъ, съ милліоннымъ резервомъ въ

цѣломъ рядѣ государствъ Запада, уже стала переходить черезъ Нѣманъ въ предѣлы Россіи. Въ ея составѣ были поляки, австрійцы, пруссаки, итальянцы, голландцы, испанцы, португальцы и другія народности Запада.

Наполеонъ съ горделивымъ завоевательнымъ задоромъ говорилъ по этому поводу въ своемъ приказѣ по арміи: «Солдаты! Вторая польская война началась. Первая окончилась подъ Фридландомъ и въ Тильзитѣ. Россія увлекается рокомъ и не избѣгнетъ судьбы своей. Пора прекратить пятидесятилѣтнее кичли-



Переправа Наполеоновской арміи черезъ Нѣманъ.

вое вліяніе ея на дѣла Европы. Вторая польская война будетъ столько же славна, какъ и первая».

Совершенно чисто-русскій контрастъ представляло настроеніе Русскаго царя. Въ своемъ манифестѣ о вступленіи враговъ въ Россію онъ говорилъ: «Не нужно мнѣ напоминать вождямъ, полководцамъ и воинамъ объ ихъ долгѣ и храбрости!.. Воины! Вы защищаете вѣру, отечество и свободу. Я съ вами. На зачинающаго Богъ». Примѣчательны послѣднія слова государя: онъ повторилъ то, что сказалъ Петръ Великій передъ самымъ началомъ битвы своей подъ Полтавой съ Карломъ XII.

Находя опору въ сознаніи своей правоты и въ надеждѣ на помощь Божію, Русскій царь рѣшительнѣе, чѣмъ вышеназванному послу Наполеона, возвѣстилъ, что онъ будетъ бороться

съ властолюбивымъ врагомъ до конца, до послѣдней капли крови, и въ рескриптѣ на имя предсѣдателя Государственнаго Совѣта писалъ: «Оборона отечества, сохраненіе независимости и чести народной принудили насъ препоясаться на брань... Я не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ моемъ царствѣ»... Это произвело сильное и глубокое впечатлѣніе въ Россіи на всѣхъ; но, желая еще разъ противопоставить свое миролюбіе завоевательнымъ стремленіямъ Наполеона, онъ послалъ генералъ-адъютанта Балашова сказать Наполеону, что миръ все еще возможенъ, если Наполеонъ отодвинетъ свои войска отъ границы Россіи.

Посланецъ нашъ могъ получить аудіенцію у Наполеона только въ Вильнѣ, откуда лишь за нѣсколько дней уѣхалъ Русскій царь и притомъ въ тѣхъ же комнатахъ, гдѣ онъ останавливался. Наполеонъ сказалъ генералъ-адъютанту Балашову: «Неужели вы думаете, что я привелъ столько войскъ, чтобы посмотрѣть на Нѣманъ?» и насмѣшливо спросилъ русскаго генерала: «Какія дороги ведутъ въ Москву?» Тотъ съ патріотическимъ сарказмомъ отвѣчалъ, что онъ можетъ указать только ту, которою шелъ Карлъ XII, но «она идетъ чрезъ Полтаву». Столь язвительный отвѣтъ заставилъ Наполеона прекратить свое издѣвательство.

Есть свидѣтельство одного современника, что Наполеонъ думалъ, по заключеніи мира въ Москвѣ, провозгласить себя здѣсь императоромъ всего Запада, главой европейской федераціи и защитникомъ христіанской религіи на востокѣ и для предстоящей церемоніи взялъ изъ Парижа все свое императорское облаченіе, которое погибло во время похода.

Россію онъ мѣрилъ западно-европейскимъ аршиномъ. Разсчитывая, что мы не можемъ противопоставить ему ни равныхъ по количеству военныхъ силъ, ни соотвѣтствующихъ полководцевъ, въ родѣ нашего Суворова, онъ полагалъ, что стоитъ ему только одержать одну или двѣ побѣды и взять Москву, чтобы Россія, въ лицѣ ея государя и арміи, была у его ногъ, какъ Австрія, Пруссія и другія государства Запада. Наполеонъ, положившись на увѣренія поляковъ, будто находившійся въ крѣпостной зависимости народъ ненавидитъ самое государство и высшіе классы, и что послѣдніе, усвоивъ себѣ западно-европейское образованіе, совсѣмъ чужды патріотизма, не ждалъ себѣ энергическаго сопротивленія и даже разсчитывалъ на обильную измѣну. Но онъ не принялъ въ соображеніе того завѣтнаго русскаго патріотизма, самоотверженія и самопожертвованія, какія уже начинали гото-

Александръ I.

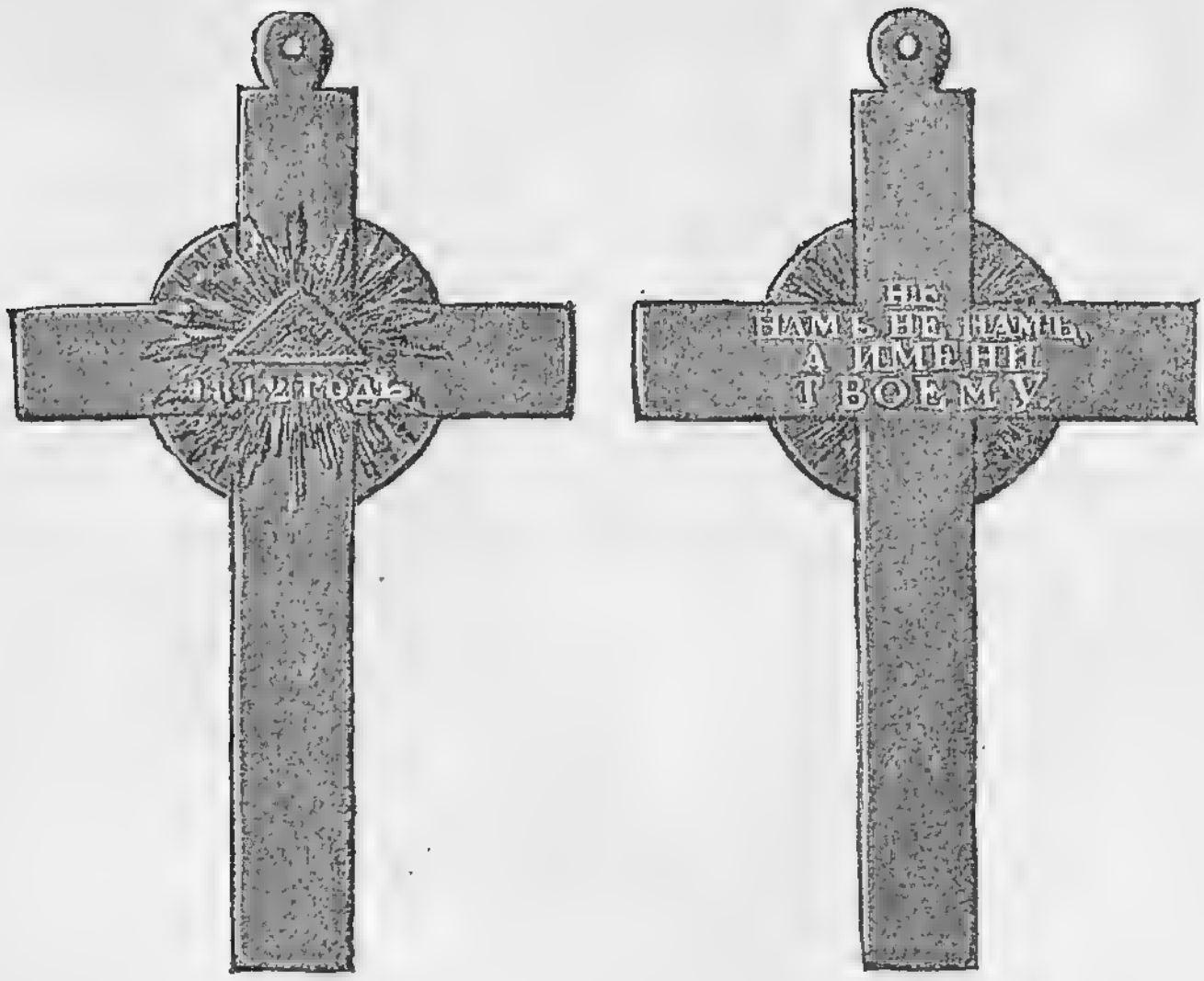
вить ему въ своемъ инстинктивномъ единеніи царь и народъ Россіи и которыя обратили борьбу 1812 года въ войну народную.

Въ эту тяжелую пору Русскій Самодержецъ, забывъ свои недавнія западническія увлеченія, быстро и глубоко проникся русскимъ національнымъ духомъ и въ глубинѣ его нашелъ такія силы, которыхъ не подозрѣвалъ Наполеонъ и которыя не поддаются раціоналистическимъ исчисленіямъ.

Онъ отказался отъ своего плана оставаться при своихъ войскахъ и пришелъ къ важному рѣшенію поднять народную войну противъ западныхъ полчищъ, отдавъ распоряженіе о томъ, чтобы обѣ западныя арміи, отступая внутрь Россіи, шли на соединеніе между собою; въ Полоцкѣ же 6 іюля подписалъ онъ знаменитѣйшій манифестъ свой о созывѣ всенародныхъ ополченій, проявившій чрезвычайную чуткость духа Русскаго царя и его безповоротную рѣшимость.

При новомъ, болѣе глубокомъ прозрѣніи въ закипавшую народную борьбу онъ не дѣлалъ въ своемъ манифестѣ различія даже между духовными и мірянами и звалъ всѣхъ и все на борьбу съ врагами до послѣдней капли крови, до послѣдняго вздоха. При этомъ въ его сознаніи возникли не воспоминанія изъ періода нашего сближенія съ Западомъ, не громъ итальянскаго и швейцарскаго походовъ Суворова, не грохотъ Кагула, Рымника, Полтавы, а свято-русскіе образы страшныхъ дней 1612 года, когда Русь погибала, когда былъ поставленъ вопросъ: быть ей или не быть? Государь говорилъ Русскому народу: «Да встрѣтитъ врагъ въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ—Палицына, въ каждомъ гражданинѣ—Минина... Соединитесь всѣ съ крестомъ въ сердцѣ и оружіемъ въ рукахъ, и никакія человѣческія силы васъ не одолѣютъ». Глубоко-потрясающее впечатлѣніе производилъ этотъ манифестъ всюду и на всѣ классы. Русскій народъ, воспитанный въ суровой школѣ своей исторіи, входилъ въ глубину своего національно-религіознаго сознанія, чтобы почерпнуть въ немъ новыя силы къ смертной борьбѣ за самое бытіе свое.

То, что одушевляло самодержавнаго вождя, вдохновило и весь народъ, и за ожидаемыми новыми Пожарскими, Палицыными и Миниными скоро и столь же самоотверженно пошли и Сусанины — крестьяне, которые спрашивали еще до Бородина у проходившихъ солдатъ, не пора ли, молъ, намъ, служивые, жечь свои избы и села, чтобы они не доставались врагамъ...



Наперсный крестъ 1812 года.

Всего сильнѣе сказался подъемъ народнаго духа въ Москвѣ, куда, покинувъ отступавшую армію, отправился государь.

11 іюля въ Москвѣ, гдѣ былъ обнародованъ манифестъ о всенародномъ ополченіи и особое воззваніе къ первопрестольной столицѣ, стало извѣстно, что ѣдетъ государь, и что онъ уже близокъ, въ одномъ переѣздѣ отъ нея, и она мгновенно поняла, что значитъ этотъ пріѣздъ. «И вотъ Москва, — говоритъ современникъ, — *вышла изъ себя*»: ушла вся навстрѣчу своему царю. Безъ всякаго уговора, мгновенно стали запираться всюду и торговыя заведенія, и мастерскія, и дома, и волны народа, на милуту заходя въ отпертые храмы, или только помолившись у нихъ, устремились за заставу, на Смоленскую дорогу, навстрѣчу государю. На протяженіи 15 верстъ за Москвой вся эта дорога залита была народомъ. Медленно сквозь густыя толпы двигалась коляска государя. На пути въ селахъ навстрѣчу къ нему выходило въ облаченіяхъ, съ крестами, сельское духовенство. Извѣстный поэтъ того времени, основатель «Русскаго Вѣстника», Ѳедоръ Глинка писалъ: «Церковныя облаченія, свѣчи въ рукахъ священниковъ сильно дѣйствовали на душу, волновали чувства и возбуждали множество мыслей... Тяжело становилось на сердцѣ, томилась душа и тревожился умъ... Глаза невольно поднимались къ небу, какъ бы желая въ немъ прочесть будущую судьбу

отечества». Въ полночь государь подъѣхалъ къ Москвѣ. На Поклонной горѣ его встрѣтило духовенство изъ ближней церкви: священникъ держалъ на серебряномъ блюдѣ крестъ, дьяконъ стоялъ съ зажженной свѣчой. Государь остановилъ лошадей, вышелъ изъ коляски, положилъ земной поклонъ и съ глубокимъ вздохомъ приложился ко кресту. Въ отвѣтъ на этотъ вздохъ изъ груди смиреннаго священника вырвался энергическій возгласъ: «Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его»... Окружающій народъ, охваченный глубокимъ чувствомъ, тихо заговорилъ: «Наполеону не побѣдить насъ: для этого нужно всѣхъ насъ перебить»... Уже слышалось глубокое народное движеніе.

Съ разсвѣтомъ 12 числа народныя волны залили не только Кремль, но и прилегающія къ нему мѣстности. Въ 9 часовъ на высотѣ Краснаго крыльца появился государь и поклонился народу. Раздалось такое «ура», которое заглушило звонъ колоколовъ на Иванѣ Великомъ и, казалось, страшною силой своей потрясло всѣ основанія Кремля. На каждой ступени историческаго крыльца множество стоявшихъ на колѣняхъ обнимали ноги государя, цѣловали полы его одежды, обливая ее слезами. У подножія крыльца какой-то старикъ въ крестьянской одеждѣ сказалъ: «Не унывай, государь, видишь, сколько насъ въ одной Москвѣ. Веди насъ, куда знаешь, отецъ нашъ родимый! Все отдадимъ тебѣ. Всѣ умремъ или побѣдимъ».

Растроганный государь едва могъ двигаться сквозь тѣснившійся народъ. Свита пыталась раздвигать его, но государь говорилъ: «Не троньте, я и такъ пройду». Казалось, такого единенія царя и народа никогда не видала историческая Москва и встарь. Безмолвные государь и народъ только обмѣнивались взорами, но въ этихъ взорахъ уже была рѣшена судьба всего—судьба Москвы, судьба войны, судьба Наполеона. При входѣ въ Успенскій соборъ архіепископъ Августинъ въ глубокомъ прозрѣніи сказалъ: «Господь силъ съ тобою, царь: Онъ обратитъ бурю въ тишину и умолкнутъ волны потопныя. Съ нами Богъ! Разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ».

Помолившись у мощей святителей московскихъ и у гробовъ своихъ державныхъ предковъ, государь отправился въ Слободской дворецъ, гдѣ собраны были дворянство и городскія сословія.

По прочтеніи манифеста среди дворянъ заговорили: «Теперь не время разсуждать, надобно скорѣе дѣйствовать; кипитъ война необычайная. Она требуетъ мѣръ чрезвычайныхъ. Двинемся съ

крестьянами сотнями тысячъ, вооружимся, чѣмъ можемъ. Дружинами своими отрѣжемъ Наполеону путь назадъ, покажемъ, что Россія возстаетъ за Россію, на свою защиту!»

Въ другомъ залѣ, гдѣ собрались купечество и другія сословія, чтеніе манифеста съ каждымъ новымъ словомъ его все больше волнуетъ присутствующихъ. Но вотъ прочтены слова: «Непріятель съ лестью на устахъ несетъ въ рукахъ оковы», и въ залѣ раздаются грозные клики гнѣва и ярости, рвутъ на себѣ волосы, бьютъ себя въ грудь, ломаютъ руки...

Прибылъ государь, и мгновенно водворилась мертвая тишина. Вотъ онъ говоритъ дворянамъ: «Вы, по примѣру предковъ, не потерпите ига чуждаго, и непріятель не восторжествуетъ въ своихъ дерзкихъ замыслахъ. Этого ожидаетъ отъ васъ отечество и государь».

«Готовы умереть. Все, что имѣемъ, отдаемъ тебѣ», раздалось по залу, и тотчасъ же стали говорить, сколько поскорѣе вооружить ратниковъ за счетъ дворянства; въ первое же ополченіе рѣшено было снарядить 80 тысячъ и пожертвовать 3 милліона деньгами.

Государь плакалъ, отъ волненія никто не могъ удержать слезъ. Успокоившись нѣсколько, онъ сказалъ: «Я многаго ожидалъ отъ московскаго дворянства, но оно превзошло мои ожиданія. Благодарю васъ именемъ отечества!» Покинувъ дворянство, онъ перешелъ въ купеческую залу и здѣсь также, до глубины души, былъ потрясенъ грознымъ энтузіазмомъ и многомилліонными пожертвованіями. Съ поразительной быстротой москвичи собрали между собою 10 милліоновъ на войну.

Взволнованный и умиленный государь много и много разъ повторялъ: «Этого дня я никогда не забуду»...

Государь воочію увидалъ въ Москвѣ Русь допетровскую, во всей ея безграничной любви къ царю и отечеству, готовую на всѣ пожертвованія, на самую поголовную гибель, ради спасенія Россіи... Русская историческая идея всеобдержно охватила и царя и народъ и уже предрѣшила гибель враговъ. Государь скоро уѣхалъ изъ Москвы, но уже ничего не могло измѣниться въ сердцѣ Россіи и во всемъ ея народѣ. Война съ Наполеономъ стала безпримѣрно-грозною войною народною. По пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ государь говорилъ: «Жалѣю, что не могу, какъ бы желалъ, отвѣчать на преданность этого *чуднаго народа*. Прискорбно, что я — не полководецъ, такъ какъ воспитался при дворѣ, а не отданъ былъ на воспитаніе Румянцеву или Суво-

рову. Но у меня достаточно воли, чтобы не погрѣшить противъ своего народа заключеніемъ мира».

Между тѣмъ войска наши отступали, завлекая Наполеона въ глубь Россіи, хотя это больше и больше возбуждало ропотъ въ войскѣ, непривыкшемъ отступать, а также и въ самомъ народѣ. Особенно тяжело обрушивалось недовольство за это на Барклая-де-Толли, котораго не любили, какъ человѣка сухого и замкнутаго и какъ нѣмца по фамиліи, его даже совершенно напрасно

Витгенштейнъ.

заподозрѣвали въ измѣнѣ. На его привѣтствія войско отвѣчало обиднымъ и даже зловѣщимъ молчаніемъ... Рѣшено было, чтобы арміи Барклая и Багратіона соединились подъ Витебскомъ. Наполеонъ же старался всячески помѣшать этому и говорилъ, что тотъ и другой никогда больше не увидятся. Противъ отдѣленнаго отъ первой арміи для защиты дороги въ Псковъ и Петербургъ корпуса генерала Витгенштейна, онъ отправилъ часть своего войска подъ начальствомъ маршаловъ Макдональда и Удино, которые потерпѣли пораженіе подъ Полоцкомъ и не могли двинуться по направленію къ Петербургу. Отступленіе же главныхъ нашихъ войскъ сопровождалось упорными битвами Барклая у Витебска, Багратіона подъ Могилевымъ и Оршей. Во-

Сраженіе подъ Смоленскомъ 5 августа.

преки усиліямъ Наполеона наши войска 21 іюля соединились подъ Смоленскомъ, а для обезпеченія отступленія ихъ далѣе рѣшено было защищать нѣкоторое время этотъ городъ. Прежде всего генералъ Невѣровскій съ 7.000 отрядомъ подъ Краснымъ геройски отбилъ 40 атакъ Наполеонова зятя, неаполитанскаго короля Мюрата, и далъ возможность 16-тысячному корпусу Раевскаго занять Смоленскъ. Цѣлый день 4 августа, несмотря на громадныя потери, этотъ храбрецъ отбивалъ приступы 200-тысячной непріятельской арміи. На слѣдующій день его утомленныя войска смѣнилъ корпусъ генерала Дохтурова, который снова отбилъ всѣ приступы непріятеля. Въ ночь на 6 августа вся наша армія спокойно отступила по дорогѣ къ Москвѣ, а слѣдомъ за нею двинулся изъ Смоленска Дохтуровъ, оставивъ изумленному Наполеону однѣ обгорѣлыя развалины города, покрытыя массами убитыхъ...

Ропотъ арміи на отступленіе и недовольство рвавшагося въ бой князя Багратіона Барклаемъ, а также все разраставшееся крайнее неудовольствіе въ народѣ побудили государя назначить одного главнокомандующаго надъ всѣми арміями и народными ополченіями. Особо составленное совѣщаніе по этому предмету остановило выборъ главнокомандующаго на сподвижникѣ Румянцева и Суворова, князѣ Кутузовѣ, о которомъ послѣдній, послѣ штурма Измаила, сказалъ, что онъ шелъ на лѣвомъ его крылѣ, но былъ его правою рукой.

Этотъ 67-лѣтній вождь, только что счастливо окончившій турецкую войну, былъ избранъ дворянствомъ Петербургской губерніи въ предводители его ополченія. Народъ съ восторгомъ и надеждами встрѣтилъ это назначеніе и на всемъ пути къ войску провожалъ полководца трогательными знаками своего сочувствія и довѣрія. Наполеонъ, узнавъ объ этомъ назначеніи, назвалъ его старою лисицею сѣвера. «Я докажу ему, что онъ не ошибся», сказалъ по этому поводу Михаилъ Иларіоновичъ.

17 августа главнокомандующій засталъ наши войска между Гжатскомъ и Вязьмой, гдѣ Барклай предполагалъ дать битву Наполеону. Принимая почетный караулъ у Царева-Займища, Кутузовъ сказалъ: «Ну, какъ можно отступать съ такими молодцами». Среди солдатъ, истомленныхъ долгими отступленіями, пошелъ говоръ: «Пріѣхалъ Кутузовъ бить французовъ». Когда онъ верхомъ объѣзжалъ войска, надъ нимъ взвился огромный орелъ и продолжалъ парить во время смотра. Признавъ, однако, избранную позицію неудобною для сраженія, главнокомандующій

Кутузовъ.

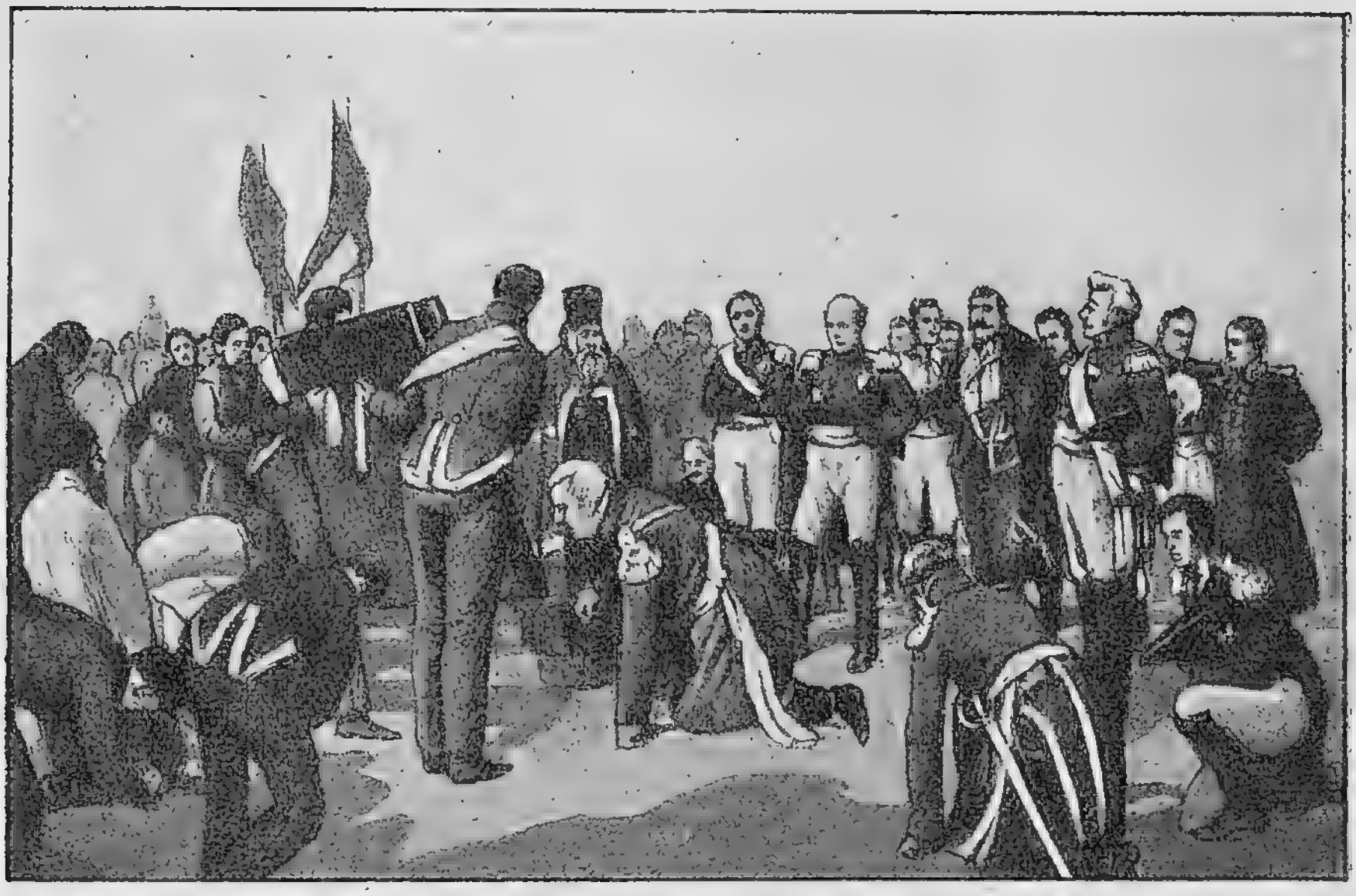
далъ приказъ отступать дальше, но теперь войска двинулись уже безъ ропота и унынія.

Десяти верстъ не доходя до Можайска, они получили приказъ остановиться на обширныхъ поляхъ близъ села Бородина, за сто верстъ до Москвы. Здѣсь Кутузовъ рѣшилъ дать сраженіе Наполеону.

Позиція, на которой расположилось наше стотысячное войско, тянулась на семь верстъ (см. планъ), отъ рѣки Москвы и черезъ село Бородино до старой Смоленской дороги. Впереди, версты за двѣ, было поставлено укрѣпленіе, Шевардинскій редутъ, который былъ занятъ десятитысячнымъ нашимъ отрядомъ. Оно было построено для того, чтобы непріятель при атакѣ развернулъ и обнаружилъ для насъ свои силы. За Шевардинымъ отъ села Бородина, черезъ которое идетъ новая Смоленская дорога, ее и пространство вправо отъ нея заняла армія Барклая, составившая центръ и правое крыло. Отъ Бородина влѣво у деревни Семеновской, на старой Смоленской дорогѣ, до деревни Утицы, стала армія Багратіона, составивъ наше лѣвое крыло.

24 августа французы, подъ начальствомъ Мюрата, послѣ цѣлаго ряда атакъ на одинъ изъ отрядовъ второй арміи заняли къ

Наполеонъ передъ битвой.
Съ французской гравюры.

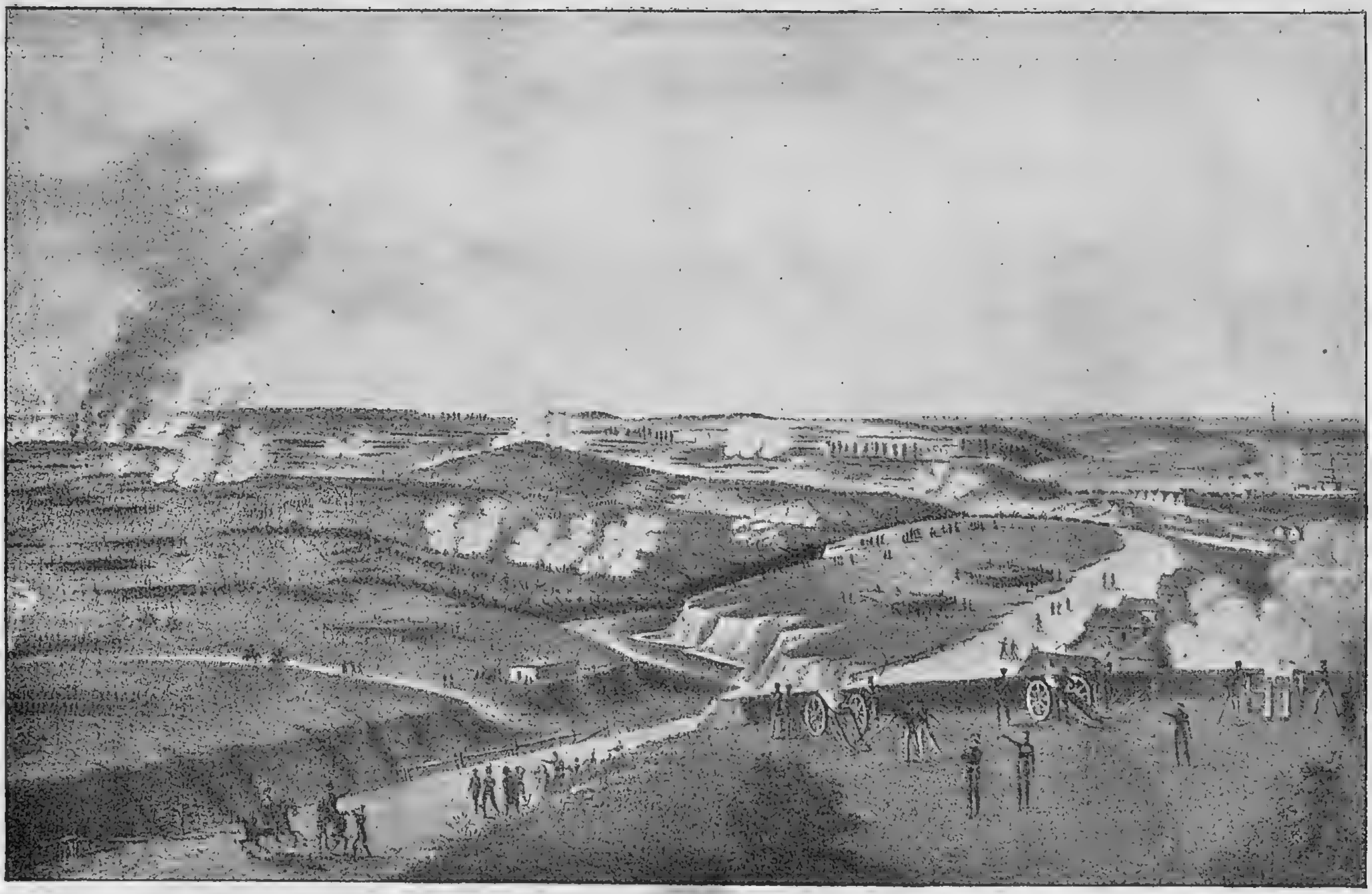


Икона Смоленской Богоматери на Бородинскомъ полѣ.

вечеру Шевардинскій редутъ, а наши войска отошли на главную линію нашего расположенія.

Весь день 25 числа прошелъ въ приготовленіяхъ съ обѣихъ сторонъ къ предстоящему огромному бою.

Во всѣхъ нашихъ полкахъ служили молебны. Послѣ полудня вдоль всей линіи нашихъ войскъ тихо и торжественно двинулось духовенство съ чудотворной иконой Смоленской Божіей Матери, вынесенной войсками изъ дымящихся развалинъ Смоленска. Глубокое впечатлѣніе производило это шествіе съ чтимой святыней, съ зажженными свѣчами, съ развѣвающимися хоругвями. Десятки тысячъ воиновъ въ молитвенномъ порывѣ становились на колѣни предъ Заступницей усердной Земли Свято-Русскія. Маститый Кутузовъ палъ предъ иконой на землю въ горячей молитвѣ. «Сами иновѣрцы, не только христіане, но даже магометане и язычники, — говоритъ очевидецъ, — не остались равнодушными. Всѣ почувствовали себя предъ лицомъ ожидающей ихъ смерти, всѣ невольно обращались къ Богу». Солдаты надѣвали чистыя рубахи, готовясь къ славной, святой смерти за родину. Хотя, благодаря усердію народа и близкой Москвѣ, у войска было всего вдосталь, но не объ ѣдѣ думало оно. Призывъ къ чаркѣ водки остался напраснымъ; солдаты отвѣчали: «Не къ



Бой у деревни Горокъ.
Здѣсь во время битвы находился Кутузовъ.

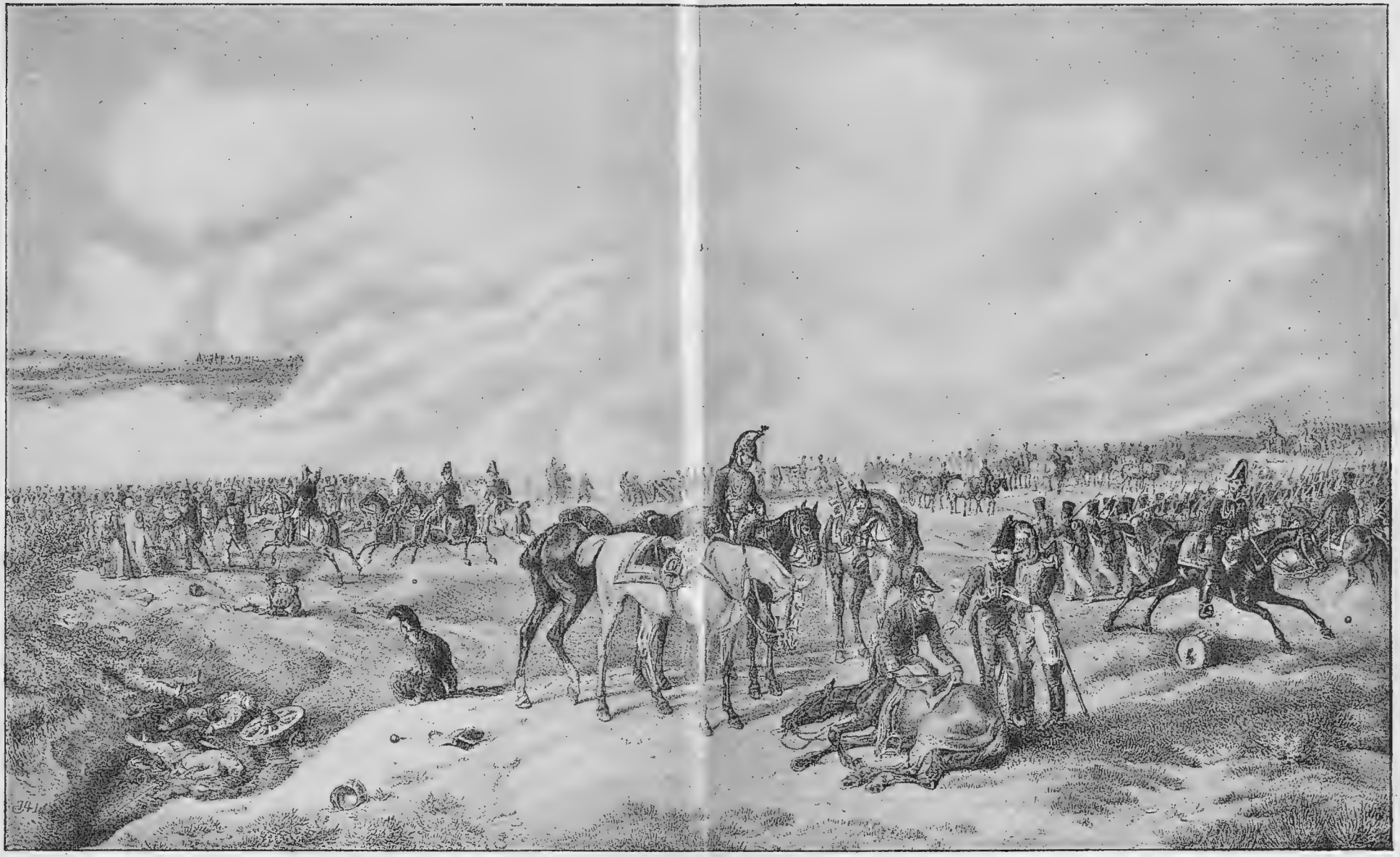
У Шевардинскаго редута.

Бой у Семеновскаго.

тому готовимся, не такой нынче день». Въ торжественной тишинѣ, почти безъ костровъ, встрѣтило надвинувшуюся ночь наше войско.

Между тѣмъ въ непріятельскомъ лагерѣ было шумно. Тамъ самонадѣянно радовались ожидаемой побѣдѣ и предстоящему занятію Москвы, и не скоро замолкли клики въ честь императора. «И слышно было до разсвѣта, какъ ликовалъ французъ»...

Едва забрезжилъ свѣтъ, какъ зашевелились войска. Когда восходившее солнце стало прорѣзать лучами холодный воздухъ, вышедшій изъ своей палатки Наполеонъ спросилъ: «Что дѣлается у русскихъ?» и, узнавъ, что они остаются на позиціяхъ, выразилъ свое удовольствіе и прибавилъ: «Сегодня немного холодно, но ясно: это — солнце Аустерлица». Передъ войсками стали читать императорскій приказъ: «Воины! Вотъ сраженіе, котораго вы такъ давно ожидали. Побѣда зависитъ отъ васъ. Она необходима для васъ; она доставитъ вамъ все нужное, удобныя квартиры и скорое возвращеніе въ отечество. Дѣйствуйте такъ, какъ дѣйствовали вы при Аустерлицѣ, Фридландѣ, Витебскѣ и Смоленскѣ... Пусть позднѣйшее потомство съ гордостью вспомнитъ о вашихъ подвигахъ въ сей день. Да скажутъ о каждомъ изъ васъ: онъ былъ въ великой битвѣ подъ Москвою».



Бородинская битва. Съ французской гравюры.

Передъ шестью часами съ непріятельской стороны раздался первый пушечный выстрѣлъ и замеръ въ минутной тишинѣ. Скоро загремѣли второй и третій, и канонада съ обѣихъ сторонъ изъ 1.200 пушекъ слилась быстро въ ужасный потрясающій ревъ.

Главный напоръ непріятельскихъ атакъ направленъ былъ на нашемъ лѣвомъ крылѣ на укрѣпленіе близъ Семеновскаго (Багратіоновы флеши) и въ центръ на Бородино и батарею Раевскаго.

Корпусъ Даву атаковалъ Багратіоновы флеши, и непріятель уже ворвался было въ наши укрѣпленія, но прибытіе самого Багратіона со вспомогательными войсками заставило Даву, послѣ жаркихъ схватокъ, очистить ихъ и отступить.

Одновременно вице-король итальянскій Евгеній Богарне двинулся на село Бородино и заставилъ гвардейскихъ стрѣлковъ уйти за Колочу. Но попытка его перейти чрезъ эту рѣчку была отбита съ большимъ урономъ.

Послѣ неудачи первыхъ двухъ атакъ Наполеонъ началъ новыя съ удвоенными силами.

Уже два корпуса (присоединенъ былъ другой подъ начальствомъ маршала Нея) снова двинулись на Семеновскія флеши. Багратіонъ потребовалъ подкрѣпленій съ праваго фланга, но они могли подойти лишь къ двумъ часамъ. Однако наступленіе непріятелей было встрѣчено нашими войсками страшнымъ пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ. Но это не остановило надвигавшуюся впередъ тучу. Массы непріятеля достигли уже укрѣпленій. Впятеро слабѣйшія числомъ наши войска встрѣтили врага грудью. «Земля тряслась, какъ наши груди. Смѣшались въ кучу кони, люди»... Закипѣла отчаянная рукопашная схватка. Ряды наши рѣдѣли, но не отступали. Цѣлая наша дивизія въ неравной борьбѣ была скошена, уничтожена, и непріятель овладѣлъ укрѣпленіями. Скоро, однако, подоспѣла посланная Тучковымъ дивизія Коновницына. Запылалъ новый ожесточенный бой. Дважды укрѣпленія переходили изъ рукъ въ руки. Въ это время пораженный картечью палъ главный защитникъ лѣваго фланга, доблестный кн. Багратіонъ, и наши войска, очистивъ укрѣпленія, отошли за оврагъ у деревни Семеновской. Мюратъ со своей конницей напалъ на нихъ, и здѣсь въ грозномъ молчаніи русскіе гвардейцы подпустили враговъ на близкое разстояніе къ себѣ. Но вдругъ ряды ихъ сверкнули тысячью выстрѣловъ, и массы непріятельскихъ труповъ усѣяли поле. Самые «желѣзные кира-

Бородицкій монастырь.

Н. Н. Раевскій.

сиры» Наполеона разсѣялись въ безпорядкѣ. Свѣжія атаки, все настойчивѣе повторявшіяся, заставили насъ оставить французамъ и Семеновское, откуда они стали артиллерійскимъ огнемъ обстрѣливать во флангъ батарею Раевскаго.

Послѣ отбитой первой попытки перейти чрезъ Колочу у Бородина вице-король итальянскій перешелъ эту рѣчку нѣсколько выше и двинулъ свой корпусъ въ атаку на батарею Раевскаго. Несмотря на неравное съ непріятелемъ число ея защитниковъ, и это нападеніе было геройски отбито, но скоро у насъ стало не хватать зарядовъ, и враги овладѣли центральной батареей... Начальникъ штаба первой арміи, генералъ Ермоловъ, схвативъ первыя попавшіяся ему войска, стремительно бросился на вра-

Кавалерійская схватка.

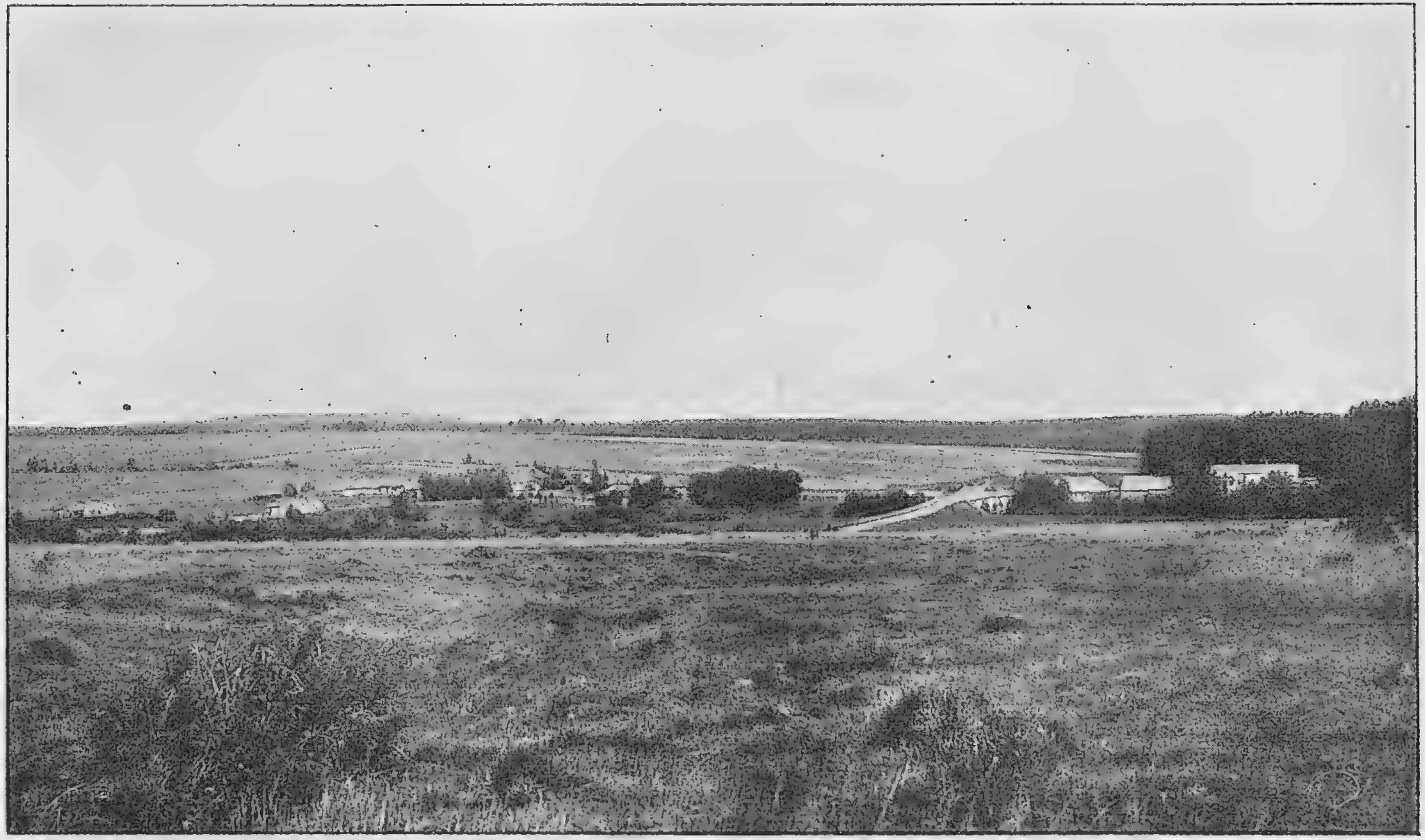
говъ и въ нѣсколько минутъ выбилъ ихъ изъ покинутаго укрѣпленія. Окрестность его была загромождена грудами труповъ.

Въ первомъ часу Наполеонъ сосредоточилъ огромныя силы для новой атаки на батарею Раевскаго, но это нападеніе было задержано неожиданнымъ движеніемъ: лихой атаманъ донскихъ казаковъ Платовъ съ нѣсколькими полками перешелъ черезъ

А. П. Ермоловъ.

рѣчку Колочу и, обойдя лѣвый флангъ непріятелей, напалъ на ихъ тылъ. Это произвело переполохъ и отвлекло вниманіе самого Наполеона отъ нашего центра, что на два часа замедлило атаку на батарею Раевскаго, которая была тѣмъ временемъ поддержана нашими подкрѣпленіями. Возобновившійся въ 2 часа бой сдѣлался еще упорнѣе, еще кровопролитнѣе.

Что произошло въ нашемъ центрѣ, не поддается никакому описанію. Гулъ сотенъ орудій, непрерывная ружейная пальба, крики сражающихся, стоны раненыхъ производили оглушающее впечатлѣніе. Самъ Барклай, какъ будто искавшій смерти, вы-

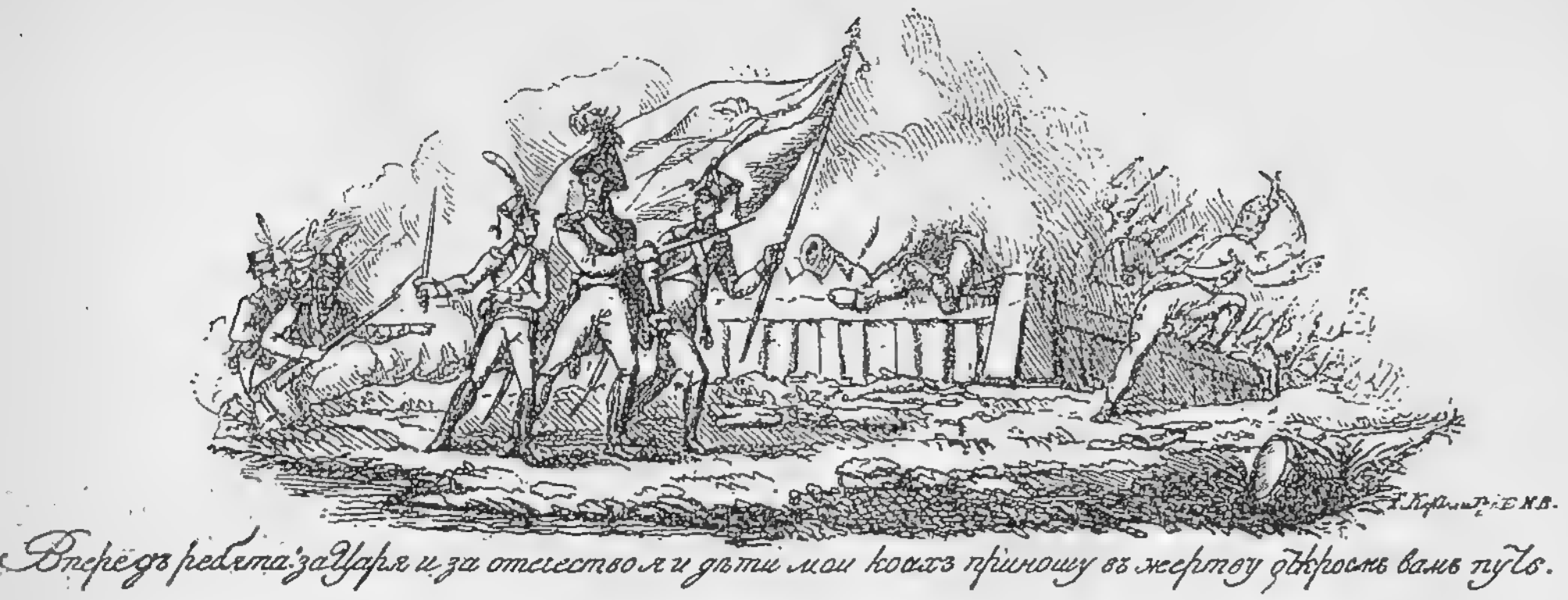


Бородинское поле.

нужденъ былъ защищаться саблей; около него былъ убитъ пулей въ голову его адъютантъ Ламздорфъ. Подъ давленіемъ превосходныхъ силъ непріятеля наши войска, оставивъ централь-

У батареи Раевскаго.

ное укрѣпленіе, отошли назадъ. Но и отступивъ на 1½ версты, они готовы были съ прежней энергіей возобновить бой, чтобы не пустить врага въ сердце Россіи. У Наполеона оставался еще двадцатитысячный резервъ, не бывшій въ бою, — это его старая



Н. Н. Раевскій съ сыновьями на Бородинскомъ полѣ.
Со старинной картины.

гвардія. Маршалы нѣсколько разъ просили его двинуть ее въ дѣло, чтобы выиграть побѣду. Но императоръ рѣшительно сказалъ, что онъ въ трехъ тысячахъ верстахъ отъ Франціи не желаетъ рисковать послѣднимъ своимъ резервомъ. Артиллерійская канонада продолжалась, но уже атакъ больше не было.

Наполеонъ увидалъ, что достигнутые имъ небольшіе успѣхи были совсѣмъ не то, что было во всѣхъ прежнихъ 50 сраженіяхъ его; онъ понималъ, что двѣнадцатичасовое невыигранное сраженіе равняется при громадности потерь проигранному. Онъ и его войска почувствовали смущеніе передъ врагомъ, который, потерявъ половину войска, стоялъ такъ же грозно въ концѣ битвы, какъ и въ ея началѣ. Нравственная побѣда была одержана не Наполеономъ, а русскими. На Бородинскомъ полѣ онъ увидалъ, что представляетъ Русское воинство, защищающее родную землю, и понялъ всю разницу между нравственною силой Русскаго народа и народовъ Западной Европы, въ борьбѣ съ которыми онъ привыкъ къ быстрымъ и рѣшительнымъ успѣхамъ.

Примѣчательно, что нерѣшительное съ внѣшней стороны сраженіе и Наполеонъ и Кутузовъ считали каждый своею побѣдою. Первый послалъ извѣщеніе въ Парижъ императрицѣ Маріи-Луизѣ, что онъ одержалъ побѣду надъ русскими войсками подъ Москвою, а Кутузовъ поздравлялъ русскія войска съ побѣдой и думалъ на утро возобновить сраженіе. Такой же характеръ имѣло и его донесеніе императору Александру.

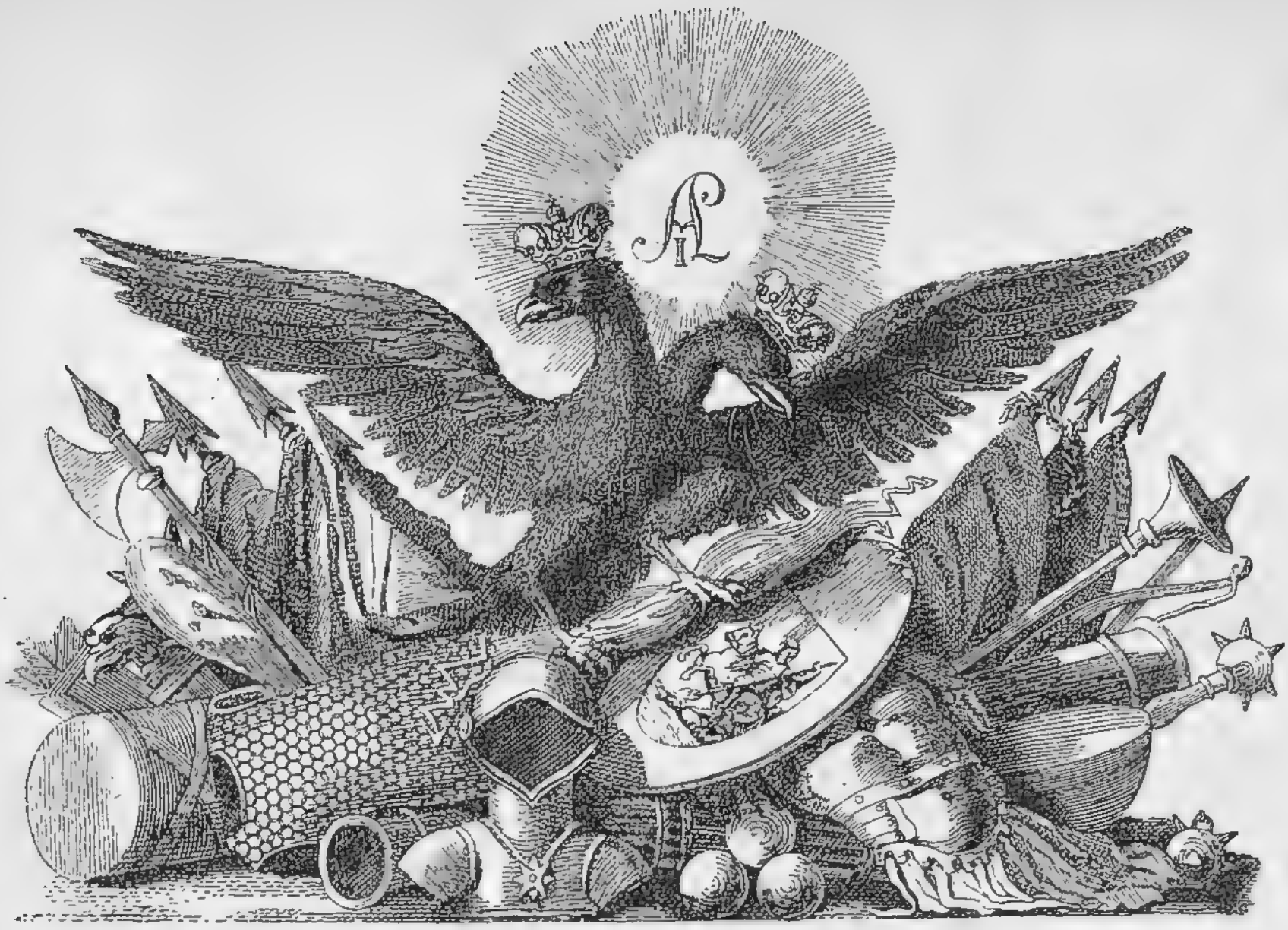
На Бородинскихъ поляхъ мы потеряли выбывшими изъ строя 44.000 человѣкъ, въ томъ числѣ 22 генерала (Тучковы, Горчаковъ, Воронцовъ, Бахметьевъ и др.) и 2.000 офицеровъ. Не

меньше были и потери непріятеля: у него однихъ генераловъ выбыло изъ строя 49, почему французы называли Бородинское дѣло сраженіемъ генераловъ. У насъ послѣ битвы осталось 52.000 человѣкъ, а у Наполеона—95.000.

«Изъ всѣхъ моихъ сраженій,—говорилъ на островѣ св. Елены Наполеонъ, — самое ужасное то, которое я далъ подъ Москвою. Французы показали себя достойными одержать побѣду, а русскіе стяжали право быть непобѣдимыми».

«Не даромъ помнитъ вся Россія про день Бородина», сказалъ нашъ родной поэтъ.

Наступившая ночь положила конецъ битвѣ 26 августа. Въ полночь Кутузовъ, получивъ свѣдѣнія о понесенныхъ потеряхъ, нѣсколько иначе взглянулъ на дѣло и, не рѣшаясь въ слѣдующій день на битву, отдалъ приказаніе войскамъ отступать за Можайскъ къ Москвѣ, думая о битвѣ подъ ея стѣнами...



II.

Занятіе Наполеономъ Москвы и гибель его полчищъ.

Москва, куда стали привозить раненыхъ съ Бородинскаго поля, не знала, что будетъ дальше. Ручаясь своими сѣдыми волосами, Кутузовъ писалъ московскому генералъ-губернатору графу Ростопчину, что онъ не отдастъ Москвы врагамъ безъ боя. Но изъ Москвы быстро вывозились уже святыни и государственныя драгоцѣнности, для чего окрестные крестьяне снарядили 52.000 подводъ, отказываясь брать за это плату. Многія осторожныя семьи также покидали Москву. Но Ростопчинъ все еще продолжалъ увѣрять населеніе столицы, что будетъ новая битва подъ Москвою. По случаю Бородинской битвы онъ напечаталъ, воспроизводимую далѣе фотографически, афишку.

1 сентября почти вся армія наша подошла къ Москвѣ, и Кутузовъ приказалъ генераламъ Ермолову и Толю осмотрѣть ея окрестности, удобны ли онѣ для новой битвы. Когда былъ полученъ отрицательный отвѣтъ, онъ созвалъ въ 5 часовъ того дня въ деревнѣ Филяхъ военный совѣтъ, который собрался въ избѣ крестьянина Савостьянова. Здѣсь были Барклай, Ермоловъ,

Два курьера, отправленные съ мѣста сраженія, привезли отъ Главнокомандующаго арміями слѣдующія извѣстія:

Вчерашній день 26го, было весьма жаркое и кровопролитное сраженіе. Съ помощію Божіею Руское войско не уступило въ немъ ни шагу, хотя непріятель съ отчаяніемъ дѣйствовалъ противъ его. Завтре надѣюсь я, возлагая мое упованіе на Бога и на Московскую Святыню, съ новыми силами съ нимъ сразиться.

Потеря непріятеля неизчетная. Онъ отдалъ въ приказъ, чтобъ въ плѣнъ не брать (да и брать нѣкого), и что Французамъ должно побѣдить или погибнуть. Когда сего дня, съ помощію Божіею, онъ отраженъ еще разъ будетъ, то злодѣй и злодѣи его погибнутъ отъ голода, огня и меча.

Я посылаю въ Армію 4000 человѣкъ здѣшнихъ новыхъ солдатъ, на 250 пушекъ снаряды, провіанта. Православные, будьте спокойны. Кровь нашихъ проливается за спасеніе отечества. Наша готова; естьли придетъ время, то мы подкрѣпимъ войска; Богъ укрѣпитъ силы наши, и злодѣй положитъ кости свои въ землѣ Руской.

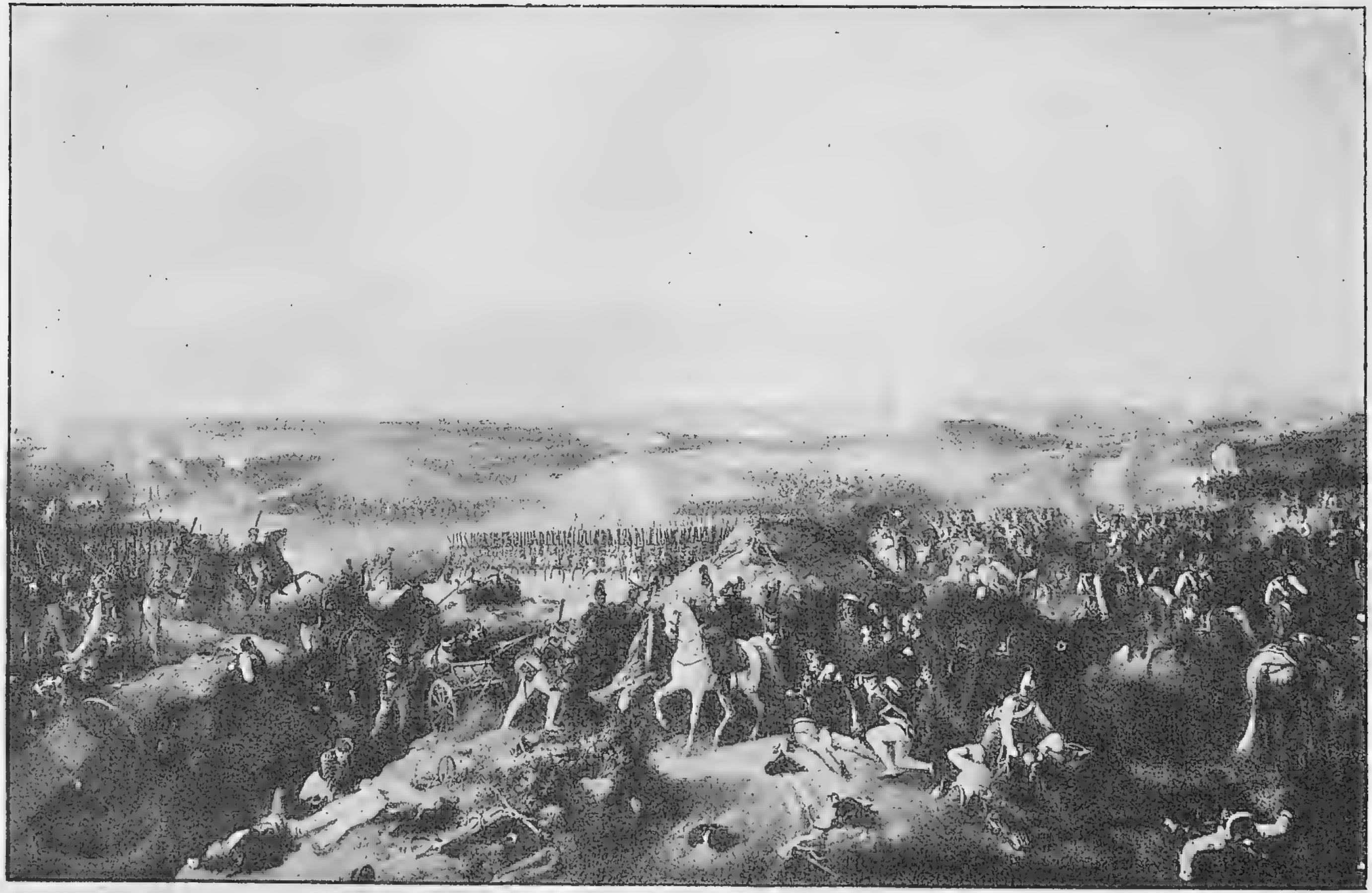
27 Августа. Графъ Растопчинъ.
1812.

Раевскій, Коновницынъ, Бенигсенъ, Остерманъ и Толь. Кутузовъ поставилъ на обсужденіе вопросъ: пожертвовать ли арміей, или Москвой? Нѣкоторые генералы и въ особенности Бенигсенъ настаивали на битвѣ. Но Кутузовъ, выслушавъ это и другія мнѣнія, сказалъ: «Съ потерею Москвы не потеряна еще Россія. Первою обязанностью считаю сохранить армію и соединить ее съ идущими къ ней подкрѣпленіями. Знаю, какая отвѣтственность обрушивается на меня, но жертвую собою для блага отечества. Властью, данною мнѣ государемъ, приказываю отступленіе».

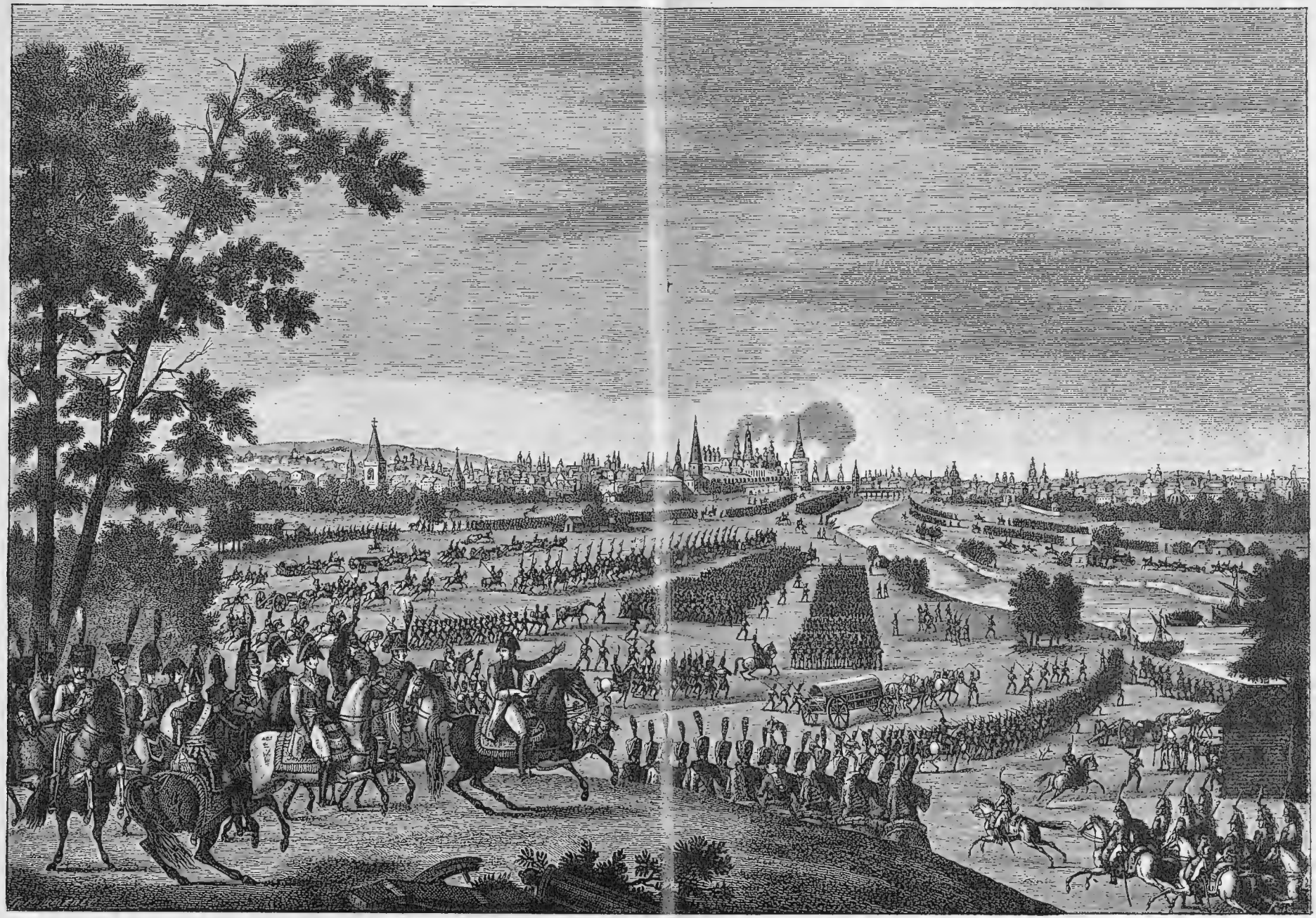
Позднею ночью извѣщенъ былъ объ этомъ графъ Ростопчинъ; войска получили приказаніе итти чрезъ Москву на Рязанскую дорогу, а начальникъ нашего арьергарда, графъ Милорадовичъ,— договориться съ начальникомъ авангарда Мюратомъ, чтобы фран-

Графъ Ростопчинъ.

Военный совѣтъ на Филяхъ.



Бородинская битва.



Вступленіе непріятелей въ Москву.

Съ французской гравюры.

Графъ Милорадовичъ.

цузы отнюдь не вступали въ Москву до выхода изъ нея всѣхъ русскихъ войскъ. Мюратъ согласился на это, такъ какъ Милорадовичъ грозилъ не оставить въ Москвѣ камня на камнѣ.

Когда Милорадовичъ подъѣхалъ къ Кремлю, изъ него выходилъ кремлевскій мѣстный гарнизонъ. Его выступленіе звучало какимъ-то раздирающимъ душу диссонансомъ: онъ шелъ съ распущеннымъ знаменемъ и музыкой. Горячій Милорадовичъ подскакалъ къ начальнику отряда и сталъ браниться за то, что это сдѣлано такъ некстати. «Если гарнизонъ при сдачѣ крѣпости получаетъ дозволеніе выступить свободно, — отвѣчалъ начальствовавшій генералъ,—то выходитъ съ музыкой и распущенными знаменами: такъ сказано въ регламентѣ Петра Великаго». — «Да развѣ есть въ регламентѣ Петра Великаго что-либо о сдачѣ Москвы? — вскричалъ Милорадовичъ. —Прикажите замолчать вашей музыкѣ»,—и та замолкла.

Войска проходили къ Рязанской заставѣ. Барклай-де-Толли, 18 часовъ не сходя съ лошади, слѣдилъ за ихъ выходомъ у Яузскаго моста. Кутузовъ, понуривъ голову, долго сидѣлъ за заставой на скамейкѣ, ожидая отвѣта отъ Милорадовича и, получивъ донесеніе о заключенной съ Мюратомъ конвенціи, перекрестился на Москву и грустный поѣхалъ дальше.

Мрачно, съ тяжелыми думами проходили войска чрезъ Москву. Купцы, стоя у открытыхъ лавокъ, предлагали имъ безплатно брать все, что имъ нужно: не доставайся де врагамъ наше добро... Москва быстро пустѣла...

2 сентября уже вся армія Наполеона пододвинулась къ Москвѣ, и въ 2 часа дня на бѣлой арабской лошади, въ сопровожденіи свиты, императоръ прибылъ на Поклонную гору. Увидавъ Москву, Наполеонъ сказалъ: «Такъ вотъ, наконецъ, этотъ знаменитый городъ... Теперь война кончена. Да и пора ужъ». Сойдя съ коня, онъ сталъ разсматривать дивную панораму Москвы въ зрительную трубку.

Пушечный выстрѣлъ подалъ сигналъ къ вступленію въ городъ арміи. Кавалерія рысью, а пѣхота бѣглымъ маршемъ въ три ближайшія заставы стала входить въ Москву.

Наполеонъ сѣлъ опять на коня и поскакалъ къ Дорогомиловской заставѣ, ожидая, что здѣсь, по примѣру Вѣны, Берлина и другихъ столицъ Запада, встрѣтитъ его депутація изъ властей и знатнѣйшихъ лицъ столицы, съ ключами отъ Кремля на почетномъ блюдѣ. Прискакавшіе изъ города офицеры доложили, что онъ пустъ, оставленъ населеніемъ. Москва опять вышла изъ себя, опять опустѣла, опять ушла, но не такъ, какъ при недавней встрѣчѣ Русскаго царя. «Это невѣроятно, — сказалъ Наполеонъ. — Нужно удостовѣриться въ этомъ. Ступайте и приведите ко мнѣ бояръ». Онъ нервно зашагалъ у заставы. Скоро привели къ нему группу застрявшихъ въ Москвѣ иностранцевъ, подтвердившихъ непріятную новость, и, мрачный, онъ заночевалъ въ Дорогомиловской слободѣ, на одномъ постояломъ дворѣ.

Первымъ вступилъ въ Кремль чрезъ Троицкія ворота изъ Мюратова авангарда отрядъ подъ начальствомъ генерала Себастіани. Здѣсь стояла группа народа, вооруженная старинными ружьями, взятыми изъ арсенала. Изъ этой группы раздалось нѣсколько безнадежныхъ выстрѣловъ. Французы дали въ стоявшихъ два залпа, кавалерія начала рубить ихъ саблями. Оказалось, что какіе-то изъ москвичей, принявъ Себастіани за Наполеона, сдѣлали свою отчаянную попытку. Пролилась первая русская кровь въ Москвѣ, и она почти въ ту же минуту, какъ будто по сигналу, заалѣла заревомъ пожаровъ, которые вначалѣ показались непріятелямъ простою случайностью.

На другой день по представлявшимъ безлюдную пустыню и застилаемымъ еще не густымъ дымомъ улицамъ мрачно въѣхалъ чрезъ Боровицкія ворота въ Кремль Наполеонъ. Только войдя

Наполеонъ на Поклонной горѣ.
Съ карт. *Верещагина.*

во дворецъ, онъ почувствовалъ себя лучше. «Такъ вотъ эти гордыя стѣны, — сказалъ онъ. — Наконецъ-то я въ Москвѣ, въ ея Кремлѣ, въ древнемъ дворцѣ Русскихъ царей». Обращаясь къ окружающимъ, онъ продолжалъ: «Русскіе еще сами не знаютъ, какое произведетъ на нихъ впечатлѣніе занятіе Москвы. Посмотримъ, что они будутъ дѣлать... Вѣдь мы и зазимуемъ среди враждебнаго намъ народа. Впрочемъ, до этого не дойдетъ: императоръ Александръ не доведетъ меня до этого и подпишетъ миръ».

Но какъ глубоко ошибался Наполеонъ въ Русскомъ царѣ. Получивъ извѣстіе о сдачѣ Москвы, государь просидѣлъ неподвижно въ теченіе цѣлой ночи у своего письменнаго стола передъ картою Россіи. Ничто, даже входъ постороннихъ лицъ, не въ состояніи было вывести его изъ почти безчувственнаго со-

стоянія: можетъ-быть, никогда ни одинъ изъ монарховъ не страдалъ такъ глубоко за свой народъ, за самаго себя. Въ эту страшную ночь онъ пережилъ цѣлые годы; его почти юношеское лицо было неузнаваемо на другой день, его волосы посѣдѣли отъ ужасной скорби. Но когда полковникъ Мишо привезъ государю донесеніе Кутузова о занятіи врагами Москвы, тотъ сказалъ слѣдующія достопамятныя слова:

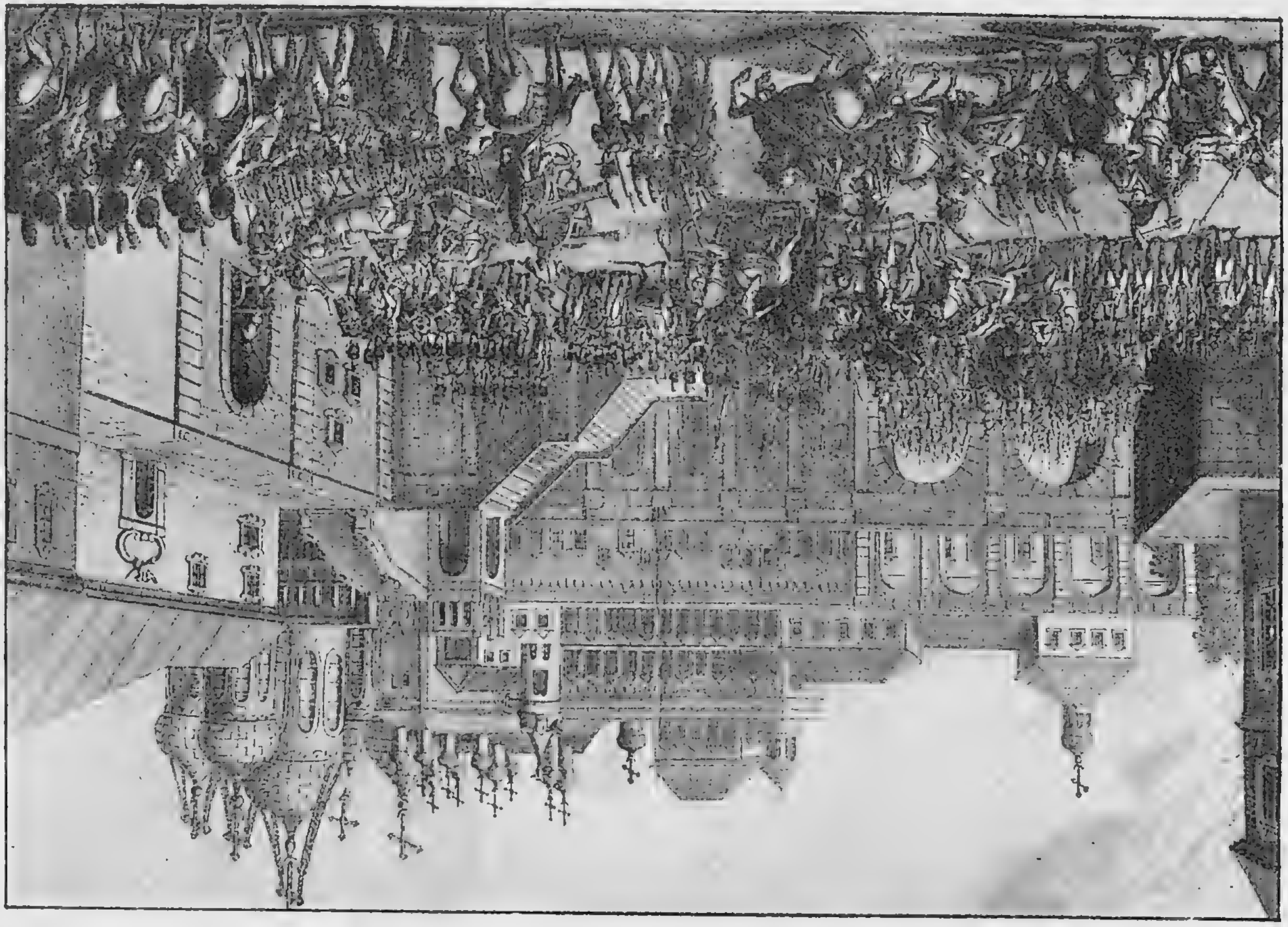
«Возвратитесь въ армію, скажите нашимъ храбрецамъ и объявляйте всѣмъ моимъ вѣрнымъ подданнымъ, гдѣ вы проѣзжать будете, что если у меня не останется ни одного солдата, я стану во главѣ моего дорогого дворянства и моихъ добрыхъ крестьянъ и пожертвую всѣми средствами моей имперіи. Она представляетъ мнѣ болѣе способовъ, чѣмъ враги мои думаютъ. Но если Божественнымъ Провидѣніемъ предопредѣлено, чтобы моя династія перестала царствовать на престолѣ моихъ предковъ, тогда, истощивъ всѣ средства, которыя въ моей власти, я отращу себѣ бороду и скорѣе буду питаться черствымъ хлѣбомъ въ Сибири, нежели подпишу позоръ моего отечества и дорогихъ моихъ подданныхъ, жертвы которыхъ умѣю цѣнить. Наполеонъ или я, я или Наполеонъ, но вмѣстѣ мы царствовать не можемъ».

Если Кутузовъ, войско и народъ пожертвовали Москвой, то царь для спасенія Россіи готовился пожертвовать и собой, и своей двухвѣковой династіей, и престоломъ своихъ предковъ.

«Потеря Москвы, — писалъ государь наслѣдному шведскому принцу, — даетъ мнѣ случай представить Европѣ величайшее доказательство моей настойчивости продолжать войну противъ ея угнетателей. Послѣ этой раны всѣ прочія ничтожны. Нынѣ болѣе, чѣмъ когда-либо, я и народъ, во главѣ котораго я имѣю честь находиться, рѣшились стоять твердо и скорѣе погребсти себя подъ развалинами имперіи, чѣмъ помириться съ Аттилой новѣйшихъ временъ».

Письмо Наполеона къ государю, въ которомъ онъ отклонялъ отъ себя отвѣтственность за сожженіе столицы, было оставлено безъ отвѣта...

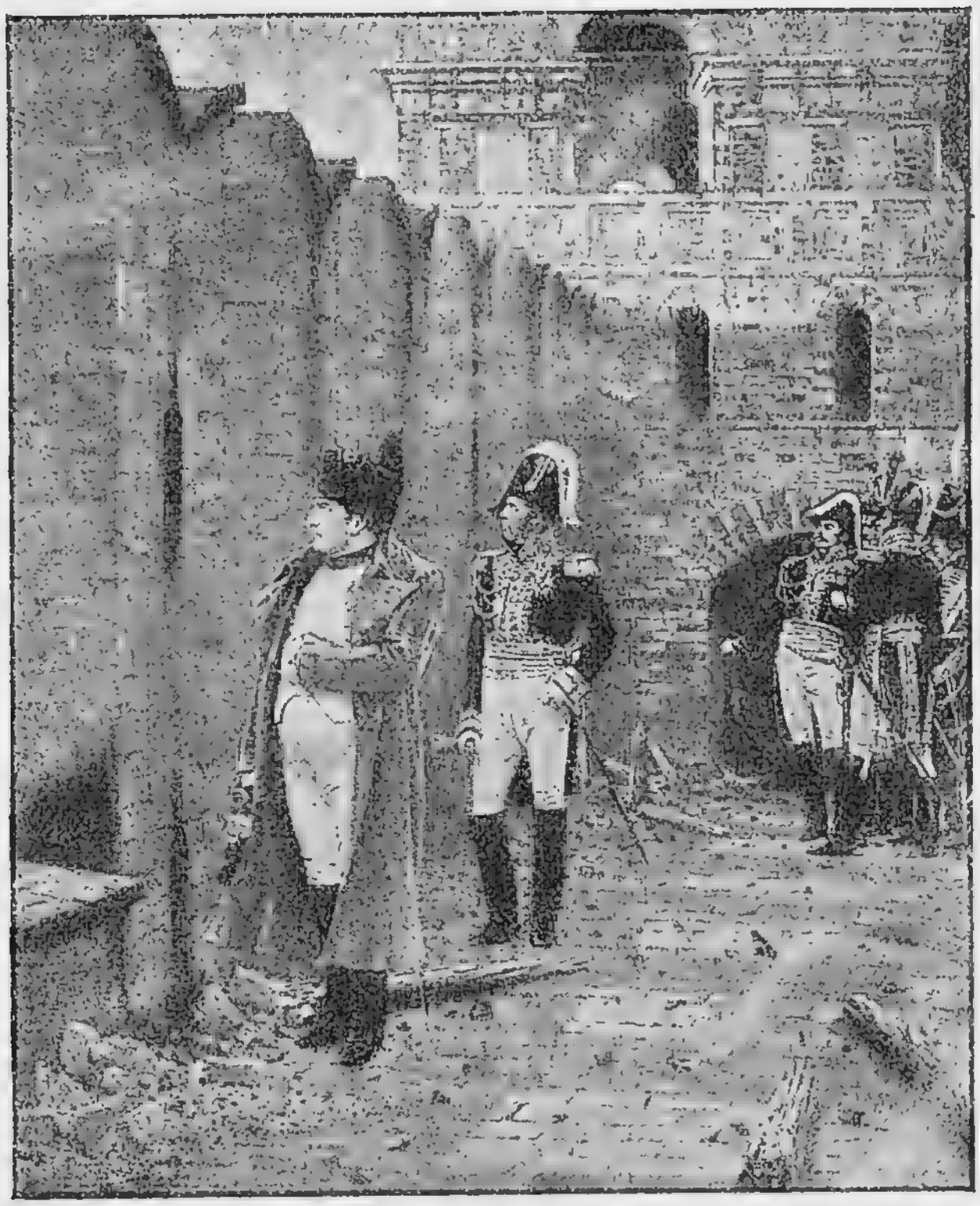
Глубокій переворотъ произвело въ душѣ Александра взятіе Москвы: подъ вліяніемъ этого потрясшаго до послѣдней глубины его душу событія изъ раціоналистическаго деиста онъ обратился въ глубоко вѣрующаго христіанина. Сначала, какъ самъ говорилъ товарищу своей молодости, князю А. Н. Голицыну, онъ ни въ чемъ не находилъ утѣшенія, и ничто не могло разсѣять его мрачныхъ мыслей. Но тотъ, прежде проводившій разсѣянный



Французы въ Кремлѣ.

Съ современной парижской гравюры.

Панорама Москвы съ фрунзенской террасы.



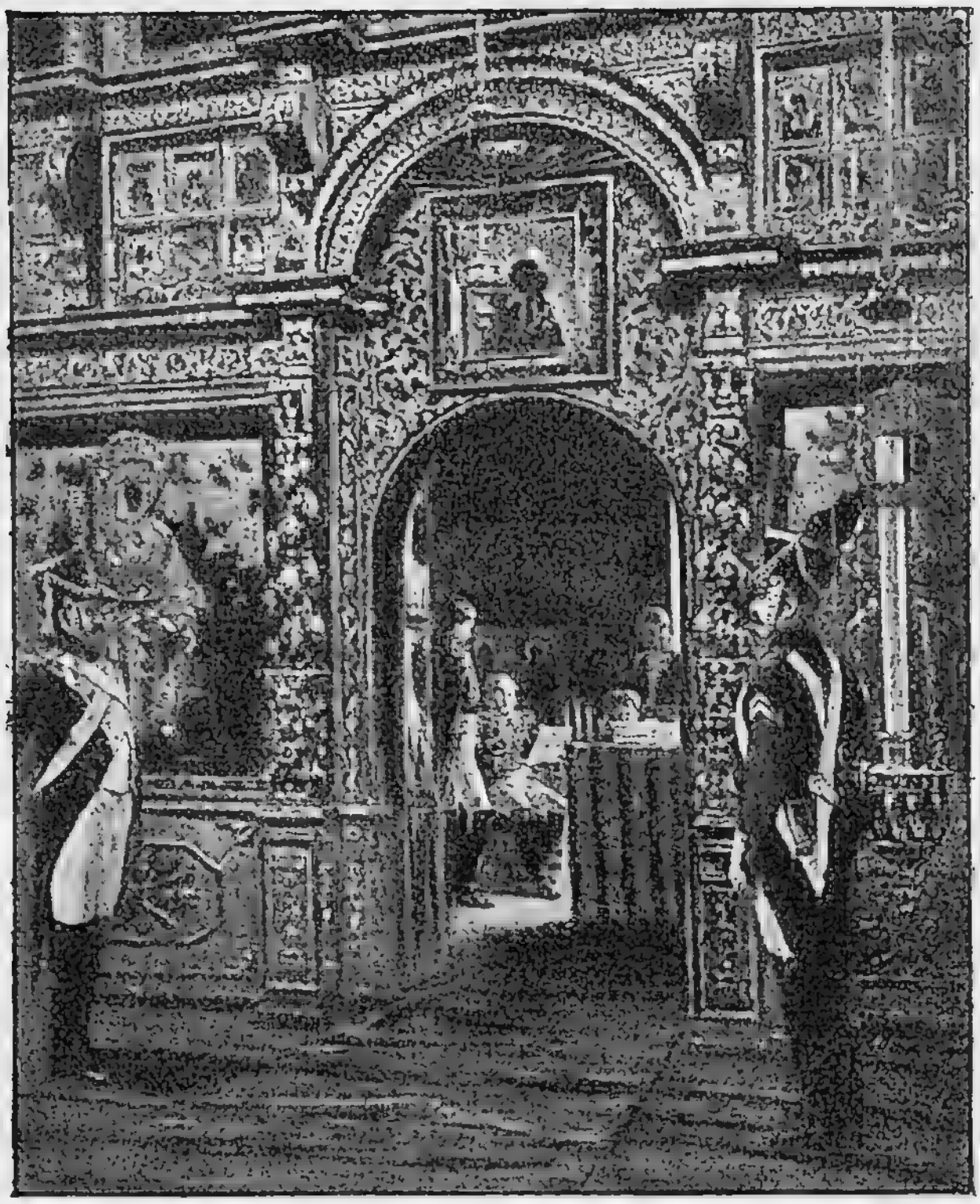
Наполеонъ за Кремлевской стѣной.
Съ карт. *Верещагина.*

образъ жизни, въ ту пору искалъ утѣшенія въ религіи и ревностно читалъ Библію. Онъ робко предложилъ государю обратиться за утѣшеніемъ къ тому же источнику. Александръ сначала ничего на это не отвѣтилъ, но чрезъ нѣсколько времени, придя къ императрицѣ, спросилъ, не можетъ ли она дать ему почитать Библію. Императрица очень удивилась этой неожиданной просьбѣ и отдала ему свою Библію. Государь ушелъ къ себѣ, принялся читать ее и почувствовалъ себя перенесеннымъ въ совершенно новый міръ. Онъ сталъ подчеркивать карандашомъ всѣ тѣ мѣста, которыя могъ примѣнить къ своему собственному положенію и, когда вновь перечитывалъ ихъ, ему казалось, что какой-то дружескій голосъ придавалъ ему бодрости и разсѣивалъ его прежнія заблужденія. «Пожаръ Москвы,—говорилъ впослѣдствіи императоръ Александръ,—освѣтилъ мою душу

и наполнилъ мое сердце теплотою вѣры, какой я не ощущалъ до тѣхъ поръ. Тогда я позналъ Бога. Теперь только я научился знать Бога, какъ открываетъ Его Св. Писаніе; теперь я понимаю Его волю и Его законъ; теперь созрѣло и утвердилось во мнѣ рѣшеніе посвятить себя и свое правленіе споспѣшествованію Его славы. Съ этого времени я сдѣлался другимъ»... Одна изъ современницъ, близко знавшая «о внезапной перемѣнѣ, происшедшей въ этой чистой и страстной душѣ», говорила, «что чудныя событія этой страшной войны окончательно убѣдили его, что для народовъ, какъ и для царей, спасеніе и слава только въ Богѣ»...

Глубокое впечатлѣніе занятіе Москвы Наполеономъ и ея пожаръ произвели и на войска и на народъ. Уходившія отъ столицы войска нѣсколько дней въ страшномъ волненіи оглядывались на зарево горѣвшей Первопрестольной. Вѣсти объ ея гибели быстро распространялись отъ очевидцевъ по всей Россіи въ народѣ, страшно вооружая на враговъ всѣхъ отъ стараго до малаго. Вотъ какъ отразились грозныя впечатлѣнія этого въ безыскусственной солдатской пѣснѣ:

Бивакъ французовъ въ Москвѣ.



Въ Чудовомъ монастырѣ. Канцелярія маршала Даву.
Съ карт. *Верещагина.*

Ночь темна была и немѣсячна,
Рать скучна была и нерадостна.
Всѣ солдатушки призадумались,
Призадумались, горько всплакнули.
Велико чудо совершилося:
У солдатъ слезы градомъ сыпались;
Не люта змѣя кровожадная
Грудь сосала, ихъ грудь богатырскую,
То тоска грызла ретивы сердца,
Ретивы сердца, молодецкія.
Не отцовъ родныхъ оплакивали
И не женъ молодыхъ и не дѣтушекъ,
Какъ оплакивали мать родимую—
Мать родимую, мать-кормилицу—
Златоглавую Москву милую.

. . . . . .

Молодцы-братцы, удалы друзья,
Неизмѣнныя чада русскія!
Мы дадимъ, братцы, клятву кровную,
Клятву кровную, задушевную,
Чтобъ не взвидѣть намъ ни домовъ своихъ,
Ни отцовъ родныхъ, ни младыхъ намъ женъ,
Малыхъ дѣтушекъ, роду-племени,
Не отмстивъ врагу за родну Москву.
И мы примемся постаринному,
Постаринному, по-суворовски,
Закричимъ «ура» и пойдемъ впередъ,
На штыкахъ пройдемъ силы вражія,
Перебьемъ мы ихъ, переколемъ всѣхъ.

То, что охватывало войско и простой народъ, ощущали и стоявшіе надъ ними общественные слои. Одинъ изъ поэтовъ того времени, обращаясь къ Москвѣ, говорилъ:

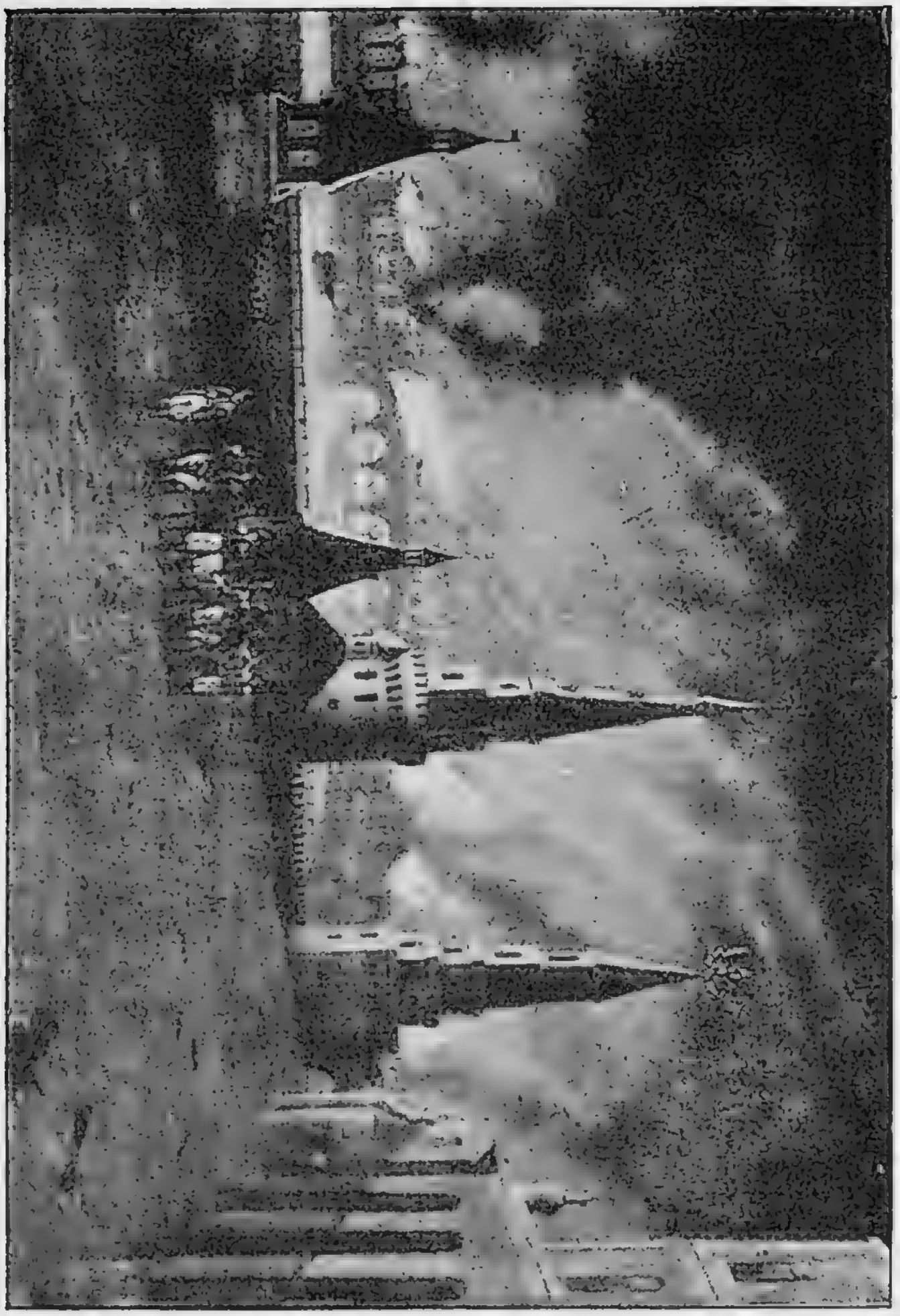
Гори, родная! Богъ съ тобою.
Я самъ, перекрестясь, съ мольбою,
Своею грѣшною рукою
Тебя зажегъ...
Враги въ Москвѣ, Москва въ неволѣ,
Пусть гибнетъ все. Своей рукою
Свой домъ зажегъ... Гори со мною...
Москва пылаетъ за отчизну,
Кровавую готовьте тризну.

Другой поэтъ, обращаясь къ погибшимъ защитникамъ отечества, писалъ:

У насъ не было вдоволь свѣчъ про васъ,
Вдоволь не было воску яраго;
Мы зажгли за васъ лишь одну свѣчу

На улицѣ московской въ 1812 году.

И поставили въ храмѣ Божіемъ,
Лишь одну свѣчу—Москву-матушку,
Вамъ, друзьямъ нашимъ, въ упокой души,
А врагамъ лихимъ къ посрамленію.



Пожаръ Москвы.

Теперь въ Россіи всѣ понимали, что наступила пора смертельной борьбы за національное существованіе ея и за свою народную честь, что идетъ дѣло не о нѣсколькихъ битвахъ, не о нѣсколькихъ областяхъ, не о перемѣнѣ системы союзовъ, а о *быть или не быть*...

«Съ крайнею и сокрушающею сердце каждаго сына отечества печалью,—гласилъ Высочайшій манифестъ, подписанный 8 сен-

тября,—симъ возвѣщается, что непріятель, сентября 3 числа, вступилъ въ Москву. Но да не унываетъ отъ сего великій народъ Россійскій! Напротивъ, да поклянется всякъ и каждый воскипѣть новымъ духомъ мужества, твердости и несомнѣнной надежды, что всякое наносимое намъ врагами зло и вредъ обратятся напослѣдокъ на главу ихъ! Непріятель занялъ Москву не отъ того, чтобы преодолѣлъ силы наши или ослабилъ ихъ. Главнокомандующій, по совѣту съ присутствующими генералами, нашелъ за полезное и нужное уступить на время необходимости, дабы надежнѣйшими и лучшими потомъ способами превратить кратковременное торжество непріятеля въ неизбѣжную ему погибель. Сколь ни болѣзненно всякому русскому слышать, что первопрестольный градъ Москва вмѣщаетъ въ себѣ враговъ отечества своего, но она вмѣщаетъ ихъ въ себѣ пустая, обнаженная отъ всѣхъ сокровищъ и жителей. Гордый завоеватель надѣялся, вошедъ въ нее, сдѣлаться повелителемъ всего Россійскаго царства и предписать ему такой миръ, какой заблагоразсудитъ; но онъ обманется въ надеждѣ своей и не найдетъ въ столицѣ сей не только способовъ господствовать, ни же способовъ существовать. Собранныя и отъ часу больше скопляющіяся силы наши окрестъ Москвы не престанутъ преграждать ему всѣ пути и посылаемые отъ него для продовольствія отряды ежедневно истреблять, доколѣ не увидитъ онъ, что надежда его на пораженіе умовъ взятіемъ Москвы была тщетная, и что поневолѣ долженъ онъ будетъ отворять себѣ путь изъ ней силою оружія. Не въ ту страну зашелъ онъ, гдѣ одинъ смѣлый шагъ поражаетъ всѣхъ ужасомъ и преклоняетъ къ стопамъ его и войска и народъ! Россія не привыкла покорствовать, не потерпитъ порабощенія, не предастъ законовъ своихъ, вѣры, свободы, имущества. Она, съ послѣднею въ груди каплею крови, станетъ защищать ихъ. Всеобщее, повсюду видимое усердіе и ревность въ охотномъ и добровольномъ противъ врага ополченіи свидѣтельствуетъ ясно, сколь крѣпко и непоколебимо отечество наше, ограждаемое бодрымъ духомъ вѣрныхъ сыновъ его. Итакъ, да не унываетъ никто!..»

Самонадѣянный Наполеонъ еще не подозрѣвалъ сбирающейся страшной грозы и, несмотря на то, что въ Москвѣ пылали Гостиный дворъ и Китай-городъ, крѣпко проспалъ въ кремлевскомъ дворцѣ первую свою московскую ночь.

Проснувшись на слѣдующее утро, въ 7 часовъ, онъ, не вставая съ постели, спросилъ своего лейбъ-медика Метивье, что но

ваго, и на отвѣтъ его, что пожары разрастаются, замѣтилъ, что это простая неосторожность солдатъ, варящихъ себѣ пищу у деревянныхъ построекъ. Но вдругъ въ окнѣ увидалъ онъ страшное зарево, отвѣчавшее на его слова: онъ вскочилъ съ постели, толкнулъ мамелюка, надѣвавшаго ему сапоги, такъ, что тотъ упалъ навзничь, и впился глазами въ окно, предъ которымъ разливалось огненное море по Замоскворѣчью...

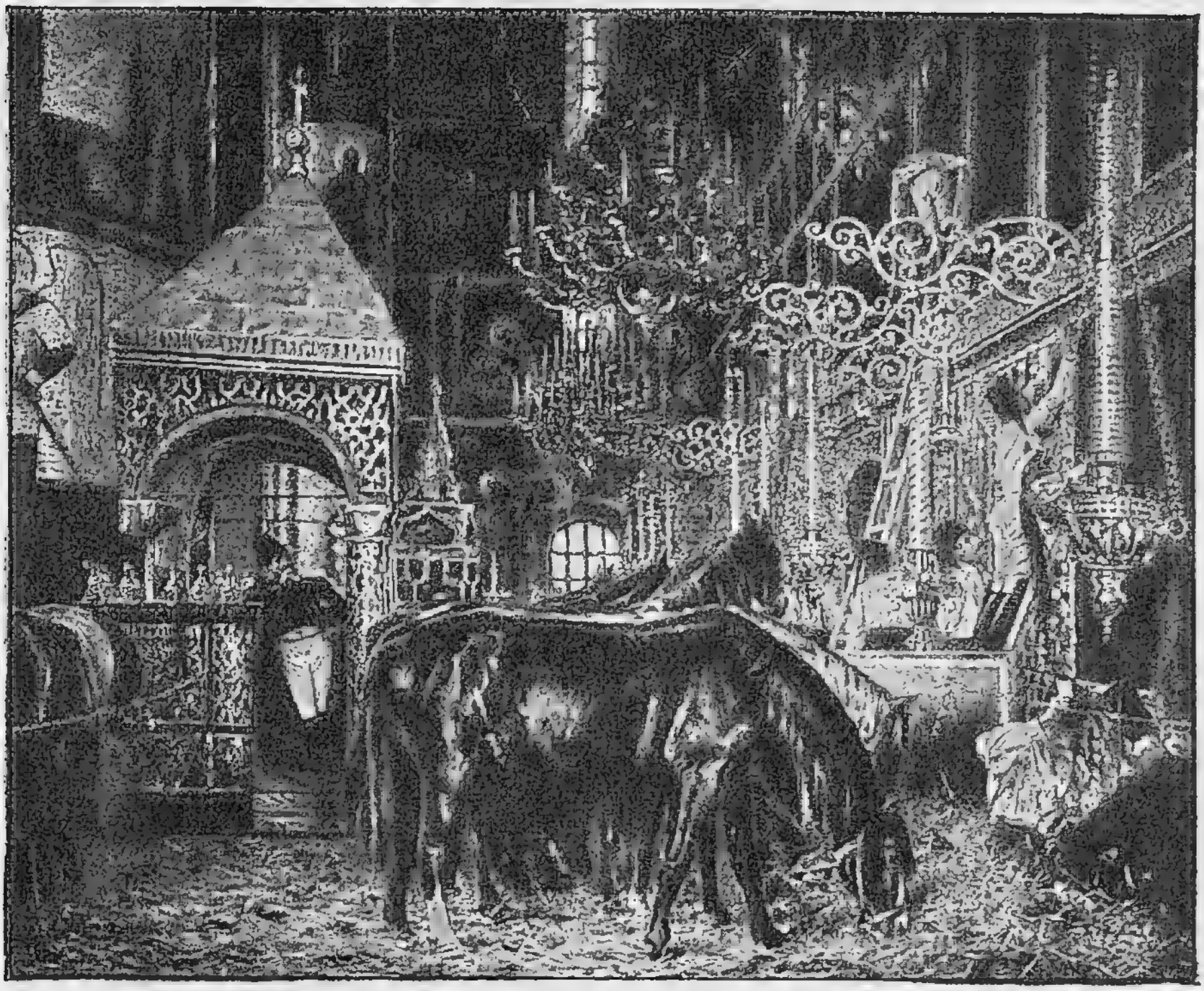
Трудно проницаема темная душа Наполеона, но воспоминанія очевидцевъ и самого Наполеона предъ смертью на островѣ св. Елены, гдѣ онъ трагично кончилъ свою жизнь, даютъ намъ возможность взглянуть и въ эту пропасть.

Но прежде прочтемъ, что пишетъ графъ Сегюръ, бывшій въ это время съ Наполеономъ въ Кремлѣ и послѣ писавшій его исторію:

«4 сентября Наполеонъ, котораго не хотѣли разбудить ночью, въ виду разрастающагося пожара въ Москвѣ, проснулся, однако, раньше отъ двойного свѣта — дня и пожара. Первымъ его движеніемъ былъ гнѣвъ: онъ хотѣлъ властвовать даже надъ стихіями. Но скоро онъ долженъ былъ преклониться предъ необходимостью. Удивленный тѣмъ, что, поразивъ въ сердце Русскую имперію, онъ встрѣтилъ не изъявленія покорности и страха, а совершенно иное, почувствовалъ онъ, что его побѣдили и превзошли въ рѣшимости. Это завоеваніе, для котораго онъ принесъ все въ жертву, исчезало въ его глазахъ въ облакахъ страшнаго дыма и моря пламени. Имъ овладѣло страшное безпокойство; казалось, его самого пожиралъ огонь, который окружалъ его въ Москвѣ. Ежеминутно онъ вставалъ, ходилъ порывисто по дворцу, принимался за работу и бросалъ ее, чтобы посмотрѣть въ окно на море огня. Изъ груди его вырывались короткія восклицанія: «Какое ужасное зрѣлище: это они сами поджигаютъ городъ; сколько прекрасныхъ зданій, какая необычайная рѣшимость! Что за люди! Это скиѳы»...

И на островѣ св. Елены, доживая свою бурную жизнь, Наполеонъ каждый разъ при словѣ «Москва» испытывалъ глубочайшее волненіе, вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ и однажды написалъ въ своихъ запискахъ:

«Никогда всѣ поэты, изображая сказочный пожаръ Трои, не могли въ своемъ изображеніи представить что-либо похожее на дѣйствительный пожаръ Москвы. Ужасающій вѣтеръ раздувался самымъ пожаромъ и производилъ огненные вихри. Предъ нами былъ буквально океанъ огня. Повсюду поднимались горы пла-

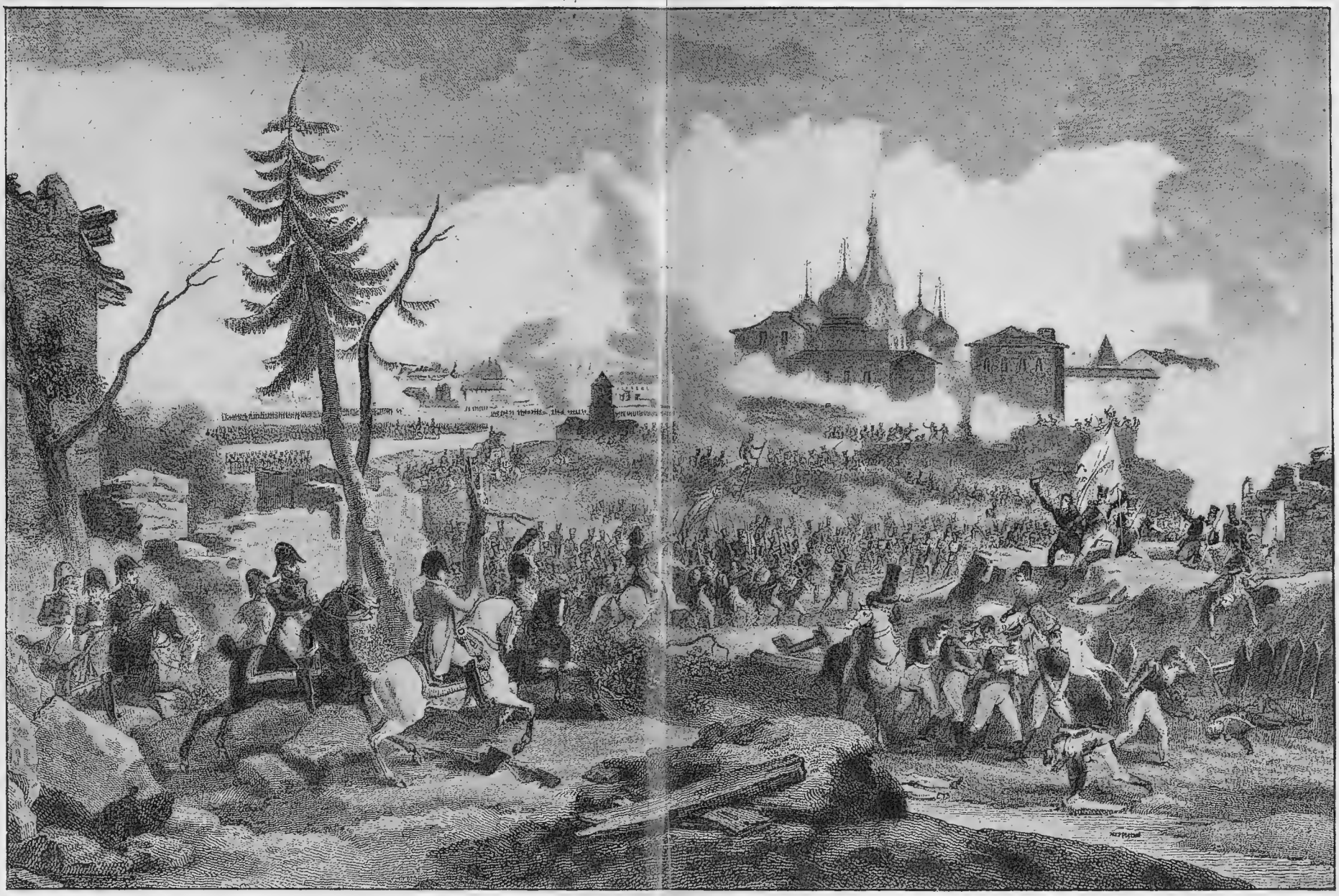


Въ Успенскомъ соборѣ.

мени, съ невѣроятной быстротой вздымались къ раскаленному небу и также быстро падали въ огненное море. Это величайшее и поразительнѣйшее и въ то же время ужаснѣйшее зрѣлище, какое мнѣ когда-либо приходилось видѣть»...

Такъ описываетъ онъ эту жертву всесожженія, которую русскій патріотизмъ, не останавливаясь ни передъ чѣмъ, принесъ для спасенія своего отечества.

Отъ горѣвшаго Китай-города съ Никольской и Ильинкой и изъ громадныхъ товарныхъ складовъ, отъ горѣвшаго Замоскворѣчья, отъ пожара громадныхъ винныхъ казенныхъ складовъ, вслѣдствіе пожарныхъ вихрей, летѣли на Кремль не то, что искры, а цѣлыя головни, которыя едва успѣвали тушить солдаты расположенной въ Кремлѣ молодой гвардіи. Кремль былъ въ страшной опасности, потому что въ немъ было много пороховыхъ ящиковъ и взрывныхъ снарядовъ; онъ гудѣлъ отъ адской музыки, отъ свиста и рева огненныхъ смерчей, отъ грохота падавшихъ по всей Москвѣ стѣнъ, отъ жалобнаго стона



Битва подъ Малымъ Ярославцемъ.

разбивавшихся при паденіи колоколовъ. Но Наполеонъ, показывая наружное спокойствіе, не разставался съ дворцомъ.

Наконецъ раздались крики: «Горитъ Кремль!» Загорѣлась Троицкая башня и арсеналъ. Тогда только Наполеонъ вышелъ изъ дворца и самъ сталъ тушить пожаръ, но маршалы на колѣняхъ упросили его покинуть Кремль, изъ котораго онъ съ величайшимъ трудомъ выбрался въ Петровскій дворецъ; на пути онъ едва не погибъ въ огнѣ: его вывели изъ моря пламени повстрѣчавшіеся французскіе солдаты.

6 въ ночь начались дожди, да и Москва догорѣла, а 8 сентября онъ возвратился опять въ Кремль.

Проѣзжая по обгорѣлымъ улицамъ, Наполеонъ встрѣчалъ характерныя группы солдатъ, сидѣвшихъ у костровъ. Они подкладывали въ огонь расколотыя иконы, палисандровое дерево отъ дорогой мебели, золотыя рамы отъ картинъ. Кругомъ валялись сахаръ и сласти, награбленныя въ Москвѣ; но ни у кого не было ни хлѣба, ни мяса.

Фуражировка войска въ окрестныхъ селахъ Москвы была невозможна: кругомъ сгорѣвшей столицы уже зловѣще поднялся народъ; крестьяне или убивали небольшія отдѣльныя группы непріятельскихъ солдатъ, или уходили отъ большихъ отрядовъ въ лѣса. Застигнутые же врасплохъ не хотѣли ничего продавать непріятелямъ не только за фальшивыя наполеоновскія ассигнаціи, но и за чистую монету.

Упадокъ дисциплины, мародерство, побѣги, буйства и безчинства всякаго рода росли не по днямъ, а по часамъ, и совсѣмъ губили армію.

Много дней развѣдки, гдѣ находится Кутузовъ съ русской арміей, не давали результатовъ: казалось, русское войско пошло, словно ключъ, ко дну. Вѣстей изъ Петербурга не было ровно никакихъ. Наполеонъ написалъ императору Александру I письмо, но оно оставлено было, какъ сказано выше, безъ отвѣта. Онъ послалъ генерала Лористона къ найденному уже Кутузову съ предложеніемъ хоть о перемиріи, но тотъ сказалъ, что государь уполномочилъ его только на военныя дѣйствія и прямо запретилъ ему какіе бы то ни было мирные переговоры, что война только теперь и начинается.

Наполеонъ понималъ, что дѣло проиграно безповоротно, но, отводя глаза своимъ приближеннымъ, говорилъ, что онъ предприметъ походъ на Петербургъ или отойдетъ на зимнія квартиры въ Литву и Польшу.

Наполеонъ среди развалинъ Москвы.

Въ вынужденномъ бездѣйствіи онъ предавался несбыточнымъ мечтаніямъ: говорилъ, что по возстановленіи королевства польскаго со всею западною и южною Русью, восточную Русь слѣдуетъ подѣлить на прежнія удѣльныя княжества, а въ московскомъ княжествѣ посадить кого-либо изъ Долгоруковыхъ, которые приближались при Петрѣ II къ Русскому престолу, готовился обнародовать декретъ объ освобожденіи крестьянъ. Даже не стыдился говорить, что нужно поднять татаръ на русскихъ, отыскать новаго Пугачова, чтобы взбунтовать крестьянъ противъ помѣщиковъ, и т. д.

Найдя въ Москвѣ нѣсколько французскихъ актеровъ и актрисъ, Наполеонъ устроилъ театръ на Никитской, а въ Кремлѣ давались концерты, на которыхъ пѣлъ итальянецъ Тарквиніо и игралъ на клавесинахъ Мартини. Ѣздилъ по Москвѣ и посѣтилъ съ Мюратомъ раскольниковъ на Преображенскомъ кладбищѣ; его встрѣтили здѣсь съ хлѣбомъ-солью и присягнули ему на подданство.

Но начавшіяся лишенія въ пищѣ подняли болѣзни и смертность въ разложившейся арміи. Наполеонъ тайно, къ концу сентября, сталъ подготовлять уходъ изъ Москвы. Въ первыхъ числахъ октября послалъ съ отрядомъ войска Мюрата противъ рус-

ской арміи, фланговымъ движеніемъ перешедшей съ Рязанской дороги на Калужскую, для защиты всего нашего юга отъ полчищъ Наполеона. Но Мюратъ былъ разбитъ у Тарутина, о чемъ рѣчь впереди.

Злоба Наполеона теперь достигла своихъ предѣловъ: не довольствуясь тѣмъ, что сгорѣвшая Москва была разграблена, что святыни ея осквернены (его маршалы обѣдали на нашихъ святыхъ престолахъ, спали въ алтаряхъ нашихъ храмовъ, какъ, напримѣръ, Даву—въ алтарѣ у святителя Алексѣя въ Чудовомъ монастырѣ). Наполеонъ, уѣзжая изъ Москвы и выводя изъ нея свою жалкую армію, приказалъ начальнику своего арьергарда, маршалу Мортье, взорвать Кремль съ его соборами, дворцами, башнями и стѣнами. Послѣ онъ говорилъ, что *Москва утратила навсегда значеніе, сожжена и разорена на сто лѣтъ.*

Мортье подвелъ въ Кремлѣ пороховыя мины подъ стѣны и зданія и въ ночь на 11 октября съ своимъ послѣднимъ уже отрядомъ выступилъ изъ Москвы; отойдя отъ нея на нѣсколько верстъ, онъ выстрѣломъ изъ пушки подалъ роковой сигналъ: раздались семь, одинъ за другимъ, взрывовъ, взлетѣли на воздухъ нѣсколько кремлевскихъ башенъ, часть стѣны, арсеналъ и царскій дворецъ, но не были взорваны соборы; взлетѣла Филаретовская пристройка къ Ивану Великому, но самъ онъ, давъ трещину, устоялъ. На утро москвичи, прятавшіеся въ подвалахъ и погребахъ, услыхали колокольный звонъ въ нѣкоторыхъ уцѣлѣвшихъ храмахъ и радостно пошли на молитву. Больше всего молящихся было въ Страстномъ монастырѣ.

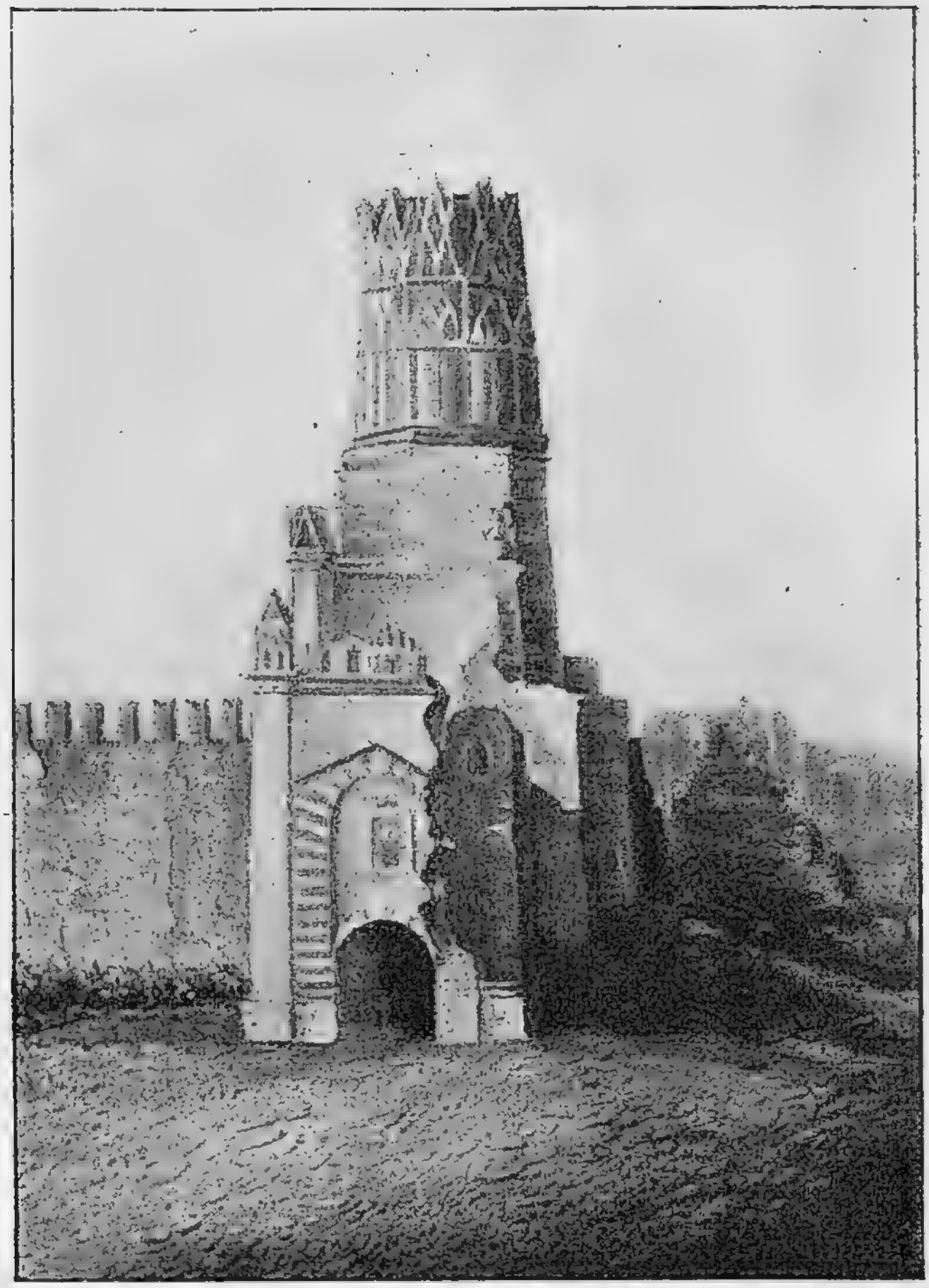
На другой день отрядъ казаковъ, подъ командой Иловайскаго, вступилъ въ Москву, а начальникъ тверского ополченія занялъ Кремль. Тамъ догорали дворецъ и другія зданія. На колокольнѣ Ивана Великаго не было креста: его приказалъ снять и въ качествѣ трофея увезъ съ собою Наполеонъ [1]). Соборы были страшно разграблены и осквернены носителями западной культуры и свободы совѣсти... Вокругъ Успенскаго собора стояли горны, въ которыхъ непріятели плавили въ слитки содранное съ иконъ золото и серебро. На царскомъ мѣстѣ первопрестольнаго храма было написано мѣломъ: 325 пудовъ серебра и 18 пудовъ золота. Запись относилась къ захваченнымъ святынямъ и древностямъ Москвы...

---

[1]) По словамъ одного француза, крестъ этотъ былъ брошенъ въ озеро за Смоленскомъ, а по другому сказанію гдѣ-то около Вильны. Значитъ, его слѣдуетъ искать въ предѣлахъ Россіи.

Выѣздъ Наполеона изъ Москвы.

Вступленіе Русскаго отряда въ Кремль.



Взорванная Никольская башня.

Когда князю Кутузову донесли, что враги оставили Москву, онъ заплакалъ и, перекрестившись на образъ Спасителя, сказалъ: «Боже, Создатель мой! Наконецъ Ты внялъ молитвѣ нашей. Съ этой минуты Россія свободна»...

Главнокомандующій нашъ, отдавая Москву врагамъ, двинулся, какъ мы знаемъ, со своими войсками по Рязанской дорогѣ лишь для того, чтобы показать Наполеону видъ, что они уходятъ на востокъ, но чрезъ два перехода отвелъ ихъ на Калужскую дорогу, чтобы отрѣзать Наполеону пути на Тулу, гдѣ находился оружейный заводъ, и въ хлѣбородныя южныя губерніи, которыя могли доставить продовольствіе для его арміи.

Атаманъ Донскихъ казаковъ Платовъ.

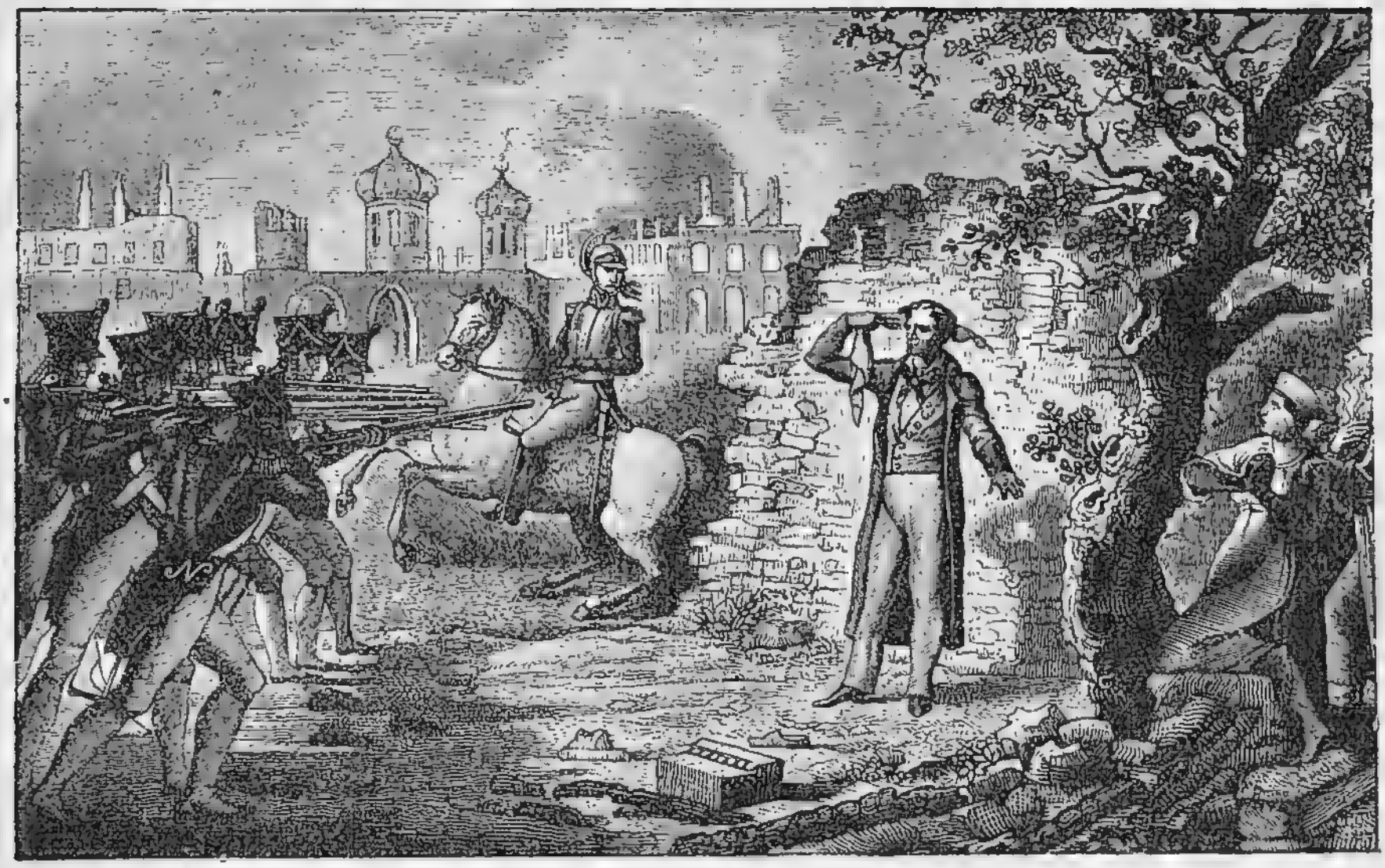
Остановившись 20 сентября лагеремъ у села Тарутина, на рѣкѣ Нарѣ, въ 80 верстахъ отъ Москвы, Кутузовъ сказалъ: «Теперь ни шагу назадъ». Но, желая, какъ можно, долѣе задержать Наполеона въ Москвѣ тщетнымъ ожиданіемъ мира, главнокомандующій распускалъ слухи, будто Русское войско разстроено до крайности, чего на самомъ дѣлѣ совсѣмъ не было; напротивъ того, къ нему отовсюду подходили подкрѣпленія: съ Дона, ополчившагося поголовно, пришли 26 казачьихъ полковъ; прибывали отовсюду новобранцы, быстро обучавшіеся и комплектовавшіе убыль въ полкахъ. Съ разныхъ сторонъ подходили обозы съ продовольствіемъ, отъ чего войска наши не чувствовали ни въ чемъ ни малѣйшей нужды.

Въ дни отдыха можно было дать изъ этого лагеря нѣкоторую организацію еще ранѣе начавшейся, партизанской народной войнѣ, которая своими летучими и неожиданными нападеніями

не мало наносила непріятелямъ вреда, отбивая у нихъ ихъ провіантскіе обозы между Москвою и Смоленскомъ и въ другихъ мѣстахъ и истребляя непріятеля по частямъ. Предводители партизанскихъ отрядовъ входили въ сношенія съ Кутузовымъ и получали отъ него небольшія подкрѣпленія изъ арміи. Изъ нихъ особенно выдавались Фигнеръ, Давыдовъ, Сеславинъ, Кудашевъ и крестьянинъ Куринъ.

Отважный молодой дворянинъ Фигнеръ, спрятавъ гдѣ-нибудь въ лѣсу своихъ удальцовъ, переодѣтый во французскій мундиръ, являлся то въ Москвѣ, то въ другихъ мѣстахъ въ самыхъ стоянкахъ непріятелей. Въ одномъ мѣстѣ онъ дѣлалъ на чисто французскомъ языкѣ выговоръ непріятельскимъ разъѣздамъ за оплошность, говоря, что поблизости показался отрядъ казаковъ; въ другомъ мѣстѣ говорилъ, что такую-то деревню занимаютъ русскіе и что за провіантомъ нужно итти совсѣмъ въ другую сторону; а, вызнавъ слабую сторону непріятелей, внезапно нападалъ на нихъ и истреблялъ ихъ; отнималъ у нихъ оружіе и даже пушки и уводилъ не мало плѣнныхъ. Французы назначали большую цѣну за его отважную голову. Подобнымъ образомъ дѣйствовалъ и Денисъ Давыдовъ, храбрый гусарскій офицеръ и даровитый поэтъ. Достопамятенъ и героизмъ Энгельгардта, смоленскаго помѣщика, полковника въ отставкѣ. Онъ со своими крестьянами не мало истреблялъ непріятелей. Вѣсти объ этомъ дошли до французовъ, занимавшихъ въ то время Смоленскъ; они схватили его и присудили къ разстрѣлянію, но предъ исполненіемъ приговора стали уговаривать его поступить на французскую службу. Съ негодованіемъ отвергъ измѣну отечеству доблестный Энгельгардтъ и, сорвавъ съ глазъ своихъ повязку, закричалъ солдатамъ: «Стрѣляйте!» Когда же они, думая поколебать его мужество, сперва ранили его въ ногу и возобновили свои уговоры, онъ оставался непреклоннымъ и смѣло отвѣчалъ новымъ отказомъ. Сдѣланъ былъ залпъ, но упавшій мученикъ еще дышалъ, и одинъ солдатъ, снова заря-

Партизанъ Сеславинъ.



Смерть партизана Энгельгардта.

дивъ ружье, добилъ его выстрѣломъ въ голову. Въ честь этого героя поставленъ памятникъ близъ крѣпостныхъ воротъ Смоленска, гдѣ онъ легъ костьми своими. То же чрезъ нѣкоторое время повторилось и съ партизаномъ Шубинымъ.

Не отставали отъ помѣщиковъ и крестьяне. Тѣ и другіе не оправдали упомянутыхъ выше надеждъ Наполеона на ихъ измѣну. Во многихъ селахъ они возставали противъ враговъ поголовно. Спрятавъ свои семейства и пожитки въ лѣсахъ, они составляли дружины, выбирая для нихъ предводителей изъ отставныхъ солдатъ. Въ селеніяхъ у околицъ ставили караулы, а на колокольняхъ—дозорныхъ, которые при появленіи непріятелей били въ набатъ. Крестьяне сбѣгались изъ сосѣднихъ деревень, вооруженные топорами и косами, и истребляли вражескій отрядъ, а если онъ былъ очень силенъ, уходили отъ него. Въ дѣлахъ партизановъ принимали участіе крестьянскія женщины и даже дѣвушки.

Крестьянинъ Московской губерніи, Вохнинской волости, Герасимъ Куринъ, предводительствовалъ партизанскимъ отрядомъ своей округи въ нѣсколько тысячъ крестьянъ, которые истребили много непріятелей, а порой давали имъ своего рода битвы. Нерѣдко, впрочемъ, они устраивали имъ западни и засады. Такъ однажды французы послали въ село Павлово значительный торядъ для сбора провіанта. Часть его подъ начальствомъ фран-

цузскаго полковника вступила въ село и потребовала съѣстныхъ припасовъ. Куринъ заманилъ ихъ въ одинъ дворъ, завалилъ ворота и, окруживъ со всѣхъ сторонъ, истребилъ всѣхъ до одного; а другой отрядъ, остановившійся недалеко отъ села, сдѣлался жертвою другихъ партизановъ Курина.

Такъ полчища Наполеона должны были сражаться не только съ нашими войсками, но и съ народомъ. Если партизанская война въ Испаніи надѣлала много бѣдъ Наполеону, то она у насъ сдѣлалась для него еще бѣдственнѣе.

Россія отличалась отъ Испаніи, какъ замѣтилъ и самъ Наполеонъ, тѣмъ, что она была безъ границъ, безъ городовъ, безъ средствъ... Но къ этому нужно добавить еще и то, что нашъ народъ былъ одушевленъ гораздо болѣе глубокою преданностью престолу и отечеству.

Столкновеніе же арміи Наполеона съ регулярными русскими войсками произошло, какъ уже было упомянуто, ранѣе его отъѣзда изъ Москвы, именно 6 октября. Прежде другихъ выступили отсюда отряды маршала Мюрата и расположились на югъ отъ столицы на рѣкѣ Чернишнѣ на сѣверъ отъ Тарутина. Наши войска, подъ начальствомъ Бенигсена, атаковали здѣсь и разбили 20-тысячный корпусъ французовъ. Это первое пораженіе убѣдило окончательно Наполеона, что больше сидѣть въ Москвѣ нечего. Его планъ заключался въ томъ, чтобы, двинувшись на югъ, напасть на Кутузова, принудить его отойти подальше, а самому по Смоленской дорогѣ спокойно отступить на западъ. Но такого рода отступленіе уже было невозможнымъ. Самъ императоръ Александръ составилъ планъ окончательнаго уничтоженія непріятельской арміи. Онъ далъ приказаніе Кутузову дѣйствовать на тылъ ея, а адмиралу Чичагову, находившемуся на Волыни съ воротившимися изъ турецкаго похода войсками, двинуться черезъ Минскъ на рѣку Березину и, помѣшавъ переправѣ чрезъ нее, преградить непріятелю дальнѣйшее отступленіе; съ Чичаговымъ долженъ былъ соединиться Витгенштейнъ, дѣйствовавшій противъ французовъ на среднемъ теченіи Западной Двины.

Къ 11 октября передовыя войска Наполеона по Калужской дорогѣ дошли до Малоярославца и, занявъ этотъ городъ, готовились къ дальнѣйшему наступленію на югъ. Но такое движеніе не могло уже осуществиться. На слѣдующій день, рано утромъ, сюда подошли передовыя колонны Кутузова подъ начальствомъ Дохтурова, за которыми невдалекѣ слѣдовалъ самъ главно-

командующій съ главными силами. Дохтуровъ немедленно атаковалъ городъ и выбилъ изъ него непріятеля. Получивъ подкрѣпленія, французы снова заняли Ярославецъ. Но тутъ завязался ожесточеннѣйшій бой, продолжавшійся весь день. Русскіе и французы бились въ рукопашную въ тѣсныхъ улицахъ горѣвшаго города, который восемь разъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Къ вечеру городъ остался у непріятеля, но потери обѣихъ сторонъ были одинаково весьма значительны. Къ концу боя всѣ войска Кутузова подошли сюда и преградили Наполеону дальнѣйшее наступленіе на югъ. Нужно было или дать большую битву въ родѣ Бородинской или отступать на западъ по опустошенной Смоленской дорогѣ. Наполеонъ предпочелъ послѣднее и двинулъ войска чрезъ Можайскъ и памятное Бородино къ Смоленску. Мрачно прошли «непріятели» и ихъ предводитель чрезъ это роковое поле, гдѣ виднѣлось множество труповъ, гдѣ царилъ могильный ужасъ. Поспѣшно проѣхалъ чрезъ него Наполеонъ, не оглядываясь по сторонамъ...

«Великой арміи» уже не было, а то, что осталось отъ нея, подлежало неизбѣжной гибели. Главныя силы Кутузова двигались параллельно пути отступленія непріятеля, дѣйствуя противъ него съ фланга; казаки атамана Платова преслѣдовали непріятеля по пятамъ съ тыла; отряды партизановъ и вооруженныхъ жителей окружали отступающую армію со всѣхъ сторонъ. Къ этому присоединились голодъ и холодъ и утомленіе отъ быстрыхъ переходовъ среди постоянныхъ тревогъ и нападеній.

Солдаты толпами оставляли знамена и, бросивъ оружіе, бродили по деревнямъ, напрасно ища спасенія отъ голодной смерти. Дисциплина страшно расшаталась, и рядовые не слушали своихъ офицеровъ. Но это все было еще только началомъ бѣдствій.

22 октября (это была двухсотая годовщина сдачи Кремля поляками въ 1612 году) авангардъ Милорадовича и казаки Платова съ партизанами настигли у Вязьмы корпуса вице-короля итальянскаго и поляковъ Понятовскаго и дали бой, продолжавшійся съ разсвѣта до 6 часовъ вечера. Враги, потерявъ 4 тысячи убитыми и 3 тысячи плѣнными, принуждены были поспѣшно отступить дальше на западъ.

Надежда отдохнуть въ Смоленскѣ не осуществилась, потому что сюда подошли русскія войска, а Наполеонъ вынужденъ былъ продолжать безнадежное отступленіе.

Памятникъ на Бородинскомъ полѣ.

Вскорѣ по оставленіи Смоленска армія его подверглась цѣлому ряду тяжкихъ ударовъ со стороны преслѣдующихъ его русскихъ. Въ теченіе четырехъ дней, съ 3 по 6 ноября включительно, отдѣльнымъ корпусамъ Наполеоновской арміи пришлось выдерживать упорныя столкновенія у города Краснаго, при чемъ они потеряли 20.000 плѣнныхъ, 6.000 убитыхъ и раненыхъ и 116 орудій, а мы потеряли всего 2.000 человѣкъ. Между тѣмъ морозы все крѣпчали и начали оказывать губительное вліяніе на

отступающихъ, начался, наконецъ, какъ говорилъ императоръ Александръ I, и «судъ Божій на ледяныхъ поляхъ Россіи».

Въ страшномъ разстройствѣ достигли они 10 ноября до села Толочина, въ четырехъ переходахъ до рѣки Березины. Здѣсь Наполеонъ узналъ, что войска Чичагова заняли предмостное укрѣпленіе у города Борисова и готовятся преградить ему переправу. Въ его распоряженіи оставалось всего 36.000, не потерявшихъ еще военной организаціи; все же остальное представляло безпорядочную толпу, еле тащившуюся въ хвостѣ арміи.

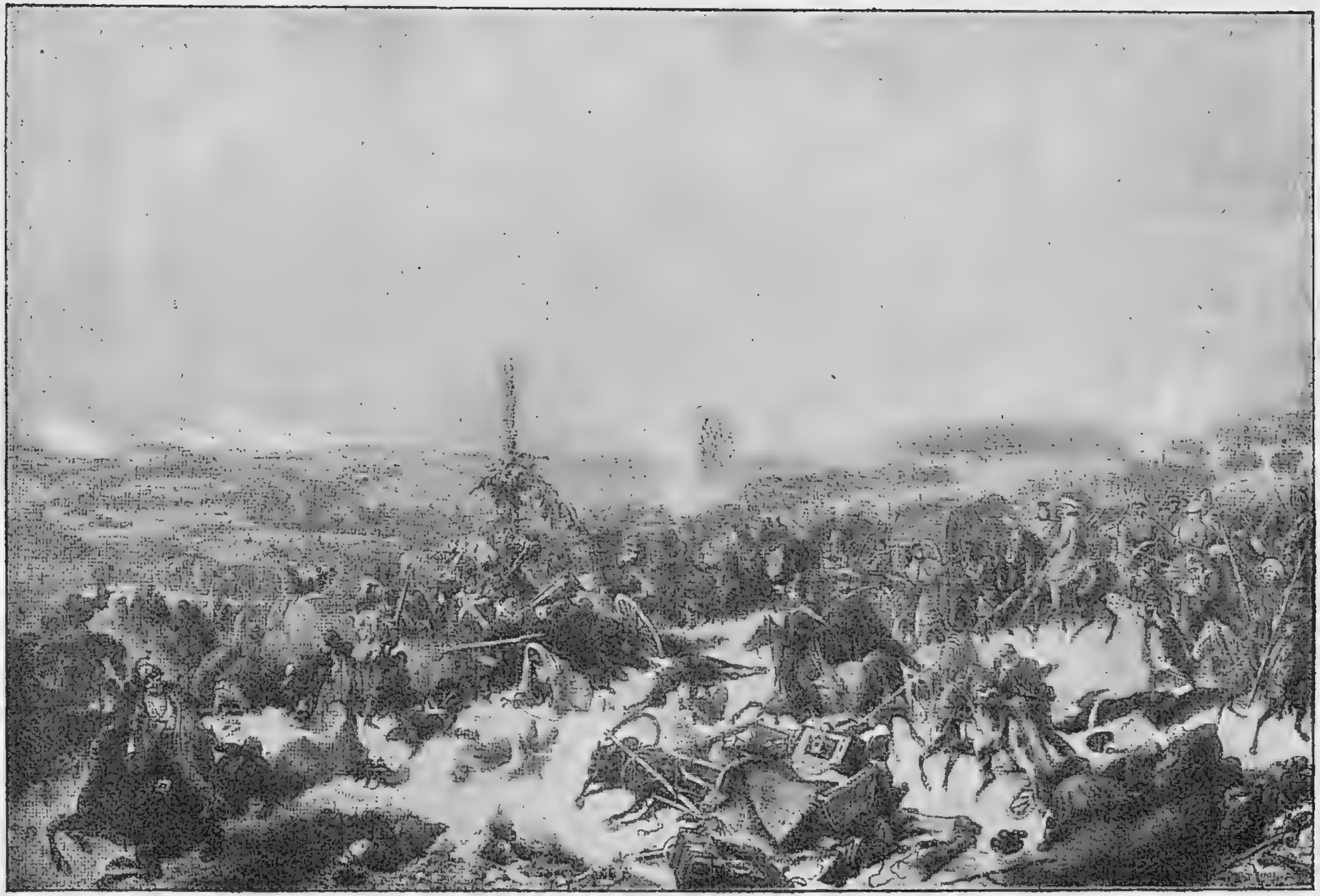
Между тѣмъ у Чичагова было 32.000, у Витгенштейна 30.000 и у Кутузова 50.000 человѣкъ.

Однако и въ столь тяжеломъ положеніи Наполеонъ не растерялся и напрягъ всю свою энергію, чтобы спасти себя и остатки своихъ войскъ отъ гибели.

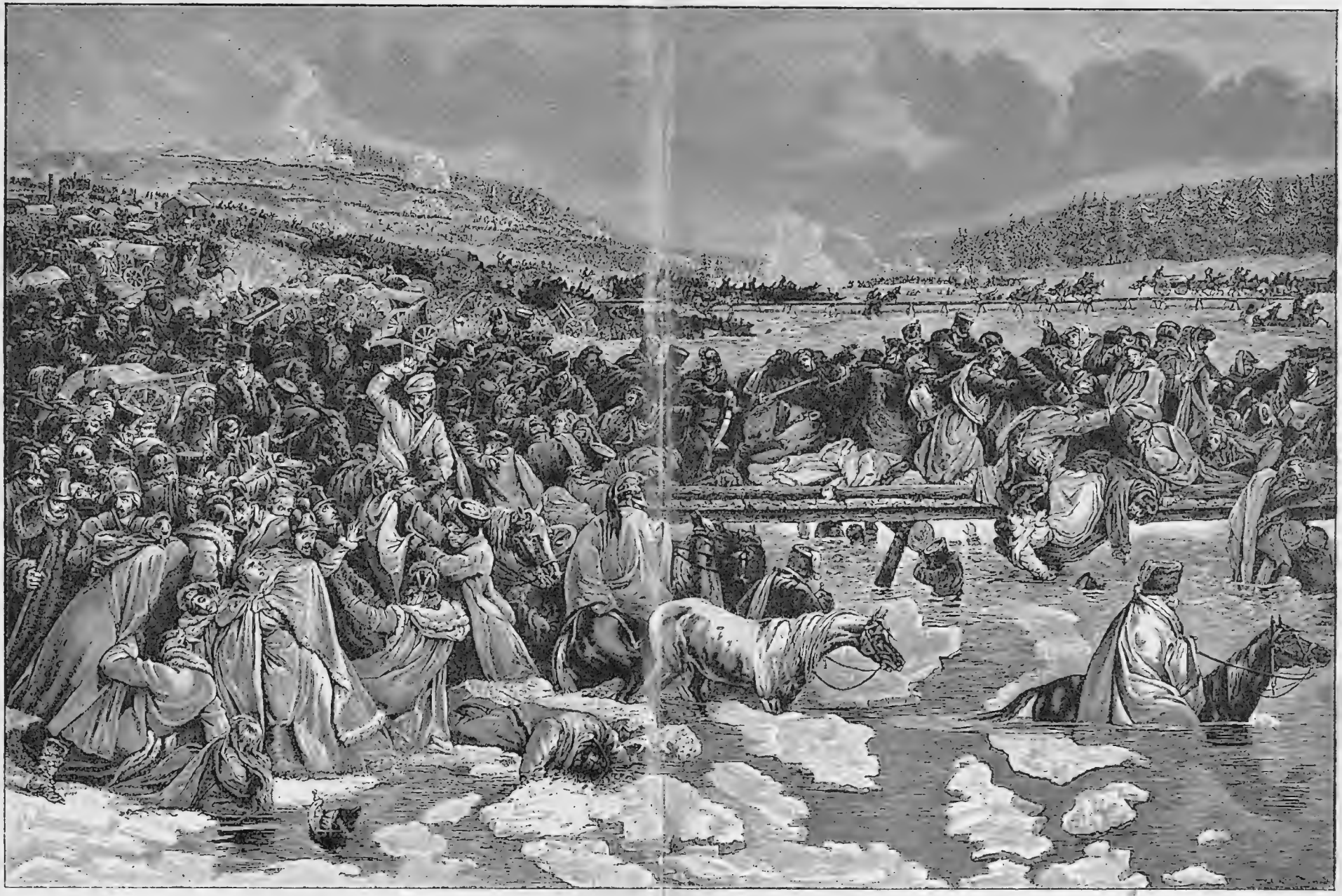
Маршалъ Удино отвлекъ искусными демонстраціями Чичагова на цѣлый переходъ на югъ отъ города Борисова и далъ возможность Наполеону начать переправу черезъ Березину по наведеннымъ понтоннымъ мостамъ у Студянки, въ 18 верстахъ сѣвернѣе Борисова, гдѣ на правомъ берегу стоялъ нашъ слабый отрядъ подъ начальствомъ Корнилова. Онъ выстрѣлами изъ 12 орудій пытался было помѣшать наведенію мостовъ, но огонь 40 орудій заставилъ его отказаться отъ своей попытки, и непріятели 14 и 15 ноября безпрепятственно переправлялись черезъ рѣку. Только 16 числа подошедшіе къ переправѣ Чичаговъ и Витгенштейнъ атаковали непріятелей на обоихъ берегахъ рѣки.

Закипѣлъ страшный бой, продолжавшійся съ утра до наступленія полной темноты. Непріятельскія войска дрались съ отчаяннымъ ожесточеніемъ. Уронъ ихъ былъ громаденъ. Особенно пострадали войска, оставшіяся на лѣвомъ берегу рѣки: имъ пришлось совершать переправу подъ натискомъ русскихъ. Огонь нашей артиллеріи заставилъ ихъ кинуться къ мостамъ. Обозъ, артиллерія, конница, пѣхота,—все смѣшалось въ безпорядочную толпу, въ которой каждый помышлялъ лишь о личномъ спасеніи. Множество солдатъ падало съ мостовъ въ воду, стараясь спастись вплавь между несущимися льдинами, и гибло въ холодныхъ волнахъ Березины.

Только 9.000 осталось изъ всѣхъ сражавшихся у Студянки, и они, сопровождаемые безоружными толпами, въ ночь на 17 ноября потянулись по направленію къ Вильнѣ. Морозы свыше 20° быстро сокращали число уходившихъ. Вся дорога до самой

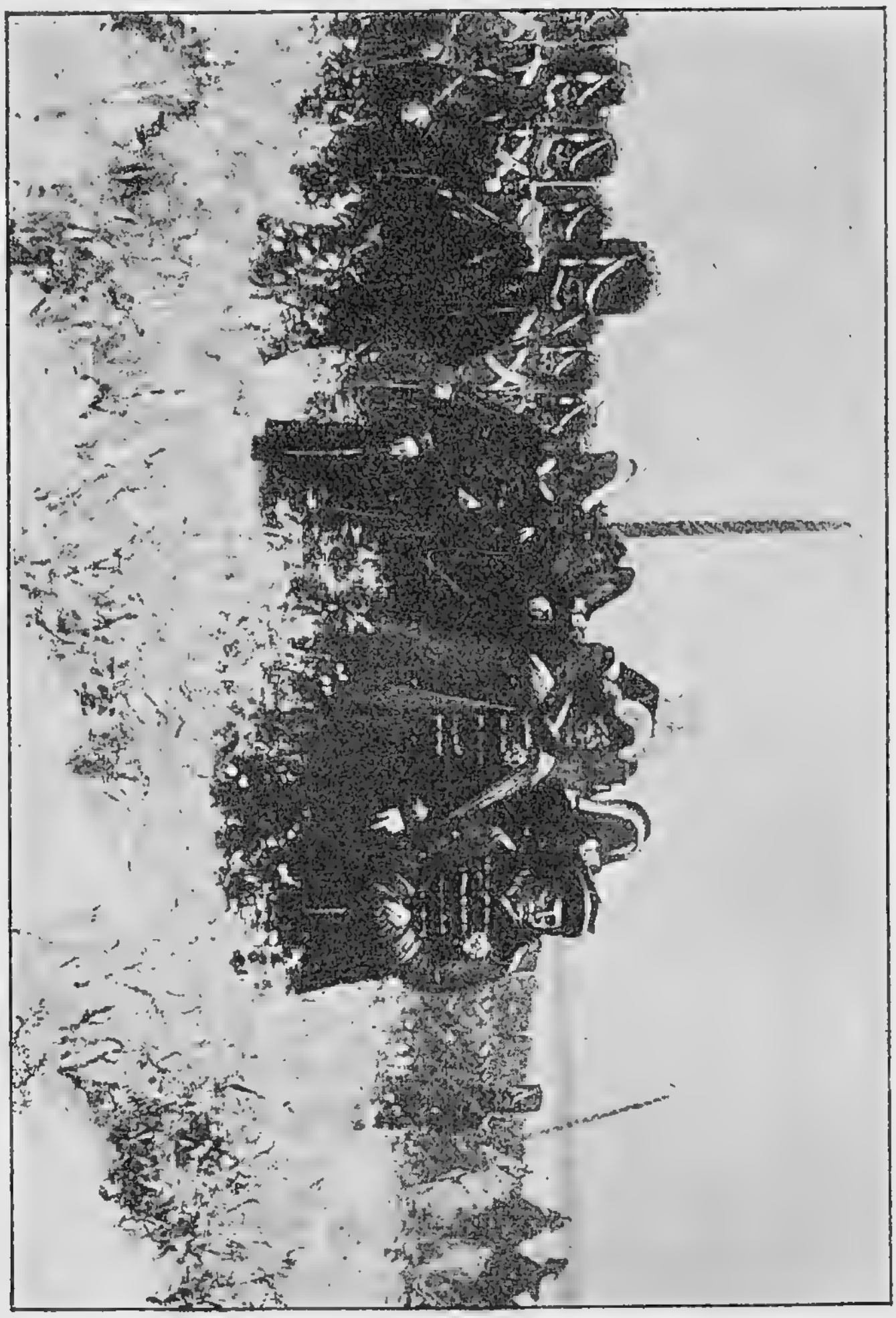


У Студяники.



Переправа черезъ Березину.

Вильны была усѣяна замерзшими, трупами лошадей, брошенными орудіями, повозками, наполненными награбленнымъ въ Россіи добромъ. По сторонамъ дороги бродили, какъ тѣни, толпы голодныхъ людей, тщетно кутавшихся отъ жестокой стужи въ женскія одежды, даже въ священническія облаченія. За право



Наполеонъ у Березины.
Съ картины *Верещагина*.

погрѣться у рѣдкихъ костровъ происходили смертельныя схватки. Одинъ крикъ «казаки» заставлялъ цѣлые отряды бросать свои печальные привалы и кидаться въ бѣгство.

Наполеонъ, увидавъ, что все пропало, сказалъ своимъ маршаламъ: «Отъ великаго до смѣшного одинъ шагъ». Одѣтый

по-польски, онъ счелъ конченной свою «вторую польскую войну», сѣлъ въ карету и поскакалъ во Францію, бросивъ остатки своей арміи на произволъ судьбы. Тысячи проклятій сыпались вослѣдъ жестокому завоевателю. «Онъ бѣжитъ,—съ злобой говорили солдаты,—какъ бѣжалъ изъ Египта; онъ покидаетъ насъ, онъ предаетъ насъ гибели»... Во время своей короткой остановки въ столицѣ герцогства Варшавскаго, Наполеонъ, говоря съ графомъ Потоцкимъ о своемъ несчастномъ походѣ въ Россію, сказалъ: «Меня обманули, увѣряя, что русскіе бояре примутъ мою сторону и что крестьяне прибѣгнутъ ко мнѣ, чтобы освободиться отъ рабства. Все это ложь. Поселяне вѣрны своему государю, дворяне преисполнены усердія къ нему».

28 ноября наши войска заняли Вильну, наполненную тысячами раненыхъ и больныхъ непріятелей. Скоро сюда прибылъ государь и свидѣлся здѣсь съ Кутузовымъ, которому былъ пожалованъ орденъ Георгія 1-й степени.

Въ декабрѣ послѣдніе остатки «великой арміи» въ числѣ 1.000 вооруженныхъ и нѣсколькихъ тысячъ безоружныхъ (всего 9 тысячъ) вышли изъ предѣловъ Россіи.

Такъ кончилось одно изъ самыхъ страшныхъ завоевательныхъ предпріятій, какія только знаетъ всемірная исторія. Оно разбилось о несокрушимый, безграничный патріотизмъ Русскаго самодержавнаго царя и доблестнаго нашего народа, глубоко охваченныхъ русскою историческою идеей.

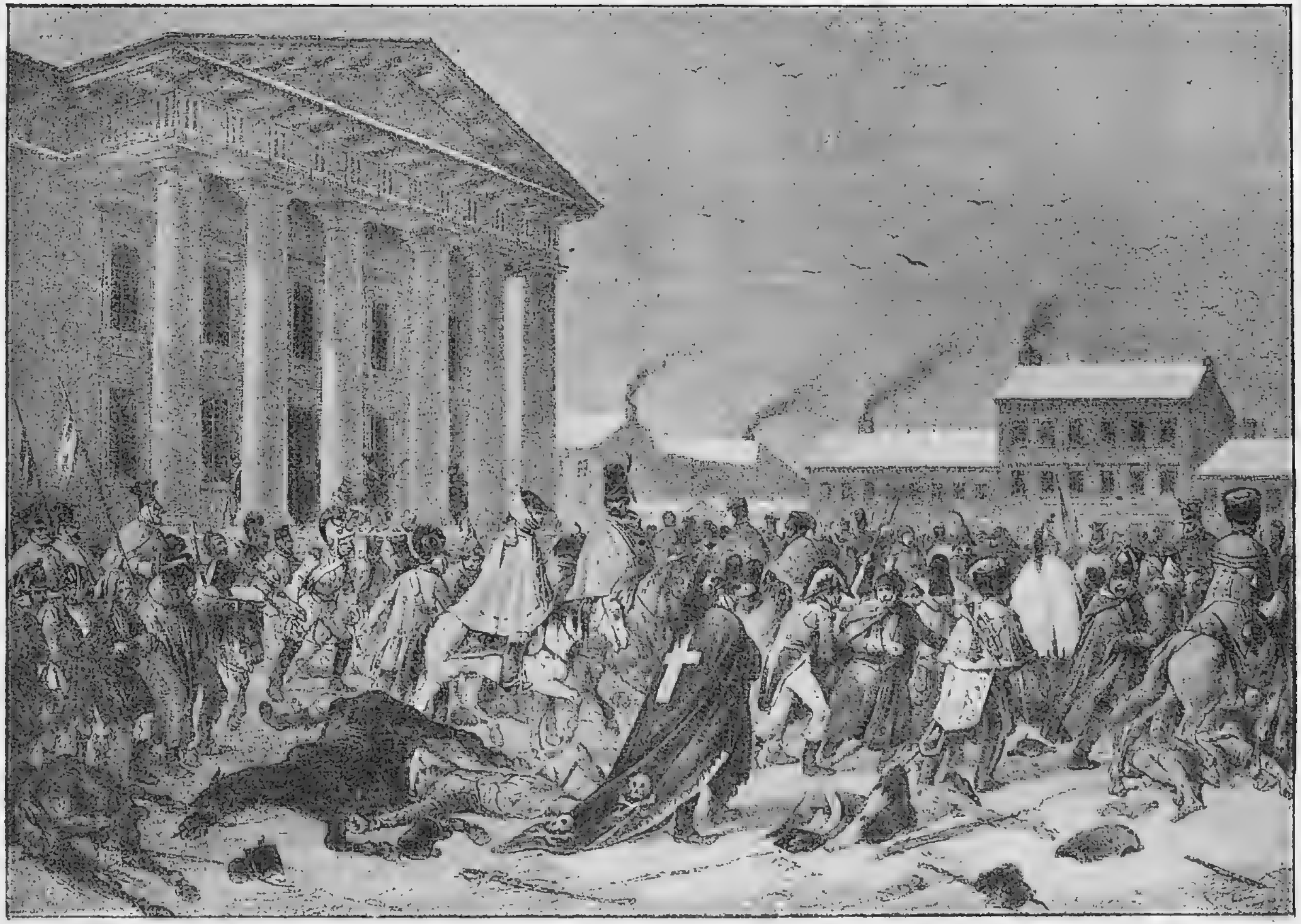
25 декабря вся Россія благодарила Бога за свое спасеніе отъ нашествія полчищъ двадесяти народовъ Запада.

Чрезвычайно любопытно познакомиться, какъ смотрѣлъ на войну 1812 года императоръ Александръ I.

Въ манифестѣ своемъ, подписанномъ въ 1812 году, въ день Рождества Христова, онъ говорилъ:

«Богъ и весь свѣтъ тому свидѣтели, съ какими желаніями и силами непріятель вступилъ въ отечество наше. Ничто не могло отвратить злыхъ и упорныхъ его намѣреній. Твердо надѣющійся на свои собственныя и собранныя имъ противъ насъ, почти со всѣхъ европейскихъ державъ, силы страшныя и подвигаемый алчностью завоеваній и жаждою крови, спѣшилъ онъ ворваться въ самую грудь имперіи нашей, дабы излить на нее всѣ ужасы и бѣдствія, не случайно порожденной, но издавна уготованной имъ, опустошительной войны. Предузнавая приготовленную намъ отъ него горькую чашу золъ и видя его съ неукротимою яростью вступающаго въ предѣлы наши, принуждены мы были съ бо-

лѣзненнымъ и сокрушеннымъ сердцемъ, призвавъ на помощь Бога, обнажить мечъ нашъ и обѣщать царству нашему, что мы не опустимъ оный въ ножны, доколѣ хоть одинъ изъ вооруженныхъ непріятелей оставаться будетъ въ землѣ нашей. Мы положили твердо сіе обѣщаніе въ сердцѣ своемъ, надѣясь на крѣпкую доблесть Богомъ ввѣреннаго намъ народа, въ чемъ и не обманулись. Какой примѣръ храбрости, мужества, благочестія, терпѣнія и твердости показала Россія! Вломившись въ глубь ея, врагъ всѣми неслыханными средствами лютости и неистовства не могъ достигнуть того, чтобы она хотя единожды о нанесенныхъ ей отъ него глубокихъ ранъ вздохнула. Казалось, съ пролитіемъ крови ея въ ней умножался духъ мужества; съ пожарами городовъ ея воспламенялась любовь къ отечеству, съ разрушеніемъ и поруганіемъ святынь и храмовъ Божіихъ утверждалась въ ней вѣра, и возникало непримиримое мщеніе. Войско, вельможи, дворянство, духовенство, купечество, народъ, — словомъ, всѣ государственныя сословія, не щадя ни имуществъ своихъ, ни жизни, слились въ единую душу, — душу вмѣстѣ мужественную и благочестивую, пылающую любовью къ отечеству и любовью къ Богу. Отъ сего всеобщаго единодушія проистекли слѣдствія, едва ли имовѣрныя, едва ли когда слыханныя. Представимъ себѣ собранныя изъ 20 царствъ и народовъ, подъ одно знамя соединенныя ужасныя силы, съ какими властолюбивый, надменный побѣдами непріятель вошелъ въ землю нашу. Полмилліона пѣшихъ и конныхъ воиновъ и около полуторы тысячи пушекъ слѣдовали за нимъ. Съ симъ огромнымъ ополченіемъ проникаетъ онъ въ самую середину Россіи и начинаетъ разливать огонь и опустошеніе. Но едва проходитъ 6 мѣсяцевъ отъ вступленія его въ предѣлы наши, и гдѣ онъ?.. Гдѣ войска его, подобныя тучѣ нагнанныхъ вѣтрами облаковъ? Разсыпались, какъ дождь. Великая часть ихъ, напоивъ кровью землю, лежитъ, покрывая пространство московскихъ, калужскихъ, смоленскихъ, бѣлорусскихъ и литовскихъ полей. Другая великая часть, въ разныхъ и частыхъ битвахъ, взята со многими военачальниками въ плѣнъ, послѣ многократныхъ и сильныхъ пораженій; напослѣдокъ цѣлые полки ихъ, прибѣгая къ великодушію побѣдителей, оружіе передъ ними слагали. Остальная же столь же великая часть, въ стремительномъ бѣгствѣ своемъ, гонимая побѣдоносными нашими войсками и встрѣчаемая морозами и голодомъ, устлала путь отъ самой Москвы до предѣловъ Россіи трупами, пушками, обозами, снарядами, такъ что оставшаяся

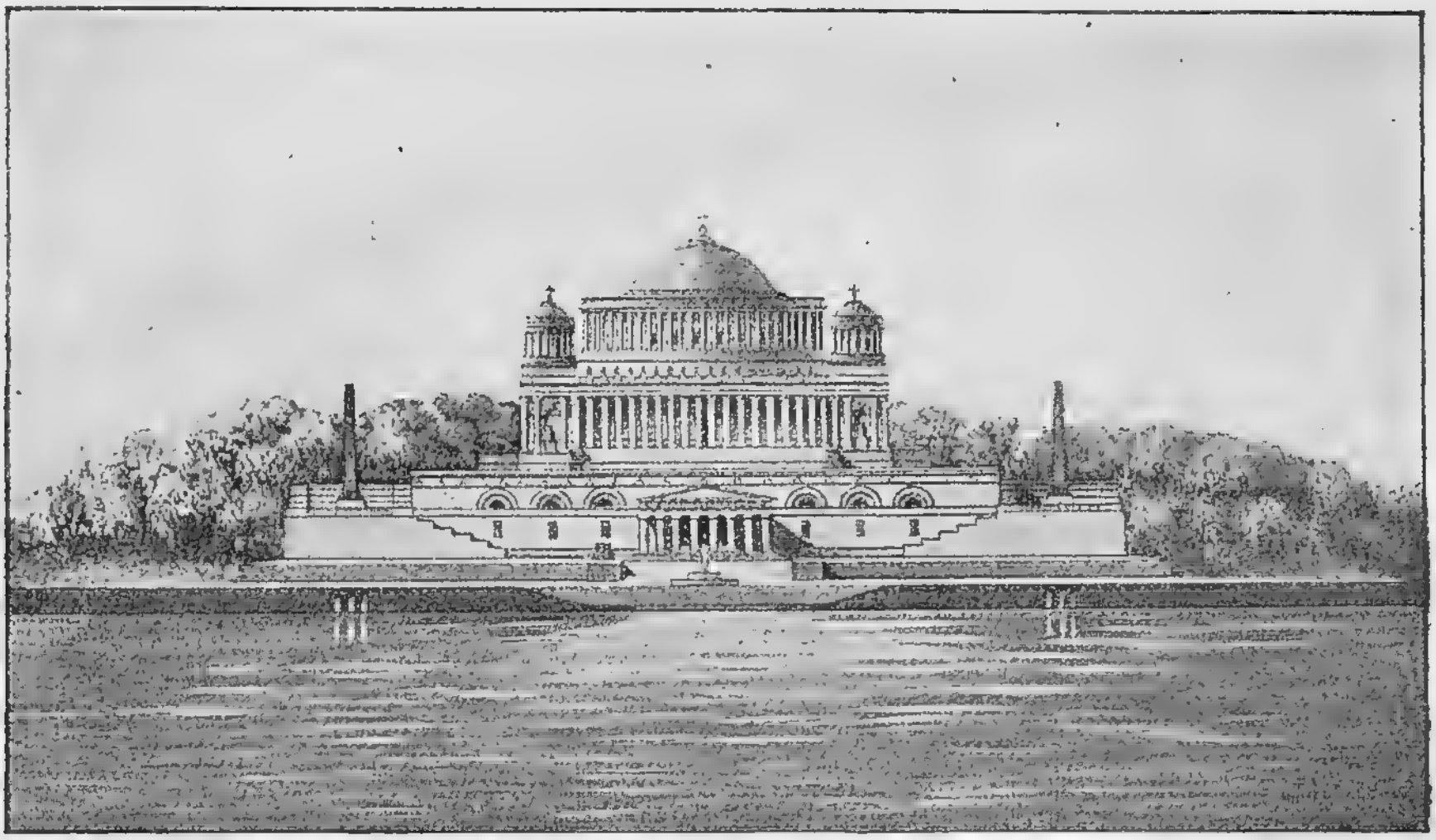


Великая армія въ Вильнѣ.

ото всей ихъ многочисленной силы ничтожная часть изнуренныхъ и безоружныхъ воиновъ, едва можетъ прійти въ страну свою, дабы, къ ужасу и трепету единоземцевъ своихъ, возвѣстить имъ, сколь страшная казнь постигаетъ дерзающихъ съ бранными намѣреніями вступить въ нѣдра могущественной Россіи. Нынѣ, съ сердечною радостью и горячею къ Богу благодарностью, объявляемъ мы нашимъ вѣрноподданнымъ, что событіе превзошло даже самую надежду нашу, и что объявленное нами, при началѣ войны, свыше мѣры исполнилось: уже нѣтъ ни единаго врага на лицѣ земли нашей, или, лучше сказать, всѣ они здѣсь остались, но какъ? — мертвые, раненые и плѣнные. Самъ гордый повелитель и предводитель ихъ едва съ главнѣйшими изъ своихъ приближенныхъ отселѣ ускакать могъ, растерявъ все свое воинство и всѣ привезенныя съ собою пушки, которыхъ болѣе тысячи, не считая зарытыхъ и потопленныхъ имъ, отбиты у него и находятся въ рукахъ нашихъ. Зрѣлище погибели войскъ его невѣроятно! Едва можно собственнымъ глазамъ своимъ повѣрить. Кто могъ сіе сдѣлать?!. Не отнимая достойной славы ни у главнокомандующаго надъ войсками нашими, знаменитаго полководца, ни у другихъ искусныхъ и мужественныхъ вождей и военачальниковъ, ознаменовавшихъ себя рвеніемъ и усердіемъ, ни вообще у всего храбраго воинства нашего, можемъ сказать, что содѣянное ими есть превыше силъ человѣческихъ. Итакъ, да познаемъ въ великомъ дѣлѣ семъ Промыслъ Божій! Повергнемся предъ святымъ Его престоломъ и, видя ясно руку Его, поразившую гордость и злочестіе, вмѣсто тщеславія и киченія о побѣдахъ нашихъ, научимся изъ сего великаго и страшнаго примѣра быть кроткими и смиренными законовъ и воли Его исполнителями, не похожими на сихъ отпадшихъ отъ вѣры осквернителей храмовъ Божіихъ, враговъ нашихъ, которыхъ тѣла въ несмѣтномъ количествѣ валяются пищею псамъ и вранамъ! Великъ Господь нашъ Богъ въ милостяхъ и во гнѣвѣ Своемъ!»

Заключенное въ государственный документъ смиренное признаніе Русскаго царя, что все величіе достигнутыхъ въ войнѣ результатовъ есть дѣло Божіе, составляетъ безпримѣрный, единственный актъ во всемірной исторіи.

Въ другомъ манифестѣ своемъ, подписанномъ въ Вильнѣ 25 декабря 1812 года, государь говорилъ: «Въ сохраненіе вѣчной памяти того безпримѣрнаго усердія, вѣрности и любви къ отечеству, какими въ сіи трудныя времена превознесъ себя народъ



Храмъ Христа Спасителя по проекту Витберга.

Россійскій и въ ознаменованіе благодарности нашей къ Промыслу Божію, спасшему Россію отъ грозившей ей гибели, вознамѣрились мы въ первопрестольномъ городѣ нашемъ Москвѣ создать церковь во имя Спасителя Христа».

Тѣ же чувства глубоко проникали душу царя, когда онъ, послѣ взятія Парижа и низложенія Наполеона, прибылъ 13 іюля 1814 года въ Петербургъ. Народъ, давно уже не видавшій царя, былъ охваченъ чрезвычайнымъ энтузіазмомъ, а высшія государственныя учрежденія постановили поднести государю титулъ «Благословеннаго» и воздвигнуть ему памятникъ при жизни. Отвѣтъ Александра I былъ проникнутъ также глубочайшимъ смиреніемъ и гласилъ: «Да соорудится мнѣ памятникъ въ сердцахъ вашихъ, да благословляетъ меня народъ мой, да благоденствуетъ Россія, и да будетъ надъ нею и надо мною благословеніе Божіе»...

Но возвратимся назадъ.

Въ приказѣ государя по арміи 25 декабря 1812 года говорилось:

«Воины! Храбрость и терпѣніе ваши вознаграждены славою, которая не умретъ въ потомствѣ. Имена и дѣла ваши будутъ переходить изъ устъ въ уста, отъ сыновъ ко внукамъ и правнукамъ вашимъ до самыхъ позднихъ родовъ. Хвала Всевышнему! Рука Господня съ нами и не оставитъ насъ. Уже нѣтъ ни одного

непріятеля на лицѣ земли нашей. Вы по трупамъ и костямъ ихъ пришли къ предѣламъ имперіи».

Въ манифестѣ, изъявлявшемъ Россійскому народу благодарность за спасеніе отечества въ 1812 году, государь съ глубокимъ уваженіемъ къ русскому патріотизму говорилъ: «Всеобщимъ рвеніемъ, усердіемъ (нашихъ вѣрноподданныхъ, какъ истинныхъ сыновъ отечества) доведены непріятельскія силы до крайняго истощенія и или истреблены, или въ полонъ взяты. Всѣ единодушно въ томъ содѣйствовали, храбрыя войска наши всегда поражали и низлагали врага. Доблестное дворянство не пощадило ничего къ умноженію государственныхъ силъ. Почтенное купечество ознаменовало себя всякаго рода пожертвованіями. Вѣрный народъ, мѣщанство и крестьяне показали такіе опыты вѣрности и любви къ отечеству, какіе одному только Русскому народу свойственны. Они, вступая охотно и добровольно въ ополченія, въ самомъ скоромъ времени собранныя, явили въ себѣ мужество и крѣпость пріученныхъ къ бранямъ воиновъ. Твердая грудь и смѣлая рука съ такою же неустрашимостью расторгала полки непріятелей, съ какою за нѣсколько предъ тѣмъ недѣль раздирала плугомъ поля... Во многихъ губерніяхъ поселяне сами собою ополчались, избирали изъ себя предводителей и не только никакими прельщеніями враговъ не были уловлены, но съ мученическою твердостью претерпѣвали всѣ наносимые имъ удары... Многія селенія скрывали въ лѣсахъ семейства свои и малолѣтнихъ дѣтей, а сами, вооружась и поклявшись предъ святымъ Евангеліемъ не выдавать другъ друга, съ невѣроятнымъ мужествомъ оборонялись и нападали на непріятеля, такъ что многія тысячи истреблены и взяты въ плѣнъ крестьянами и даже руками женщинъ, будучи жизнью своею обязаны человѣколюбію тѣхъ, которыхъ они приходили жечь и грабить. Столь великій духъ и непоколебимая твердость всего народа приносятъ незабвенную славу, достойную сохраниться въ памяти потомства... Почитаемъ за долгъ и обязанность симъ нашимъ всенароднымъ объявленіемъ изъявить предъ цѣлымъ свѣтомъ благодарность нашу и отдать должную справедливость храброму, вѣрному и благочестивому народу Россійскому».

Историческія послѣдствія Отечественной войны 1812 года необъятно велики: они сказались: а) освобожденіемъ Западной Европы отъ владычества Наполеона; б) глубокой перемѣной во внутреннеї политикѣ императора Александра I и в) значительнымъ переворотомъ среди образованныхъ и правящихъ классовъ

Россіи, что выразилось подъемомъ въ нихъ нашихъ русскихъ національныхъ началъ, едва дававшихъ себя знать въ этой средѣ до этой великой народной войны.

Разсмотримъ главнѣйшія послѣдствія достопамятнѣйшихъ событій этой великой эпохи.

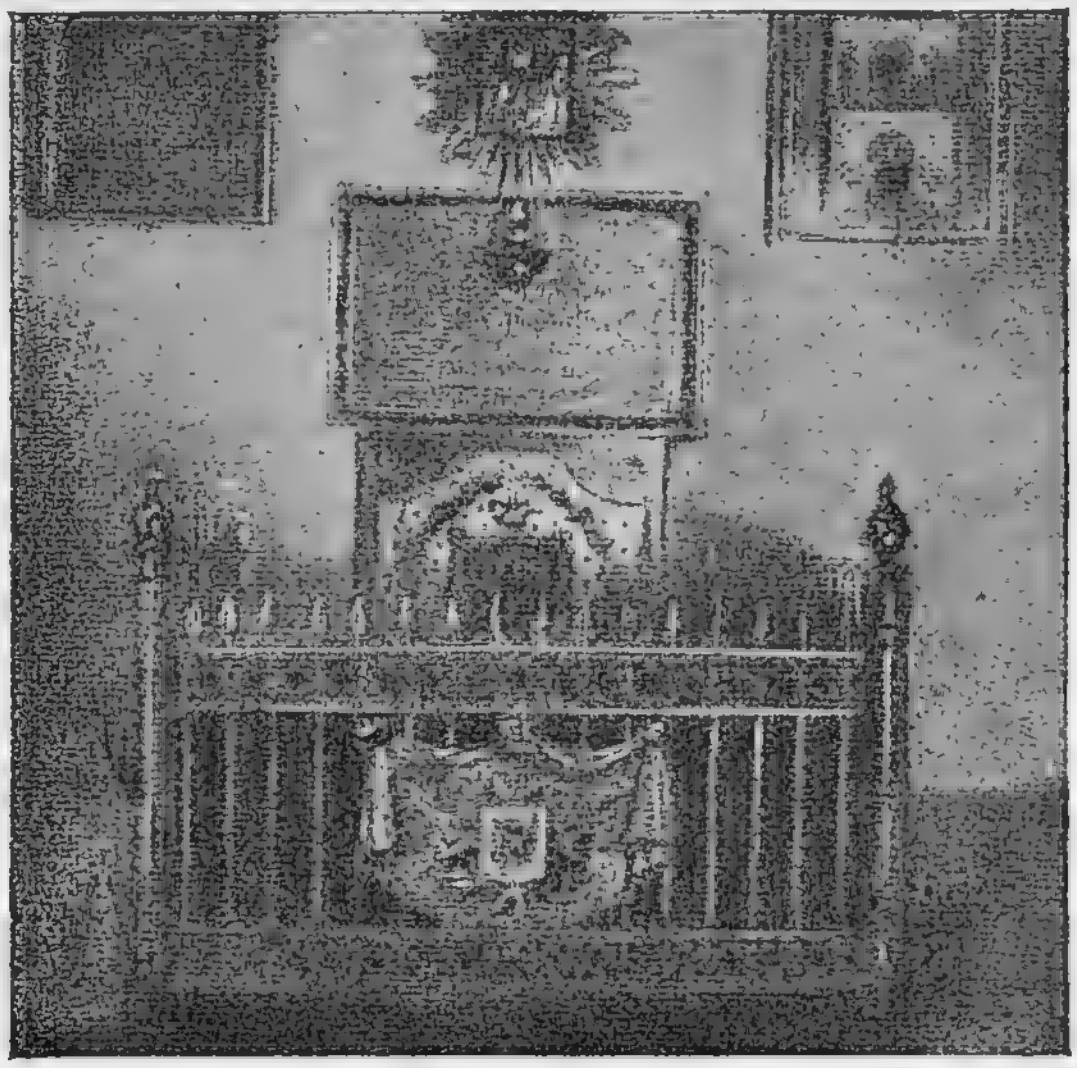
Императору Александру въ концѣ 12-го года предлежалъ вопросъ: удовольствоваться ли изгнаніемъ непріятеля изъ Россіи, или же преслѣдовать его за нашими границами и освободить отъ Наполеона Европу? Князь Кутузовъ и многіе другіе были того мнѣнія, что Наполеонъ болѣе не опасенъ для Россіи, и даже полезенъ, чтобы держать въ страхѣ Англію и другихъ завистниковъ Россіи, а европейскія державы пусть сами заботятся о своей свободѣ. Но государь не былъ съ этимъ согласенъ, говоря: «Наполеонъ или я, но вмѣстѣ мы царствовать не можемъ»; онъ думалъ, что стоитъ только оправиться ненасытному завоевателю, и онъ не оставитъ въ покоѣ не только Западную Европу, но и Россію. Вотъ почему по высочайшему приказу 1 января 1813 года наши войска перешли Русскую границу. По этому случаю въ приказѣ по арміи государь говорилъ: «Пора положить конецъ нестерпимому киченію, которое, несмотря на собственную свою и другихъ земель пагубу, хочетъ рѣками крови и грудами костей человѣческихъ утвердить господство надъ всѣми державами... Мы стоимъ за вѣру противъ безвѣрія, за свободу противъ властолюбія, за человѣчество противъ звѣрства. Богъ видитъ нашу правду. Онъ покоритъ подъ ноги наши гордаго врага и посрамитъ ползающихъ къ стыду человѣчества предъ нимъ рабовъ».

Но наши расчеты, что Пруссія и Австрія, столь обездоленныя и опозоренныя Наполеономъ, скоро присоединятся къ намъ, оказались ошибочными. Прусскій король все еще трепеталъ Наполеона, и когда его генералъ Іоркъ, по собственной волѣ, отложился отъ французовъ и заключилъ соглашеніе съ Русскими, прусское правительство предало было его суду. И нужно было энергическое воздѣйствіе Русскаго царя на прусскаго короля, чтобы спасти Іорка и чтобы король заключилъ съ нами союзъ противъ Наполеона. Но народъ и войско прусскіе, горѣвшіе желаніемъ отомстить за униженіе своего отечества, привѣтствовали Русскихъ съ восторгомъ: Кутузова они называли «добрымъ дѣдушкой своимъ», Александра—своимъ спасителемъ. Австрія же еще долго и упорно держалась союза съ Франціей.

Исполнивъ то, что считалъ своимъ назначеніемъ, Кутузовъ скончался въ Пруссіи. Такъ окончилъ свою доблестную жизнь

Маститый стражъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея враговъ;
Сей остальной изъ стаи славной
Екатерининскихъ орловъ.

Государь трогательно писалъ овдовѣвшей княгинѣ фельдмаршала, имя котораго «блещетъ средь народа священной памятью двѣнадцатаго года»: «Въ честь покойнаго воздвигнется памятникъ, которымъ каждый русскій, смотря на изваянный образъ



Гробница Кутузова въ Казанскомъ соборѣ.

Передъ гробницею святой
Стою съ поникшей головой.
Пушкинъ.

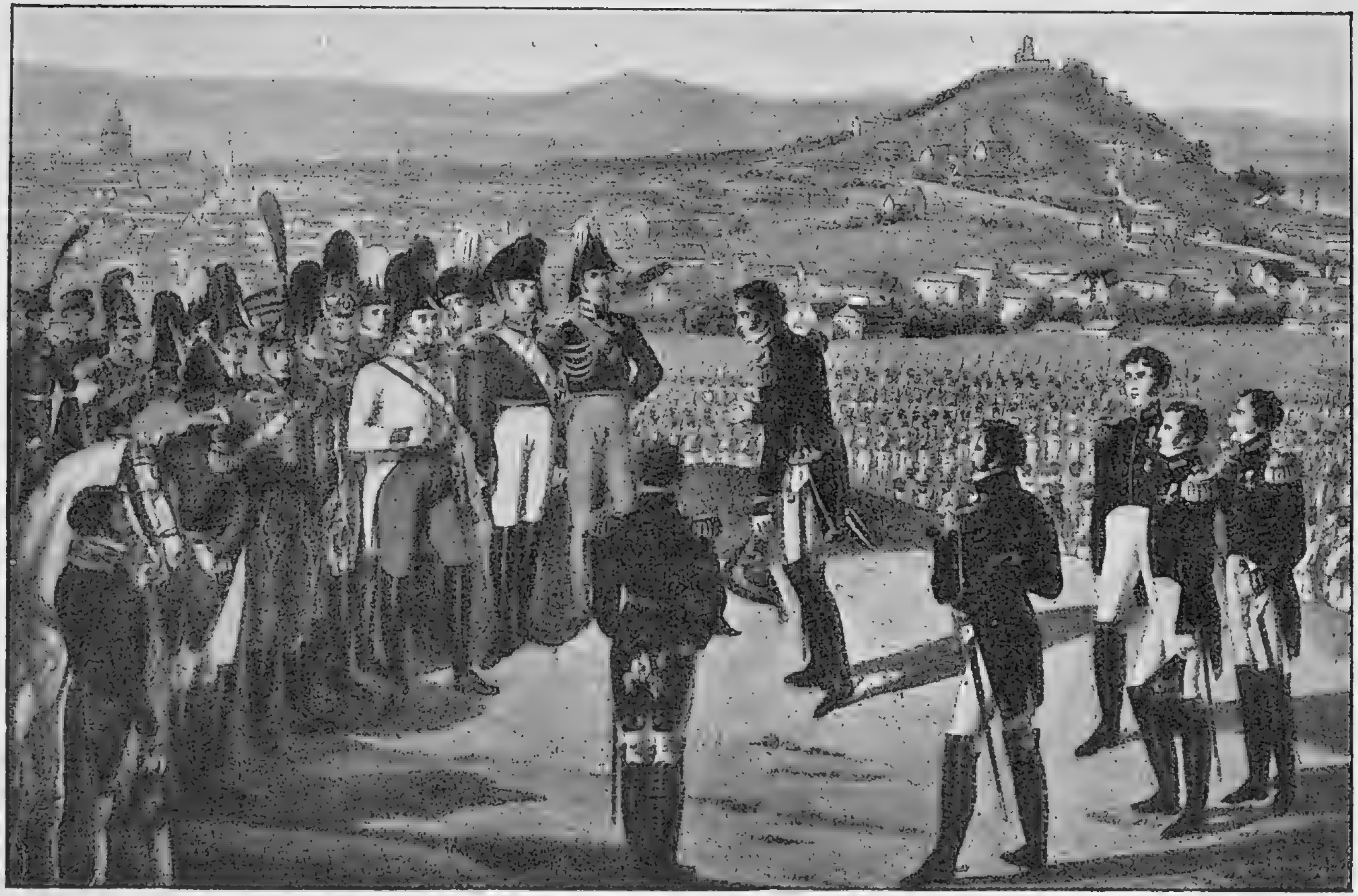
его, будетъ гордиться, а чужестранецъ—уважать землю, рождающую столь великихъ людей. Не вы однѣ проливаете о немъ слезы, съ вами плачу я, и плачетъ вся Россія». Кутузова сначала смѣнилъ Витгенштейнъ, а потомъ Барклай-де-Толли. Между тѣмъ Наполеонъ, собравъ войска, двинулся противъ союзниковъ и нанесъ имъ два пораженія (при Люценѣ и Бауценѣ), и тѣ поспѣшили заключить съ нимъ кратковременное, впрочемъ, перемиріе. Однако въ это время императору Александру уда-

лось-таки привлечь къ союзу и императора австрійскаго и короля шведскаго и возобновить войну. Этимъ затишьемъ воспользовались обѣ воюющія стороны для новыхъ огромныхъ приготовленій. Наполеонъ опять явился въ Германію и одержалъ побѣду надъ союзниками при Дрезденѣ, но и тѣ одержали нѣсколько побѣдъ надъ его маршалами. Самъ императоръ Александръ, начальствуя своими гвардейцами, разбилъ въ Богеміи при Кульмѣ корпусъ Вандама и взялъ въ плѣнъ этого маршала. Наполеонъ же отошелъ къ Лейпцигу, и сюда съ трехъ сторонъ подошли три союзныхъ арміи. Здѣсь 4, 5 и 6 октября произошла трехдневная битва, названная битвой народовъ. У Наполеона было болѣе 200 тысячъ войска, у союзниковъ—300 тысячъ. Несмотря на все свое искусство, Наполеонъ былъ разбитъ и поспѣшно отступилъ во Францію. Союзники императора Александра въ ту пору склонялись къ заключенію мира. Но Русскій царь энергически настоялъ двинуться во Францію, куда съ неохотою вступили союзныя войска. Онъ говорилъ союзникамъ: «Если желаете мира надежнаго, то его надо подписать въ Парижѣ». Наполеонъ не безъ успѣха нѣсколько разъ задерживалъ ихъ движенія во Францію, но, потерпѣвъ неудачу при Арси, не пошелъ въ Парижъ, куда, подъ давленіемъ Александра, двинулись союзники. Нашъ государь въ это время руководилъ всѣми военными ихъ дѣйствіями. Маршалы Мармонъ и Мортье дали имъ сраженіе на высотахъ у самаго Парижа, но были разбиты и должны были сдать столицу Франціи на капитуляцію. Великодушный Александръ позволилъ наполеоновскимъ войскамъ выйти изъ Парижа. Русскіе же солдаты, вступая въ знаменитый городъ, говорили: *Пришлось батюшкѣ-Парижу расплатиться за матушку-Москву*. Вступая въ столицу, Александръ представилъ, однако, совершенный контрастъ съ Наполеономъ въ моментъ его вступленія въ нашу Москву. Не думалъ государь нашъ мстить Парижу за разрушенную столицу Россіи. Онъ велѣлъ объявить парижанамъ, что ручается за безопасность ихъ, что ведетъ войну не противъ Франціи и французовъ, а противъ Наполеона. Одинъ изъ современниковъ, называя такое отношеніе Александра I къ Парижу «неслыханнымъ въ исторіи великодушіемъ», говоритъ: «Покореніе Парижа явилось необходимымъ дополненіемъ нашихъ лѣтописей: Русскіе не могли бы безъ стыда раскрыть славной книги своей исторіи, если бы за страницей, на которой Наполеонъ изображенъ стоящимъ среди пылающей Москвы, не слѣдовала страница, гдѣ Александръ является среди покореннаго

Парижа». Но нашего государя озаряли въ покоренной столицѣ Франціи не пожары и разрушеніе, а его великодушіе и энтузіазмъ населенія. Восторженнымъ овaціямъ въ честь благороднѣйшаго изъ побѣдителей не было конца. Французы говорили ему: «Царствуйте надъ нами, или дайте намъ государя».

Мы уже говорили о томъ глубокомъ вліяніи на душу императора Александра I, которое произвели на него вторженіе въ Россію Наполеона и особенно пожаръ Москвы (см. стр. 156—159). Послѣ же своего торжества надъ грознымъ завоевателемъ, онъ, прежній космополитъ и западникъ, совсѣмъ иначе сталъ относиться къ русскимъ началамъ исторической жизни. То сочувствіе, которое онъ прежде проявлялъ къ національнымъ воззрѣніямъ Н. М. Карамзина, какъ выразились они въ его «Запискѣ о Древней и Новой Россіи» и въ начальныхъ томахъ его «Исторіи Государства Россійскаго», значительно окрѣпли въ государѣ. При разныхъ случаяхъ онъ выражалъ свое уваженіе къ Россіи и ея народу и ихъ историческимъ особенностямъ. Такъ, въ 1816 году, при посѣщеніи Москвы, государь, принимая московское дворянство, сказалъ ему знаменательныя, звучавшія русскимъ національнымъ чувствомъ, слова, которыя, разумѣется, не могли быть сказаны въ пору его увлеченія западничествомъ: «Конечно, мы прославились предъ всѣми народами. Съ Россіей вмѣстѣ мы спасли и Европу. Впрочемъ, мы не должны это присваивать себѣ. Одинъ Богъ силенъ былъ сдѣлать, что мы превзошли всѣхъ славой. Нашему примѣру послѣдовала Европа, но *не могла сравняться съ тѣмъ духомъ и съ тою твердостью, которые я видѣлъ въ васъ*... Однакожъ... мы не можемъ утверждаться на семъ возвышеніи безъ исполненія закона Божія... Я много обозрѣлъ государствъ—и самъ очевидный вамъ свидѣтель, что такое народъ, исполненный вѣры, и каковъ тотъ, который безъ закона Божественнаго. Вы знаете, какія тамъ отъ того слѣдствія произошли»...

Находясь и за границей, государь въ бесѣдѣ своей съ однимъ иностранцемъ, рѣшительно утверждалъ, что несправедливо Россію считаютъ страною варварскою, и говорилъ: «Высшія сословія весьма образованы и утонченнѣе, чѣмъ нужно. Среднее сословіе живетъ въ довольствѣ, народъ хорошъ, проникнутъ здравымъ духомъ, добродушенъ, счастливъ въ своемъ патріархальномъ образѣ жизни. Старинные обычаи можно сравнить съ древними сосудами, въ которыхъ содержатся сердечность и простота, о чемъ современный міръ ничего не знаетъ и знать не хочетъ, хотя



Сдача Парижа Александру I.

онъ отъ этого нисколько не счастливѣе. Государство обширно, и въ отдаленныхъ областяхъ народонаселеніе малочисленно. *Что для другихъ странъ годится и является потребностью, того по одному этому еще нельзя считать полезнымъ и нужнымъ для Россіи: она не должна утратить свою народность, въ которой столько хорошаго*»... Въ этомъ убѣжденіи, выработанномъ и собственнымъ тяжкимъ царственнымъ опытомъ,—убѣжденіи, столь противоположномъ утопіямъ XVIII вѣка, заключаются причины глубокоій перемѣны во внутренней политикѣ Александра I во вторую половину его царствованія, а совсѣмъ не въ нашоптываніяхъ одноій реакціи, не въ раздутоій историками аракчеевщинѣ, не въ воздѣйствіяхъ Меттерниха...

Поднявшееся въ гору просвѣщеніе начинаетъ послѣ двѣнадцатаго года воспринимать у насъ болѣе, чѣмъ прежде, національное направленіе. На смѣну Державину и Фонвизину выступаютъ Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Жуковскій, Батюшковъ, князь Вяземскій и во всемъ блескѣ развиваетъ свой національно-русскій талантъ Крыловъ. Правда, въ литературѣ нашей въ эту пору было много элементовъ подражанія Западу, въ видѣ сентиментальнаго и романтическаго направленія. Но русская національная стихія начинаетъ пробиваться въ литературѣ гораздо сильнѣе, чѣмъ въ XVIII столѣтіи. Въ этомъ отношеніи имѣетъ огромное значеніе Отечественная война 1812 года и немалое вліяніе то, что сдѣлалъ Карамзинъ своей «Исторіей Государства Россійскаго» для развитія въ образованномъ обществѣ историческаго національнаго самосознанія. Отсюда идутъ чисто-русскіе мотивы въ произведеніяхъ писателей даже западническаго направленія (напримѣръ, у Жуковскаго «Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ», «Молитва за царя» и проч.). Справедливо также вспомнить и о національномъ направленіи и второстепенныхъ писателей. Таковыми были адмиралъ Шишковъ, который сильно ратовалъ противъ поклоненія иноземщинѣ и даже, будучи единомышленникомъ въ основныхъ идеяхъ Карамзина, нападалъ на его стиль, какъ носившій слѣды французскаго вліянія. Онъ былъ душою кружка единомышленниковъ, извѣстнаго подъ именемъ «Бесѣды любителей Россійскаго слова». Глинка, основавшій въ 1808 году въ Москвѣ журналъ «Русскій Вѣстникъ», подготовлялъ русскихъ людей къ борьбѣ съ Наполеономъ, первымъ вступилъ въ московское ополченіе 1812 года и много сдѣлалъ и послѣ для развитія и распространенія патріо-

тизма. «Русскій Вѣстникъ» его выходилъ подъ слѣдующимъ девизомъ, взятымъ изъ Державина:

Мила намъ добра вѣсть о нашей сторонѣ,
Отечества и дымъ намъ сладокъ и пріятенъ.

Въ томъ же духѣ писалъ и Ѳ. В. Ростопчинъ, московскій главнокомандующій, особенно въ своей статьѣ: «Мысли вслухъ на Красномъ крыльцѣ», проникнутой рѣзкою враждой къ иноземнымъ вліяніямъ. Въ этомъ же направленіи дѣйствовалъ на общество въ своихъ трагедіяхъ, особенно въ «Дмитріи Донскомъ», Озеровъ, а послѣ него Кукольникъ. Въ это царствованіе началъ выступать съ своими театральными пьесами Загоскинъ, въ слѣдующее царствованіе писавшій такія свои патріотическія повѣсти, какъ «Юрій Милославскій» и др...

Минуя другія послѣдствія великой войны, скажемъ о дѣятельности Александра I по возстановленію Москвы,—пользуемся словами надписи на поставленныхъ въ честь него московскихъ Тріумфальныхъ воротахъ,—«изъ пепла и развалинъ», въ которые обратилъ ее 1812 годъ.

Если предсказаніе Наполеона, что «она разорена на сто лѣтъ и никогда не возвратитъ себѣ былого значенія», не сбылось, то этимъ древне-престольная столица больше всѣхъ обязана Александру I, его рѣшительной волѣ возстановить ее изъ обломковъ разрушенія, не только, какъ важный для Россіи городъ, но именно, какъ національно-государственный центръ, значеніе котораго не могли изгладить преобразованія и Петра I.

И въ пору своей кипучей борьбы съ Наполеономъ, императоръ находилъ время заниматься возстановленіемъ разрушенной Москвы. Несмотря на громадныя военныя издержки, ассигновались большія суммы на постройку взорванныхъ кремлевскихъ башенъ и стѣнъ, поврежденныхъ соборовъ и Ивановской колокольни, сгорѣвшихъ дворцовъ. Послѣ двѣнадцатаго года кипѣла работа подобная той, какая началась въ 1613 году при первомъ царѣ изъ дома Романовыхъ. Въ разныхъ частяхъ Москвы монастыри и храмы получали отъ государя пособія для исправленія слѣдовъ новой «разрухи». Учебныя заведенія и въ ихъ числѣ Московскій университетъ тоже пользовались, вмѣстѣ съ частными пожертвованіями, государственною щедростью, что ему дало возможность обстроиться лучше прежняго.

При Александрѣ I, въ разное, впрочемъ, время его царствованія, возникли въ Москвѣ Екатерининскій и Александровскій

институты, Практическая академія коммерческихъ знаній, Маріинская, Ново-Екатерининская и Шереметевская больницы, Экзерциръ-гаузъ, Большой театръ и проч.

Послѣ низложенія Наполеона и Вѣнскаго конгресса Александръ Благословенный, чтобы утѣшить страдалицу за Святую Русь, нерѣдко пріѣзжалъ въ Москву, привозилъ сюда царскую фамилію и даже иноземныхъ государей и принцевъ, оцѣнившихъ, наконецъ, значеніе Русскаго національнаго центра. Въ одинъ изъ такихъ пріѣздовъ, въ 1817 г., 12 февраля, чрезъ пять лѣтъ послѣ того, какъ «великая армія» покинула Москву, Александръ I въ присутствіи войскъ и громаднаго стеченія народа совершилъ закладку на Воробьевыхъ горахъ обѣтнаго храма Христа Спасителя. Въ манифестѣ по этому поводу говорилось: «Да простоитъ сей храмъ многіе вѣка и да курится въ немъ предъ святымъ престоломъ Божіимъ кадило благодарности до позднѣйшихъ годовъ, вмѣстѣ съ нашей любовью и подраженіемъ дѣламъ нашихъ предковъ». Храмъ этотъ, строившійся по плану художника Витберга, за слабостью грунта на мѣстѣ грандіознѣйшей постройки, не могъ быть выстроенъ и снова былъ заложенъ на мѣстѣ нынѣшней его постройки и былъ оконченъ и освященъ уже въ царствованіе императора Александра III. Въ слѣдующемъ 1818 году Александръ I снова посѣщаетъ Москву вмѣстѣ съ царскою семьею. Въ этомъ году въ Кремлѣ у великаго князя Николая Павловича родился будущій Царь-Освободитель Александръ II. Онъ былъ крещенъ въ Чудовомъ монастырѣ и положенъ своею бабушкой, бывшею его крестной матерью, императрицей Маріей Ѳеодоровною, въ раку святителя Алексія, на его мощи. Въ этомъ же году, связывая 1812 годъ съ 1612 годомъ, государь открылъ въ Москвѣ, на Красной площади, памятникъ Минину и Пожарскому и самъ командовалъ войсками, среди которыхъ были герои Бородина и Парижа.

Россіи предстоитъ въ 1912 году праздновать столѣтіе Отечественной войны 1812 года. Надѣемся, что это празднованіе будетъ соотвѣтствовать ея величію и тѣмъ глубоко важнымъ послѣдствіямъ, какія имѣла она въ нашей государственной и народной жизни. Въ ряду начавшихся уже приготовленій къ этому великому юбилею, особенно симпатичнымъ является устройство двухъ музеевъ 1812 года—въ Петербургѣ и Москвѣ, привлекающихъ уже множество пожертвованій и деньгами и вещественными памятниками этой достославной эпохи.

Воздвигнутый послѣ Отечественной войны въ Москвѣ Александромъ I памятникъ Минину и Пожарскому.

Въ связи съ выработкой плановъ для московскаго музея у насъ въ Историческомъ музеѣ весною 1909 года была устроена чрезвычайно любопытная выставка двѣнадцатаго года, давшая, въ своихъ портретахъ и батальныхъ картинахъ, не мало матеріаловъ для иллюстрированія нашего настоящаго изданія.

Медаль за взятіе Парижа.

СПИСОКЪ

свѣтовыхъ картинъ къ чтеніямъ: „Столѣтіе Отечественной войны 1812 года".

1. Портретъ императора Александра I.
2. Медаль въ память войны 1812 года.
3. Наперсный крестъ 1812 года.
4. Голенищевъ-Кутузовъ.
5. Князь Багратіонъ.
6. Барклай-де-Толли.
7. Графъ Милорадовичъ.
8. Ермоловъ.
9. Раевскій.
10. Императоръ Наполеонъ.
11. Свиданіе въ Тильзитѣ.
12. Переходъ «великой арміи» чрезъ Нѣманъ.
13. Битва подъ Смоленскомъ.
14. Планъ Бородинскаго сраженія.
15. Общій видъ Бородинскаго поля.
16. Крестный ходъ съ иконой Смоленской Богоматери.
17. Бой у Багратіоновыхъ флешей.
18. Бой у батареи Раевскаго.
19. Бой у деревни Горки.
20. Кавалерійская схватка.
21. Шевардинскій редутъ.
22. Наполеонъ на Бородинскомъ полѣ.
23. Бородинскій монастырь.
24. Памятникъ на Бородинскомъ полѣ.
25. Совѣтъ на Филяхъ.
26. Графъ Ростопчинъ.
27. Его афишка.
28. Наполеонъ на Поклонной горѣ.
29. Вступленіе его арміи въ Москву.
30. Французы въ Кремлѣ.
31. Пожаръ въ Москвѣ.
32. То же, французская гравюра.
33. Наполеонъ на Кремлевской стѣнѣ.
34. Отъѣздъ Наполеона изъ Москвы.
35. Взрывъ Никольской башни.

36. Русскій отрядъ въ Кремлѣ.
37. Битва при Тарутинѣ.
38. Битва при Маломъ Ярославцѣ.
39. Битва при Вязьмѣ.
40. Битва подъ Краснымъ.
41. Витгенштейнъ.
42. Партизаны Фигнеръ, Давыдовъ, Сеславинъ.
43. Смерть Энгельгардта.
44. Великая армія въ Вильнѣ.
45. Старостиха Василиса и плѣнные.
46. Битва у Студянки.
47. Переправа чрезъ Березину.
48. Отъѣздъ Наполеона изъ Россіи.
49. Битва у Парижа.
50. Капитуляція Парижа.
51. Въѣздъ Александра I въ столицу Франціи.
52. Русскій молебенъ въ Парижѣ.
53. Медаль за взятіе Парижа.

Историческая библиотека

РУССКАЯ ИСТОРІЯ.

Въ шести частяхъ (862—1894). Съ 866 рисунками. В. В. Назаревскаго.
Цѣна 5 руб.

Компетентными учрежденіями разныхъ вѣдомствъ это изданіе по Отечественной Исторіи одобрено къ обращенію въ библіотекахъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, а равно и въ войскахъ и народныхъ читальняхъ.

Давая множество рисунковъ, воспроизводящихъ портреты историческихъ лицъ, разнообразные памятники событій, храмы, жилища, одежды, оружіе, печати, монеты и художественныя изображенія прошлаго, а также снимки съ рукописей, географическія карты и планы, **этотъ полный курсъ Русской Исторіи** можетъ служить наглядпымъ пособіемъ къ изученію этого предмета въ школѣ и дома, а также и наградпымъ подаркомъ для учениковъ и учепицъ. Въ коленкоровыхъ переплетахъ въ 3 томахъ. **Цѣна 6 руб. 50 коп.**

Изъ курса Русской Исторіи можно получать отдѣльныя царствованія.

1) **Императоръ Павелъ I и походы Суворова въ Италіи и Швейцаріи.** Съ 37 рисунками. **Цѣна 25 коп.**

2) **Императоръ Александръ I, 1812 годъ и другія войны этого царствованія** Съ 96 рисунками. **Цѣна 50 коп.**

3) **Царствованіе Императора Николая I.** Съ 92 рисунками. **Цѣна 50 коп.**

4) **Царствованіе Импер: гора Александра II.** Съ 107 рисунками. **Цѣна 50 коп.**

5) **Царствованіе Императора Александра III.** Съ 92 рисунками. **Цѣна 50 коп.**

В. В. НАЗАРЕВСКІЙ. Великія Годовщины 1612—1613—1812. Междуцарствіе и| народныя опслченія Минина и Пожарскаго. Трехсотлѣтіе пзбранія на царство Михаила Ѳеодоровича Романова. Столѣтіе Отечественной войны 1812 года. Съ 146 рисунками. **Цѣна 75 коп.**

Вышла изъ печати новая брошюра: **ДВУХСОТЛѢТІЕ ПОЛТАВСКОЙ БИТВЫ. В. В. Назаревскаго.** *Изданіе второе.* Съ 42 рисунками. Цѣна **25** коп.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія **внесено** въ каталоги низшихъ учебныхъ заведеній и народныхъ читаленъ.

Цѣна **40** коп.